

2021
N 2 (56)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, honoured lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 23.06.2021. Дата выхода в свет 30.06.2021

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 11,8.

Тираж 300 экз. Заказ N 043. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Охрана и защита прав человека

МЕШКОВ М.В., МИНУЛИН Р.М.
Освобождение несовершеннолетних
от уголовной ответственности в связи
с примирением с потерпевшими
по делам публичного обвинения

6

Section 1. Human rights protection

MESHKOV M.V., MINULIN R.M. Exemption
of minors from criminal liability due
to the reconciliation with the victims
in cases of public prosecution

Раздел 2. Административная деликтология

ЛЕЩИНА Э.Л. Производство по рассмотрению
служебных дисциплинарных споров в органах
внутренних дел

16

Section 2. Administrative delictology

LESHCHINA E.L. Proceedings for resolving
disciplinary disputes in the internal affairs
bodies

ЛЕТАЕВА Е.А. Административно-правовой статус
специальных учреждений МВД России
для содержания иностранных граждан

26

LETAEVA E.A. Administrative and legal status
of special institutions of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
for the detention of foreign citizens

Раздел 3. Уголовный закон

ХОМЕНКО А.Н. К вопросу о квалификации
деяний, посягающих на физическую
свободу человека

35

Section 3. Criminal Law

HOMENKO A.N. The issues concerning
the qualification of the acts that infringe
on the physical freedom of a person

Раздел 4. Уголовно- процессуальное обозрение

МИЩЕНКО Е.В., КОРНАКОВА С.В., МИШИН В.В.
Обоснованность и мотивированность
применения особого порядка принятия
судебного решения при заключении досудебного
соглашения о сотрудничестве

44

Section 4. Criminal procedural review

MISHCHENKO E.V., KORNAKOVA S.V.,
MISHIN V.V. Validity and motivation of
the application of a special procedure for
making a court decision when concluding
a pre-trial cooperation agreement

МЕЛЬНИКОВА О.А., ЧЕРНОВА С.С. Получение
объяснений в ходе проверки сообщения
о преступлении: проблемы правовой
регламентации

53

MELNIKOVA O.A., CHERNOVA S.S.
Obtaining explanations during the
verification of a crime report: problems
of legal regulation

Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

ПОЛТАРЫХИН В.А. Проблемы квалификации
нецелевого расходования бюджетных средств
при осуществлении государственных
и муниципальных закупок

65

Section 5. Improving law enforcement practice

POLTARYKHIN V.A. The problems
concerning the qualification
of inappropriate spending of budget
funds during state and local government
procurement process

**Раздел 6. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

КОРНЕЕВ С.А. Перспективные направления
гуманизации уголовной политики

73

**Section 6. The problems of legal
science and law enforcement
practice: young researchers' view**

KORNEEV S.A. Promising directions
of criminal policy humanization

ШУМСКИХ Ю.Л. Об эффективности ужесточения
ответственности за коррупционные преступления

82

SHUMSKIY Yu.L. On the effectiveness of
strengthening criminal liability for corruption

ТЕПЛЕНКО А.Н. Особенности правового
положения иностранных граждан и лиц без
гражданства, влияющие на расследование
уголовных дел

90

TEPLENKO A.N. Peculiarities of the legal
status of foreign citizens and stateless
persons affecting criminal investigation

**Раздел 7. Спецтема: Противодействие
преступности в новых
геополитических реалиях**

СВИНОВ Д.В. О правовой основе деятельности
руководителя территориального органа
внутренних дел как субъекта оперативно-
розыскной деятельности

101

**Section 7. Special topic: Combating
crime in new geopolitical realities**

SVINOV D.V. On the legal basis
of the activities of the head of the
territorial body of internal affairs as
a subject of crime detection activities

Раздел 1. Охрана и защита прав человека

МЕШКОВ М.В., MESHKOV M.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
заслуженный юрист associate professor,
Российской Федерации, Honored Lawyer of the Russian Federation,
933241@mail.ru 933241@mail.ru
г. Москва Moscow, Russian Federation

МИНУЛИН Р.М., MINULIN R.M.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
mrm484@mail.ru associate professor,
mrm484@mail.ru
Научно-исследовательский Research and editorial
и редакционно-издательский отдел; and publishing department;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации сотрудников of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 Russian Federation

ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМИ ПО ДЕЛАМ ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются спорные вопросы категорий уголовных дел, по которым возможно освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением сторон: обязательность заглаживания причиненного несовершеннолетним ущерба; возраст несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого и значение его личного участия в примирении сторон; кто может выступать инициатором и посредником в примирении сторон; достижение целей правосудия в результате позитивного посткриминального поведения несовершеннолетнего; соотношение оснований прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием и другие. Предлагается расширить категории преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с примирением сторон, закрепить круг лиц, имеющих право инициировать примирение сторон и возможность осуществлять процедуру медиации.

Ключевые слова: примирение с потерпевшим; несовершеннолетний; освобождение от уголовной ответственности; потерпевший; подозреваемый; обвиняемый; дела публичного обвинения; прекращение уголовного дела; возмещение ущерба.

Для цитирования: Мешков М.В., Минулин Р.М. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими по делам публичного обвинения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 6-15.

EXEMPTION OF MINORS FROM CRIMINAL LIABILITY DUE TO THE RECONCILIATION WITH THE VICTIMS IN CASES OF PUBLIC PROSECUTION

Annotation. The controversial issues concerning the categories of criminal cases that provide the possibility of exemption of minors from criminal liability due to the reconciliation between parties are analyzed in the article: the obligation to compensate for damage caused by the minor; the age of the minor suspect or accused of committing the crime and the importance of his (her) personal participation in the process of reconciliation; who can initiate and mediate the reconciliation between parties; achieving the goals of justice as a result of positive post-criminal behavior of the minor; the correlation of the grounds for termination of criminal cases due to the reconciliation between parties and active repentance, and others. It is proposed to expand the range of categories of crimes that

provide the possibility of exemption of minors from criminal liability due to the reconciliation between parties. The authors of the article also propose to fix the circle of persons who have the right to initiate reconciliation between parties and the possibility of mediation.

Keywords: reconciliation with victim; minor; exemption from criminal liability; victim; suspect; accused; public prosecution cases; termination of criminal case; compensation for damages.

For citation: Meshkov M.V., Minulin R.M. Exemption of minors from criminal liability due to the reconciliation with the victims in cases of public prosecution // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 2 (56). P. 6-15.

Уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими по делам публичного обвинения, регулярно становятся предметом научных дискуссий и обмена мнениями в коллективах работников органов расследования, прокуратуры и суда. При этом нередко возникают вопросы о степени эффективности применения данных норм по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних, о том, в какой мере они обеспечивают достижение целей правосудия по делам такой категории, а также о возможности прекращения уголовного дела «за примирением сторон» в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в тяжком преступлении.

Следует отметить, что рассмотрение вопроса об установлении особенностей освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими и представление предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации в соответствующей сфере вошло в утвержденный Президентом Российской Федерации Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 10 декабря 2020 г.*

Актуальность постановки вопроса об установлении особенностей освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими не вызывает сомнений, так как, несмотря на то, что общее количество лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, снижается (-11 % за 2020 год), доля преступлений несовершеннолетних в общей структуре

преступности остается высокой — каждое двадцать седьмое преступление (3,7 %) совершено несовершеннолетними или при их участии**.

Статистические данные свидетельствуют об активном применении ст. 25 УПК РФ. За 2020 год из 778 092 уголовных дел, поступивших суд, в соответствии со ст. 25 УПК РФ было прекращено 102 451 уголовное дело (13 % от всех уголовных дел). Всего было прекращено 187 824 уголовных дела. Следовательно, по такому основанию, как примирение сторон, было прекращено 55 % уголовных дел***.

Общие подходы к формированию дополнительных специальных гарантий обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних при привлечении их к уголовной ответственности установлены в ряде международно-правовых актов, например в Конвенции о правах ребенка****.

Одна из гарантий обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних при привлечении их к уголовной ответственности — активное внедрение в судебную и следственную практику различных форм освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности при наличии к тому весомых оснований.

Согласно ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ особенности освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими могут быть сопряжены, во-первых, с мате-

** Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. С. 55, 57.

*** Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

**** Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.

* См.: Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

риально-правовыми условиями прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, к которым относятся: 1) небольшая или средняя тяжесть совершенного преступления; 2) заглаживание причиненного потерпевшему вреда, во-вторых, с процессуальными условиями, к которым относятся: 1) наличие в деле процессуальной фигуры потерпевшего; 2) наличие в деле процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого; 3) наличие заявления потерпевшего о примирении с подозреваемым, обвиняемым; 4) согласие подозреваемого, обвиняемого на прекращение уголовного дела.

1. Первое из материально-правовых условий прекращения уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон заключается в том, что совершенное преступление должно относиться к категории преступлений небольшой или средней тяжести (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ).

Основной вопрос, который возникает применительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), касается возможности законодательно допустить освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в связи с примирением сторон по делам о тяжких преступлениях.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что правоохранительные органы применяют рассматриваемое основание освобождения от уголовной ответственности и по делам о тяжких преступлениях. Это, в свою очередь, означает практическую потребность в законодательной регламентации примирения по некоторым делам о тяжких преступлениях.

Возможность распространения действия рассматриваемых норм на категорию тяжких преступлений не исключает Г.М. Якобашвили [1, с. 6]. На необходимость распространения института примирения на дела о некоторых тяжких преступлениях, если они совершены супругом или близким родственником пострадавшего, путем закрепления соответствующих положений в ч. 2 ст. 76 УК РФ (по аналогии с ч. 2 ст. 75 УК РФ) указывает В.В. Ценева [2, с. 9].

Х.Д. Алиперов предлагает распространить возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с при-

мирением сторон на дела о тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними, если они состоят в родстве или близких отношениях с потерпевшим (например, дети, супруги, родственники, родители, друзья, сослуживцы, соседи и т.д.) [3, с. 13].

Следует отметить, что схожая по смыслу законодательная норма была закреплена в ст. 19 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: «Не влекли за собой наказания ввиду примирения кражи, мошенничества и присвоение чужого имущества между супругами, а также между родителями и детьми». Данные дела возбуждались на общих основаниях, однако могли быть прекращены за примирением между супругами и ближайшими родственниками [4, с. 186].

Таким образом, возможность освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с примирением сторон по делам о тяжких преступлениях обусловлена наличием особых отношений с потерпевшими, при которых примирение сторон является предпочтительным ввиду их близкой социальной связи, а также дальнейшим продолжением межличностных отношений.

При этом следует учесть, что стремление сохранить близкородственные и семейные отношения может быть таким фактором, значение которого крайне велико и для обвиняемого (подозреваемого), и для потерпевшего. В этих случаях привлечение виновного к уголовной ответственности вопреки волеизъявлению потерпевшего может привести к тому, что интересы потерпевшего будут нарушены дважды: вначале в результате действий виновного, а затем в результате деятельности правоохранительных органов.

Следовательно, с подобной постановкой вопроса можно согласиться. По нашему мнению, ст. 25 УПК РФ целесообразно дополнить ч. 2, допускающей в исключительных случаях прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с примирением сторон по делам о тяжких преступлениях, совершенных в отношении своего близкого родственника, родственника, близкого лица [5, с. 102].

2. Следующее условие прекращения уголовных дел публичного обвинения

в связи с примирением сторон заключается в заглаживании причиненного потерпевшему вреда.

Применительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) специфика выполнения данного условия связана с тем, что несовершеннолетний, как правило, не может самостоятельно, за счет собственных средств возместить причиненный имущественный ущерб.

В данной ситуации следует учесть, что в соответствии с ч. 2 ст. 1074 ГК РФ «в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем...». Родители нередко и сами считают, что необходимо загладить вред, причиненный их ребенком, надеясь при этом на смягчение наказания.

Потерпевшему также в большинстве случаев безразлично, кто возместит причиненный ему имущественный ущерб — сам причинитель вреда или иные лица. Как показывает следственная практика, в ряде случаев потерпевший добровольно отказывается от заглаживания причиненного ему вреда. Нередко примирение сторон имеет место в случае кражи несовершеннолетним у родителей, причинения имущественного вреда состоятельному человеку и в иных аналогичных обстоятельствах, когда потерпевший прощает «виновнику» причиненный вред.

В связи с этим в литературе высказываются мнения о том, что в подобной ситуации для освобождения от уголовной ответственности достаточно примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим [6, с. 69]. Следует согласиться с Л.В. Головки в том, что нет никаких оснований привлекать лицо к уголовной ответственности только потому, что потерпевший реализовал свое право на прощение долга, предоставленное ему ст. 415 ГК РФ, и вред фактически не был заглажен [7, с. 16]. Тем более, если вести речь о преступлениях в отношении близких родственников, иных близких лиц, вопрос о возмещении ущерба не является принципиальным. Главным должно быть удовлетворение

прав и законных интересов потерпевшего, а не формальный подход к требованию о заглаживании вреда.

С другой стороны, самостоятельное возмещение имущественного ущерба как таковое носит наказательный характер, поскольку сопровождается уменьшением принадлежащих человеку материальных благ. Возмещение же имущественного ущерба законными представителями несовершеннолетнего в большинстве случаев не оказывает воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. По этой причине возмещение ущерба за счет средств родителей необходимо оценивать в совокупности с другими формами заглаживания причиненного вреда — принесением извинений, личной помощью потерпевшему и т.п.

При выполнении условия о заглаживании причиненного вреда несовершеннолетним важно, чтобы это было связано с его личным участием. А возмещение имущественного ущерба родителями могло бы быть дополнением к личным усилиям несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

В связи с этим нельзя согласиться с авторами, считающими, что, если законодательством не регламентируется происхождение и источник имущества, за счет которого производится возмещение ущерба, то и правоприменителю следует поступать таким же образом, даже в тех случаях, когда имеются сведения о незаконном происхождении средств, за счет которых возмещается ущерб [8, с. 105].

Главное при этом — убедиться в желании несовершеннолетнего загладить отрицательные последствия своего поступка. С этим связано и другое условие прекращения уголовного дела — согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела. Если нет желания загладить причиненный вред, нет согласия с предъявленным обвинением (сформулированным подозрением), то нельзя вести речь и о согласии обвиняемого на прекращение уголовного дела.

3. Важным процессуальным условием прекращения уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон является наличие в деле процессуальной фигуры потерпевшего.

Особенность действия данного условия применительно к рассматриваемой

категории уголовных дел состоит в том, что и потерпевшими по таким делам часто являются несовершеннолетние, которые ранее могли быть не знакомы с подозреваемым (обвиняемым), или знакомы, но не находились в близких отношениях, не были дружны, или же знакомы близко, являются друзьями (одноклассники, посещают одну школу, спортивную секцию, живут по соседству и т.п.). Как указывалось выше, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением сторон важно учитывать особый характер отношений с потерпевшим, которые могут быть родственными, дружественными, приятельскими или товарищескими.

4. Одним из процессуальных условий, с которым действующий уголовно-процессуальный закон связывает возможность прекращения уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон, является появление в уголовном деле таких процессуальных фигур, как подозреваемый и обвиняемый [9, с. 128].

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Следовательно, для освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего в связи с примирением сторон необходимо установить, что преступление совершено лицом в возрасте от 16 до 18 лет. По делам о более тяжких преступлениях, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, возраст, в котором совершено преступление, может быть от 14 до 16 лет.

Несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) должен осознавать сущность и значение примирения с потерпевшим и лично участвовать в примирении с потерпевшим, за исключением случаев, когда этому препятствуют: состояние здоровья самого обвиняемого, подозреваемого либо состояние здоровья потерпевшего или иные непреодолимые обстоятельства.

5. Уголовно-процессуальный закон связывает возможность прекращения уголовных дел публичного обвинения за примирением сторон с наличием соответствующего заявления потерпевшего или его законного представителя [10, с. 6].

Заявление о примирении могут подать потерпевший или его законный представитель. Вызывает недоумение высказываемое в юридической литературе предложение об исключении из УПК РФ положения о заявлении потерпевшего (его законного представителя) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего за примирением сторон и об «обязании потерпевшего изложить мотивы возражений в прекращении дел» [11, с. 240].

На наш взгляд, примирение сторон как основание прекращения уголовного дела означает добровольное волеизъявление обеих сторон о разрешении конфликта и об отсутствии желания потерпевшего наказать «виновного» в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. В связи с этим предложения, игнорирующие волеизъявление потерпевшего, а тем более его принуждение к согласию на прекращение уголовного дела по данному основанию неприемлемы.

Следует заметить, что инициаторами примирения, помимо потерпевшего, могут выступать и иные участники процесса – защитник, законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), представитель потерпевшего.

Общеизвестно, что инициаторами примирения сторон могут быть лица, не являющиеся участниками уголовного процесса, например родственники обвиняемого или потерпевшего, их друзья или иные лица, пользующиеся авторитетом и входящие в круг общения потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого.

Полагаем, что в рамках семейно-бытовых и иных социальных отношений, то есть за пределами уголовного процесса, подобная инициатива может иметь место, но она не является юридически значимой и не подлежит рассмотрению лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Инициатива такого рода, исходящая от лиц, не являющихся участниками уголовного процесса, может быть адресована лишь сторонам уголовно-правового конфликта, но с точки зрения закона ни к чему их не обязывает.

Для органов расследования и суда юридически значимым является не демонстрируемое стремление примириться

(инициатива), а сам факт реально состоявшегося примирения сторон.

Возникает также вопрос о том, может ли инициатором примирения сторон выступить следователь или суд. Если такое возможно, то не будет ли это расценено как давление со стороны государственно-властных участников уголовного процесса, как выход за рамки предоставленных им полномочий и нарушение принципов уголовного процесса?

Следует отметить, что по делам частного обвинения процедура примирения сторон по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года заключалась в том, что мировой судья был обязан склонять стороны к примирению и принятию мирового соглашения [4, с. 186]. Несмотря на то, что здесь речь идет о делах частного обвинения, особенностью которых являются уголовно наказуемые посягательства в основном на частные интересы, примечателен сам подход законодательства к полномочиям суда в разрешении дел примирением сторон.

В настоящее время в соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» при производстве по делам такой категории «...в каждом случае подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений статей 75-78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести) и статей 24-28 УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности»*.

Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, с одной стороны, не обязывает суд инициировать процесс примирения, а с другой – разъясняет необходимость рассмотрения вопро-

са о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Сказанное выше относится к деятельности суда, но, безусловно, справедливо и по отношению к лицу, производящему предварительное расследование.

На стадии предварительного расследования лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, является следователь (дознатель), который хотя формально и относится к стороне обвинения, тем не менее наделен функциями по расследованию и разрешению уголовного дела: направляет ход расследования, вправе прекратить уголовное дело (с соблюдением всех процессуальных условий), принять иные процессуальные решения, определяющие движение уголовного процесса.

Поскольку следователь, как и суд, является представителем государства и обладает процессуально-властными полномочиями, полагаем, что не следует «обязывать» его выступать с инициативой примирения сторон. Одной из причин является то, что, исходя из обстоятельств конкретного дела, личности обвиняемого и его отношений с потерпевшим, лицо, производящее расследование, может быть уверено в бесперспективности постановки вопроса о примирении сторон. Иными словами, было бы нелогично предлагать сторонам помириться, если, исходя из обстоятельств дела и личности подозреваемого, обвиняемого, следователь не намерен прекращать уголовное дело.

С другой стороны, целью правосудия в широком смысле слова должно быть устранение последствий преступлений, предупреждение совершения новых преступлений и в конечном счете стремление к обеспечению общественного порядка. При этом, когда речь идет о несовершеннолетних, в отношении которых ведется расследование, данная цель становится одним из приоритетов. В связи с этим важной задачей следователя должно быть максимально тщательное изучение личности несовершеннолетнего и выяснение обстоятельств совершенного деяния, с учетом которых могла бы последовать соразмерная и справедливая реакция государства и общества на преступление, совершенное несовершеннолетним.

* См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. N 4. Аналогичное положение применительно ко всем категориям дел содержится в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (см.: Там же. 2013. N 8).

Например, если ущерб от преступления возмещен, потерпевший удовлетворен возмещением ущерба, не настаивает на уголовной ответственности несовершеннолетнего, а несовершеннолетний правонарушитель встал на путь исправления, то следователь обязан рассмотреть вопрос о примирении сторон. При этом представляется, что следователь не должен разъяснять потерпевшему или подозреваемому (обвиняемому) право на примирение. Достаточно уведомить о возможности рассмотрения данного вопроса защитника или законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

В ряде стран, таких как Канада, США, Франция, ФРГ и Великобритания, а также Польша, Чехия, Словакия и др., действуют так называемые программы примирения жертвы и правонарушителя. В литературе их часто называют медиацией [12, с. 73].

В некоторых субъектах Российской Федерации созданы службы примирения, предметом деятельности которых являются разного рода конфликты несовершеннолетних (между собой, с родителями, учителями и т.п.), в том числе преступления.

Иногда после совершения преступления стороны (потерпевший и подозреваемый (обвиняемый) относятся друг к другу настороженно, не готовы пойти на контакт, выслушать друг друга и сделать шаги к примирению. Попытки защитника или законных представителей подозреваемого (обвиняемого) вступить в диалог с потерпевшим или его родственниками расцениваются негативно. В этих случаях путь к организации взаимодействия могла бы значительно облегчить работа третьей, нейтральной стороны, будь то служба примирения или, например, классный руководитель, социальный педагог, психолог, по специально разработанной методике, когда сначала проводятся отдельные встречи со сторонами, выясняются их позиции, а потом организуется общая встреча (или вырабатывается взаимоприемлемое соглашение без личной встречи самих сторон).

Следует согласиться с мнением В.Е. Градского о необходимости расширять объемы применения процедуры, предусмотренной ст. 25 УПК РФ, создав более совершенную конструкцию медиации в уго-

ловном процессе и закрепив ее в законе [13, с. 124].

Поскольку данная деятельность не является процессуальной и осуществляется за пределами уголовного судопроизводства, то она не может быть объектом внимания органов расследования и суда и в целом не должна регулироваться уголовно-процессуальным законом. Однако по примеру арбитражного процессуального законодательства (глава 15 АПК РФ) в уголовно-процессуальном законодательстве могло бы найти отражение уведомление следователя, адресованное представителям сторон, о возможности рассмотрения вопроса о примирении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с потерпевшим. Что касается самой процедуры медиации, то в уголовно-процессуальном законе достаточно ограничиться указанием на возможность прибегнуть к содействию уполномоченной законом третьей стороны в проведении примирительных процедур при наличии соответствующих условий. Данную возможность следует отнести к компетенции участников уголовно-правового конфликта.

6. Существенная особенность процедуры прекращения уголовных дел публичного обвинения в связи с примирением сторон состоит в том, что освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ является правом, а не обязанностью суда, следователя или дознавателя. В статье 25 УПК РФ указано, что суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора «вправе» прекратить уголовное дело. В статье 76 УК РФ закреплено, что лицо «может быть» освобождено от ответственности.

Слова «вправе» и «может быть» предполагают возможность выбора решения, альтернативность вариантов поведения и, следовательно, факультативность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

Из содержания п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» следует, что «посредством применения

норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации реализуются принципы справедливости и гуманизма». Таким образом, освобождение от уголовной ответственности преследует цель реагирования государства на совершенное деяние соразмерно характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Одновременно с этим, согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Отсюда можно сделать вывод, что если данные цели достигнуты или могут быть достигнуты без применения наказания, то лицо может быть освобождено от уголовной ответственности.

Е.В. Смахтин и А.А. Ларионова правильно отмечают, что правоприменитель должен убедиться, исчерпан ли существующий между сторонами конфликт, не представляет ли более какой-либо общественной опасности обвиняемый, и только тогда вправе принять решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон [14, с. 210].

Применительно к освобождению несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим следует отметить, что, выполняя активные действия по заглаживанию причиненного вреда (принесение извинений, самостоятельное восстановление испорченного имущества, иная физическая помощь потерпевшему), несовершеннолетний тем самым демонстрирует осознание отрицательных последствий своего деяния, желание их минимизировать или иным образом компенсировать причиненный вред, даже если эти действия также связаны с желанием избежать уголовной ответственности.

В связи с этим нельзя согласиться с авторами, считающими, что не имеет значения, действительно ли обвиняемый (подозреваемый) в совершении преступления искренне желает достичь примирения и загладить причиненный потерпевшему вред либо делает это исключительно ради облегчения своей дальнейшей судьбы [15, с. 58].

Таким образом, выполнение условий освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим позволяет расценивать данный факт как проявление деятельного раскаяния несовершеннолетнего, дающее основание полагать, что он находится на пути к исправлению, которое возможно без применения мер уголовного наказания. Иными словами, наличие условий для освобождения от уголовной ответственности, созданных благодаря усилиям и личному участию несовершеннолетнего, может свидетельствовать о достижении целей правосудия и, соответственно, об отсутствии необходимости дальнейшего производства по уголовному делу.

Исходя из этого возникает вопрос о том, в каких случаях уголовное дело должно прекращаться в связи с примирением сторон, а в каких – в связи с деятельным раскаянием. В юридической литературе высказываются мнения о том, что примирение сторон (ст. 76 УК РФ) является дополнением или разновидностью деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ) и, следовательно, данные основания освобождения от уголовной ответственности необходимо объединить в одну норму [16, с. 15].

С нашей точки зрения, такое предложение не содержит ничего позитивного, более того, оно таит в себе скрытую угрозу для точного понимания и неуклонного соблюдения закона.

Если внесение изменений в УК РФ (и УПК РФ) и необходимо, то оно должно быть связано не с увеличением объема содержания статей, а с разграничением правовых предписаний, касающихся различных аспектов правового регулирования, путем расположения их в отдельных нормах, самостоятельных статьях закона. Кроме того, проявление деятельного раскаяния в силу различных причин (например, при отсутствии в деле процессуальной фигуры потерпевшего) может не сопровождаться действиями подозреваемого или обвиняемого, имеющими целью примирение с потерпевшим.

Очевидно также, что если ст. 75 УК РФ нацелена на то, чтобы склонить виновного к явке с повинной и оказанию помощи в раскрытии преступления, то ст. 76 УК РФ ориентирована на примирение сторон уголовно-правового конфликта без

реализации уголовной ответственности в полном объеме. Кроме того, для констатации наличия деятельного раскаяния одного заглаживания вреда недостаточно, необходимы дополнительные действия обвиняемого, доказывающие его раскаяние (явка с повинной, содействие раскрытию преступления, лицо перестало быть «общественно опасным») [17, с. 208].

В заключение предлагается дополнить ст. 25 УПК РФ следующими положениями:

«При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, в каждом случае подлежит рассмотрению вопрос о возможности его освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Для примирения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего данные участники процесса, их представители и законные представители вправе воспользоваться содействием уполномоченных законом лиц.

В исключительных случаях суд вправе прекратить уголовное дело о тяжком преступлении в отношении несовершеннолетнего в связи с примирением сторон при совершении данного преступления в отношении близкого родственника, родственника, близкого лица».

Завершая анализ проблемы, следует отметить, что соответствующего дополнения в части, касающейся категорий преступлений, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних, требует и ст. 76 УК РФ.

Список литературы

1. Якобашвили Г.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.
2. Ценева В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002. 24 с.
3. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М., 1999. 127 с.
4. Ширкин А.А. Институт примирения в отечественном уголовном процессе: страницы истории // Молодые ученые. 2013. N 4. С. 186-189.
5. Минулин Р.М. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон: монография. Тюмень: ТюИ МВД России, 2006. 198 с.
6. Ваксян А.З. Освобождение от уголовной ответственности согласно общей части УК РФ // Гражданин и право. 2000. N 2. С. 69-75.
7. Головкин Л.В. Прощение долга – одно из оснований прекращения уголовного дела // Российская юстиция. 1998. N 4. С. 15-16.
8. Шерстнев В.Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 1. С. 103-110.
9. Минулин Р.М. О недопустимости прекращения уголовного дела в отношении подозреваемого в связи с примирением сторон // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2006. N 6. С. 128-129.
10. Минулин Р.М. Примирительная форма разрешения уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
11. Солонина С.Ю. К вопросу о необходимости заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего в связи с примирением сторон // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2015. N 1. С. 236-240.
12. Флямер М. Сообщение об организации движения за восстановительное правосудие в Европе // Вестник восстановительной юстиции. 2001. N 2. С. 73-79.
13. Градский В.Е. К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2020. С. 122-125.
14. Смахтин Е.В., Ларионова А.А. К вопросу о примирении сторон в уголовном процессе // Вестник Пермского университета. 2013. N 1. С. 204-216.
15. Галимов О.Х., Галимова М.А. Примирение сторон как средство защиты прав и интересов несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. N 2. С. 53-61.

16. Магомедов А.А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 24 с.

17. Марченко С.М., Минулин Р.М. Разграничение примирения сторон и деятельного раскаяния // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы всерос. науч.-практ. конф., 26-27 окт. 2006 г. Тюмень: ТГАМЭУП, 2006. Вып. 3. С. 208-210.

References

1. Yakobashvili G.M. Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2001. 24 p. (In Russ.).

2. Tseneva V.V. Liberation from criminal liability in connection with reconciliation with the victim. Autoabstract Cand. Diss. Tomsk, 2002. 24 p. (In Russ.).

3. Alikperov Kh.D. Liberation from criminal liability. Moscow, 1999. 127 p. (In Russ.).

4. Shirkin A.A. Institute of Reconciliation in the domestic criminal process: pages of history. Young Scientists, 2013, no. 4, pp. 186-189. (In Russ.).

5. Minulin R.M. Termination of criminal cases in connection with the reconciliation of the parties. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 198 p. (In Russ.).

6. Vaksyan A.Z. Liberation from criminal liability according to the general part of the Criminal Code of the Russian Federation. Citizen and Law, 2000, no. 2, pp. 69-75. (In Russ.).

7. Golovko L.V. Debt forgiveness – one of the grounds for termination of a criminal case. Russian justice, 1998, no. 4, pp. 15-16. (In Russ.).

8. Sherstnev V.B. Optimization of the procedure for the termination of a criminal case (prosecution) in connection with the compensation of damage in full. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2020, no. 1, pp. 103-110. (In Russ.).

9. Minulin R.M. On the inadmissibility of termination of a criminal case against a suspect in connection with the reconciliation of the parties. Actual problems of combating crimes and other offenses, 2006, no. 6, pp. 128-129. (In Russ.).

10. Minulin R.M. Conciliatory form of resolution of criminal cases. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2004. 26 p. (In Russ.).

11. Solonina S.Yu. On the question of the need for a victim's statement on the termination of a criminal case and (or) criminal prosecution against a minor in connection with the reconciliation of the parties. Public safety, legality and law and order in the III millennium, 2015, no. 1, pp. 236-240. (In Russ.).

12. Flyamer M. Message about the organization of the movement for restorative justice in Europe. Bulletin of restorative justice, 2001, no. 2, pp. 73-79. (In Russ.).

13. Gradsky V.E. On the issue of improving the criminal procedure institute for the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. Criminal proceedings of Russia: problems and prospects of development. St. Petersburg, 2020. Pp. 122-125. (In Russ.).

14. Smakhtin E.V., Larionova A.A. On the issue of reconciliation of the parties in the criminal process. Perm University Bulletin, 2013, no. 1, pp. 204-216. (In Russ.).

15. Galimov O.Kh., Galimova M.A. Reconciliation of the parties as a means of protecting the rights and interests of a minor victim in criminal proceedings. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2, pp. 53-61. (In Russ.).

16. Magomedov A.A. Criminal liability and liberation from it: evolution of legal views and modernity. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 1998. 24 p. (In Russ.).

17. Marchenko S.M., Minulin R.M. Differentiation of reconciliation of the parties and active repentance. Improving the activities of law enforcement agencies to combat crime in modern conditions. Tyumen, 2006. Issue 3. Pp. 208-210. (In Russ.).

Раздел 2. Административная деликтология

ЛЕЩИНА Э.Л., кандидат юридических наук, доцент, leshina74@mail.ru Кафедра правоохранительной деятельности и национальной безопасности; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, 76	LESHCHINA E.L., Candidate of Legal Sciences, associate professor, leshina74@mail.ru Chair of law enforcement activities and national security; South Ural State University (National Research University), Lenin Ave. 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
--	--

ПРОИЗВОДСТВО ПО РАССМОТРЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ СПОРОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматривается служебный спор о законности наложения дисциплинарного взыскания в органах внутренних дел как вид правового конфликта, правовая категория и административно-процессуальная деятельность уполномоченного руководителя по рассмотрению неурегулированных разногласий с сотрудником, гражданином, ранее проходившим службу, обусловленных убеждением о незаконности и необоснованности дисциплинарного взыскания. Выделены признаки служебного дисциплинарного спора как процессуальной категории и административного производства, определены его цели и задачи, предложена система стадий и этапов процессуальной деятельности по его рассмотрению, раскрыто их содержание. Охарактеризованы основные элементы процессуальной формы административного производства по рассмотрению служебных споров о законности наложения дисциплинарного взыскания, расторжения служебного контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел. Обосновав, что в законодательстве о порядке прохождения службы в органах внутренних дел надлежащая процедурно-процессуальная регламентация порядка рассмотрения служебного спора руководителем (начальником) практически отсутствует, автор формулирует предложения по восполнению имеющихся правовых пробелов. Условием формирования эффективного механизма разрешения служебных споров названо завершение реформы государственной службы, переход к максимально полной регламентации служебных правоотношений административным законодательством.

Ключевые слова: государственная служба; служебный конфликт; дисциплинарное взыскание; обжалование дисциплинарного взыскания; органы внутренних дел; служебный дисциплинарный спор; административный процесс; административное производство.

Для цитирования: Лещина Э.Л. Производство по рассмотрению служебных дисциплинарных споров в органах внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 16-25.

PROCEEDINGS FOR RESOLVING DISCIPLINARY DISPUTES IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. The official dispute concerning the legality of imposing a disciplinary penalty in the internal affairs bodies as a type of legal conflict, as a legal category, as an administrative procedural activity of the authorized head of the body for regulating unresolved disagreements with an employee or a citizen who previously served or worked in law enforcement agency, due to the belief that the disciplinary penalty is illegal and unjustified, is analyzed in the article. The characteristics of the disciplinary dispute as a procedural category and administrative proceedings are identified, its goals and objectives are determined, the system of stages and steps of the procedural activities for resolving it is proposed, and their content is disclosed. The main elements of the procedural form of administrative proceedings devoted to resolving disputes on the legality of imposing a disciplinary penalty and the procedure for terminating a contract and dismissal from the service in the internal affairs bodies are characterized. Having substantiated the fact that there is practically no proper procedural regulation of the procedure for resolving the dispute by the head (chief) of the body in the legislation regulating the service in the internal affairs bodies, the author of the article formulates the proposals to fill

the existing legal gaps. According to the author's opinion, the condition for establishing the effective mechanism for resolving official disputes is the completion of the civil service reform, the transition to the most complete regulation of official legal relations by administrative legislation.

Keywords: public service; workplace conflict; disciplinary penalty; appeal against disciplinary sanction; internal affairs bodies; disciplinary dispute; administrative procedure; administrative proceedings.

For citation: Leshchina E.L. Proceedings for resolving disciplinary disputes in the internal affairs bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 16-25.

Процессуальная деятельность по проверке законности и обоснованности наложения дисциплинарного взыскания осуществляется за рамками производства по дисциплинарному делу, которое уже завершено. При этом у государственного служащего есть статус лица, имеющего дисциплинарное взыскание, либо гражданина, ранее проходившего государственную службу, – в случае расторжения с ним служебного контракта и увольнения со службы. В силу имеющихся правовых установлений приведение в исполнение дисциплинарного взыскания осуществляется независимо от его обжалования, поэтому инициирование государственным служащим (его представителем), прокурором служебного спора о законности дисциплинарного взыскания и его разрешение производятся после приведения дисциплинарного взыскания в исполнение.

Формой выражения противоречий и оснований возникновения и развития правоотношений спора о праве выступают юридические разногласия участников правоотношения как различная оценка ими своих прав и обязанностей, внутреннее психическое отношение к ним и к требованиям, поведению (действиям) противостоящей стороны. Разногласия выражаются в оценочных суждениях и выводах о возможном и должном поведении, о несоответствии (соответствии) этого поведения правам и обязанностям, моделируемым правовой нормой, и объективируются в правовых требованиях и возражениях [1, с. 12].

Возможность оспаривания действий (бездействия) и решений органов публичной власти и их должностных лиц выступает существенным элементом демократии, формой правомерного поведения, конституционной гарантией защиты законных прав и правовых интересов. Специальные правила урегулирования конфликта интересов и разрешения служебных споров содержатся в главе 10 Федерального закона

от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* (далее – Федеральный закон N 342-ФЗ). Служебный спор в органах внутренних дел (служебный спор) – неурегулированные разногласия по вопросам, касающимся применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере внутренних дел и контракта, между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и сотрудником органов внутренних дел или гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшим на службе в органах внутренних дел, а также между прямым руководителем (начальником) или непосредственным руководителем (начальником) и сотрудником (ч. 1 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ).

Анализируя содержащиеся в современной научной правовой литературе трактовки понятия «служебный спор» и выделение его признаков, можно убедиться в отсутствии их однозначности. Например, С.В. Линецкий определяет служебный спор как «разногласия субъектов служебных правоотношений по поводу различно понимаемых прав и обязанностей, реализации служебных контрактов, применения и принятия нормативных правовых актов о государственной службе, разрешаемые в порядке определенной правовой процедуры» [2, с. 72]. В то же время очевидно, что служебный спор (как материально-правовая категория) может завершаться «урегулированием разногласий» сторонами в примирительном, переговорном порядке, без вынесения юрисдикционного решения либо спор может прекратиться вследствие

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49 (ч. 1). Ст. 7020.

отказа одной из сторон от своих притязаний. Цель процессуальной деятельности в рамках разрешения правового спора — урегулирование в процессуальной форме разногласий между сторонами и принятие решения.

М.В. Воробьева определяет служебный спор «как разногласия, возникающие в публичной сфере управления, а именно на государственной гражданской службе, между представителем нанимателя и гражданским служащим по вопросам, связанным с поступлением на государственную гражданскую службу, ее прохождением или прекращением, а также по вопросам, связанным с правовым статусом гражданского служащего, которые могут разрешаться самостоятельно гражданским служащим или с участием его представителя с представителем нанимателя органом по рассмотрению служебных споров или судом» [3, с. 70]. Недостатком данного определения является его общий характер, отсутствие в нем возможных оснований возникновения спора. Эту особенность спора выделяет Е.Б. Лупарев, предлагая понимать административно-правовой спор «как административно-правовое отношение комплексного материально-правового и процессуального характера, выражающееся в наличии противоречий сторон, вызванных конфликтом интересов в сфере государственного управления или несовпадением взглядов на законность и обоснованность организационных действий органов и лиц, наделенных государственно-властными управленческими полномочиями» [4, с. 14]. Концепцию Е.Б. Лупарева для формулирования определения понятия служебного спора используют Н.П. Маюров и Е.Д. Ороева [5, с. 146, 149].

Что касается основных признаков (условий) служебного спора в органах внутренних дел, то в литературе в качестве таковых выделены:

- 1) наличие неурегулированных разногласий;
- 2) стороны служебного спора;
- 3) индивидуальность служебного спора;
- 4) письменное обращение для разрешения служебного спора [6, с. 217].

Вместе с тем для служебного спора также характерно следующее:

1) служебный спор является формой правового конфликта между участниками государственно-служебных отношений, вызванного различным пониманием субъектами служебных правоотношений своих обязанностей и прав;

2) как правовая категория, охранительное правоотношение служебный спор представляет неурегулированные разногласия государственного служащего или гражданина, ранее проходившего службу (далее — гражданин), с руководителем (начальником), вызванные убеждением о нарушении субъективных прав, свобод и законных интересов служащего (гражданина) в ходе издания актов, совершения юридически значимых действий, вследствие бездействия обязанных лиц, а также различным пониманием сторонами спора своих обязанностей и прав;

3) спор — это процессуальная категория, в процессе он возникает, движется и находит свое разрешение. Вне процесса спора не существует [7, с. 21].

Для полноты характеристики служебных споров следует указать их основные виды. А.К. Соловьева служебные споры на государственной службе подразделяет в зависимости от их содержания на споры:

- о нарушении должностных прав служащего;
- нарушении личных прав служащего;
- связанные с прохождением государственной службы;
- дисциплинарные;
- связанные с прекращением государственной службы;
- о материальной ответственности государственного служащего [8, с. 147].

Очевидно, что если служебный спор обусловлен расторжением служебного контракта вследствие нарушения дисциплины, то его также можно отнести к дисциплинарному спору, поскольку основанием для прекращения служебных отношений выступило наложение дисциплинарного взыскания. Служебный спор невозможен с лицом, поступающим на государственную службу, так как служебные правоотношения возникают с момента назначения на должность и заключения контракта. Исходя из этого далее будет рассмотрена категория служебных споров о законности привлечения к дисциплинарной ответ-

ственности и наложения дисциплинарных взысканий, предметом которых выступают материально-правовые требования (разногласия) сторон, являющиеся элементом связи материального отношения сторон спора с возбуждением и рассмотрением индивидуально-конкретного дела (то есть юридическим процессом, процедурой его рассмотрения).

Основные признаки служебного дисциплинарного спора:

— это правовая форма служебного конфликта;

— может возникнуть между сотрудником, гражданином и руководителем (начальником) в связи с убеждением о нарушении субъективных прав, свобод и правовых интересов в ходе наложения дисциплинарного взыскания, его незаконности и необоснованности;

— как процессуальная категория существует только в динамике, возникает после обращения к вышестоящему руководителю или в суд, когда неурегулированное разногласие как явление реальной действительности становится предметом рассмотрения, до этого момента спор существует как материальное правоотношение и имеет форму служебного конфликта;

— носит характер разногласий между частными интересами сотрудника и интересами службы;

— оформлен в виде индивидуально-конкретного дела;

— рассматривается в юрисдикционном порядке вышестоящим руководителем (административное производство) или судом в исковом порядке (судопроизводство);

— конструкция процессуальной формы производства по рассмотрению спора обусловлена его предметом и полномочиями органа (должностного лица) по его рассмотрению;

— решение по спору имеет обязательную силу и подлежит исполнению.

Для служебного спора как юридической процессуальной деятельности, процессуальной категории, вида административного производства и административного процесса характерны свои процессуальные функциональные стадии, каждой из которых присущи свои цели и задачи, пространственно-временные гра-

ницы, круг субъектов сторон и участников, их процессуальный статус, виды, порядок, условия и последовательность совершения процессуальных действий, принятия решений и закрепления юридических результатов, порядок и условия перехода на следующую (очередную) стадию.

Система процессуальных стадий рассмотрения служебного спора может быть следующей:

1) принятие рапорта (заявления) и выяснение возможности рассматривать спор (возбуждение спора) (основная);

2) проведение проверки (факультативная);

3) рассмотрение спора и принятие решения (основная);

4) исполнение решения по спору (факультативная).

На стадии возникновения служебного спора противоречия между участниками правового конфликта (сотрудник или гражданин — соответствующий руководитель) юридически оформляются в письменной форме как явно выраженные неурегулированные разногласия. При получении их субъектом юрисдикционной деятельности происходит проверка поводов и оснований для возбуждения спора, соответствия заявления и иных представленных документов установленным требованиям, принимается решение о возможности рассмотрения спора либо заявителю может быть отказано в приеме документов (рассмотрении спора) при несоответствии поступивших документов установленным требованиям или неправомочности данного субъекта рассмотреть спор. Кроме того, возможен отказ в рассмотрении спора (удовлетворении заявления) руководителем, когда служебный спор уже разрешен в судебном порядке*; при многократных обращениях по одному и тому же основанию переписка с заявителем может быть прекращена**. Таким образом, принятие заявления к рассмотрению означает, что

* Апелляционное определение Свердловского областного суда от 24 мая 2019 г. по делу N 33-8232/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 дек. 2019 г. N 88а-1940/2019 // Там же.

производство по нему (соответствующему делу) возбуждено. Далее возможно развитие спора как длящегося правоотношения.

Рассмотрение в органах внутренних дел служебного спора о законности наложения дисциплинарного взыскания на сотрудника органа внутренних дел вышестоящим руководителем — это самостоятельное правоохранительное административное производство, вид административно-юрисдикционной процессуальной деятельности, осуществляемой вышестоящим руководителем, а в случае обращения заинтересованного лица в суд — гражданское судопроизводство (ч. 3 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ).

Возможной самостоятельной стадией производства по спору или этапом стадии возбуждения спора выступает проверка заявления, рапорта, жалобы. Проверке подлежат все обстоятельства совершения дисциплинарного проступка. Руководителем может быть дано поручение о проведении дополнительной проверки заинтересованными компетентными лицами. При необходимости могут быть получены дополнительные письменные объяснения от заявителя, рапорт должностного лица, действия которого оспариваются, либо должностное лицо представляет отзыв на исковое заявление в суд.

Важнейшая стадия производства по спору — рассмотрение дела и вынесение решения. Всем доводам сторон должна быть дана юридическая оценка. В ходе рассмотрения служебного спора о законности наложения взыскания государственный служащий, помимо приказа, вправе ознакомиться с заключением проверки, а при отсутствии законодательно определенных запретов — с иными материалами проверки. На стадии рассмотрения спора наряду с изучением материалов дела также производится оценка законности заключения служебной проверки.

Решение по спору должно иметь необходимые реквизиты, характеризовать обстоятельства, установленные при рассмотрении спора, распорядительную часть с указанием содержания принятого решения, порядка и сроков его обжалования.

Исполнение решения — завершающая стадия производства по спору. Вступление в силу решения по спору, рассмотренному

вышестоящим руководителем, обусловлено днем его вынесения. Решение по спору исполняется в отдельном порядке (процедуре), при этом является стадией производства по спору при его рассмотрении вышестоящим руководителем и выходит за рамки юрисдикционной деятельности суда.

Цели производства по рассмотрению служебного спора о законности наложения дисциплинарного взыскания — проверка законности и обоснованности принятого ранее по делу решения.

Задачи производства по рассмотрению служебного спора о законности наложения дисциплинарного взыскания:

1) своевременное, полное и объективное установление обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, виновности лица в его совершении, определение законности и обоснованности наложения дисциплинарного взыскания;

2) рассмотрение служебного спора и принятие решения по существу;

3) обращение к исполнению решения по результатам рассмотрения служебного спора;

4) выявление причин и условий, способствующих нарушениям законных прав и интересов государственных служащих и граждан;

5) воспитание государственных служащих.

Внесудебное рассмотрение служебного спора о законности наложения дисциплинарного взыскания осуществляется по инициативе, волеизъявлению сотрудника, гражданина, проходившего государственную службу, при ведущей роли уполномоченного руководителя (начальника).

В этой деятельности можно выделить этапы:

а) инициирование служебного спора сотрудником перед непосредственным или вышестоящим руководителем (начальником);

б) принятие руководителем (начальником) решения о возможности проведения разбирательства по предмету спора;

в) получение и изучение руководителем материалов дисциплинарного дела;

г) проведение дополнительной проверки, истребование необходимых сведений (документов) для рассмотрения спора по существу;

д) рассмотрение служебного спора;
е) принятие руководителем по результатам рассмотрения служебного спора решения — о снятии ранее наложенного дисциплинарного взыскания или замене его менее строгим взысканием, соответствующим характеру нарушения служебной дисциплины и обстоятельствам, при которых оно совершено, либо об отказе в удовлетворении требований заявителя;

ж) издание приказа об отмене ранее наложенного дисциплинарного взыскания или о наложении менее строгого дисциплинарного взыскания;

з) уведомление о принятом по спору решении сотрудника и нижестоящего руководителя, наложившего дисциплинарное взыскание, а в случае необходимости — прокурора;

и) исполнение принятого решения.

Затем возможно обжалование решения руководителя (начальника) по служебному спору в судебном порядке. Разумеется, что обозначенная таким образом структура деятельности является примерной и будет зависеть от того, к кому обращается сотрудник — к непосредственному руководителю, по инстанции к вышестоящему руководителю или к прокурору — с просьбой о проверке в порядке надзора законности наложения дисциплинарного взыскания. Итогом обращения заинтересованного лица к прокурору может быть представление прокурора о проверке законности наложения дисциплинарного взыскания, протест прокурора на приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности с требованием отменить его.

Далее следует обратиться к детальной характеристике имеющихся правил рассмотрения в порядке подчинения служебного спора о законности и обоснованности наложения дисциплинарного взыскания в органах внутренних дел.

Правовую основу административно-правового порядка рассмотрения служебных споров в органах внутренних дел определяет глава 10 Федерального закона N 342-ФЗ. На основании ч. 3 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ сотрудник органов внутренних дел для разрешения служебного спора вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику), а при несо-

гласии с его решением или при невозможности рассмотрения непосредственным руководителем (начальником) служебного спора по существу — к прямому руководителю (начальнику). В этом случае оценка правомерности оспариваемых действий, решений является прерогативой соответствующего руководителя. Это означает, что указанный способ разрешения подобных споров не выходит за рамки сферы государственного управления и представляет собой один из атрибутов государственно-управленческой деятельности [9, с. 45]. В служебных спорах в органах внутренних дел в качестве стороны служебного спора выступает сторона контракта о прохождении службы в органах внутренних дел*.

Срок для обращения сотрудника или гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшего на службе в органах внутренних дел, для разрешения служебного спора составляет три месяца со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а для разрешения служебного спора, связанного с увольнением со службы в органах внутренних дел, — один месяц со дня ознакомления с приказом об увольнении (ч. 4 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ). В случае пропуска по уважительным причинам сроков для обращения руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель вправе продлить соответствующий срок и рассмотреть служебный спор по существу (ч. 5 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ).

Порядок подачи жалобы на законность наложенного дисциплинарного взыскания определен ст. 57 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Андрияна Николаевича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, частями 1 и 4 статьи 72 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 дек. 2013 г. N 2103-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации* (далее – Дисциплинарный устав ОВД). Здесь установлено, что сотрудник либо гражданин, ранее состоявший на службе в органах внутренних дел, вправе обжаловать наложенное на него дисциплинарное взыскание. Кроме того, согласно ч. 8 ст. 51.1 Федерального закона N 342-ФЗ сотрудник органов внутренних дел вправе обжаловать взыскание за коррупционное правонарушение в письменной форме в установленном порядке. Рапорт (заявление) подлежит обязательной регистрации в день его подачи. Обжалование приказа о наложении дисциплинарного взыскания не приостанавливает его исполнение (ст.ст. 52, 57 Дисциплинарного устава ОВД).

Служебный спор рассматривается руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем в течение одного месяца со дня подачи рапорта сотрудником органов внутренних дел или со дня подачи письменного заявления гражданином, ранее состоявшим на службе в органах внутренних дел (ч. 7 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ).

Процедура рассмотрения служебного спора в органах внутренних дел определена Порядком организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации** (далее – Порядок).

Служебный спор в органах внутренних дел по рапорту сотрудника рассматривается непосредственным руководителем (начальником), а при несогласии сотрудника с его решением или при невозможности рассмотрения непосредственным руководителем (начальником) служебного спора по существу – вышестоящим руководителем (начальником) (вплоть до министра) (п. 356 Порядка). Служебный спор по письменному заявлению гражданина, ранее состоявшего на службе в органах

внутренних дел, рассматривается руководителем (начальником), принявшим решение о его увольнении, а при несогласии гражданина с его решением или при невозможности рассмотрения указанным руководителем (начальником) служебного спора по существу – вышестоящим руководителем (начальником) (вплоть до министра) (п. 358 Порядка). Рапорт сотрудника или письменное заявление кандидата либо гражданина, ранее состоявшего на службе в органах внутренних дел (далее – заявитель), в день их подачи регистрируются подразделением делопроизводства и режима (п. 359 Порядка).

Служебный спор рассматривается в течение одного месяца со дня подачи рапорта сотрудника или письменного заявления (п. 362 Порядка) соответствующим руководителем (начальником) на основании представленных заявителем документов.

При рассмотрении служебного спора заявитель вправе:

- 1) ходатайствовать о рассмотрении служебного спора в его присутствии;
- 2) представлять дополнительные материалы, необходимые для рассмотрения служебного спора;
- 3) обращаться с рапортом (заявлением) о прекращении рассмотрения служебного спора (п. 363 Порядка).

При рассмотрении служебного спора руководитель (начальник), указанный в пп. 356-358 Порядка, вправе:

- 1) приглашать заявителя для рассмотрения служебного спора в его присутствии;
- 2) приглашать подчиненных сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих, работников органов, организаций, подразделений МВД России для получения пояснений по существу служебного спора;

3) направлять запросы в органы, организации, подразделения МВД России, иные органы и организации для получения дополнительных материалов, необходимых для рассмотрения служебного спора, либо соответственно обращаться с просьбой о направлении указанных запросов к руководителю (начальнику) органа, организации, подразделения МВД России (п. 365 Порядка).

Руководитель органа внутренних дел, принимающий организационное решение

* Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 окт. 2012 г. N 1377: ред. от 7 апр. 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 43. Ст. 508; 2017. N 15 (ч. 1). Ст. 2167.

** Порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 1 февр. 2018 г. N 50: ред. от 24 нояб. 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по письменному обращению, в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»* и пп. 79-81 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации** в письменном виде в форме резолюции определяет должностное лицо, ответственное за рассмотрение обращения и уполномоченное на подписание ответа, сроки, порядок рассмотрения и проведения проверочных мероприятий, а также необходимость осуществления контроля, а лицо, ответственное за рассмотрение обращения, соответствующей резолюцией определяет непосредственного исполнителя.

Решение руководителя (начальника) по служебному спору оформляется в письменной форме. На этом производство по рассмотрению служебного дисциплинарного спора заканчивается. Копия решения по служебному спору в течение трех рабочих дней со дня его принятия вручается заявителю руководителем (начальником), уполномоченным рассматривать служебный спор, или кадровым подразделением, а в случае невозможности вручения направляется заказным письмом с уведомлением о вручении (п. 367 Порядка).

Решение руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя по служебному спору может быть обжаловано в суд в течение десяти дней со дня вручения копии соответствующего решения сотруднику органов внутренних дел или гражданину, поступающему на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшему на службе в органах внутренних дел, обратившимся для разрешения служебного спора (ч. 8 ст. 72 Федерального закона N 342-ФЗ).

Очевидно, что в нормативных правовых актах детальная процедурно-про-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060.

** Инструкция об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 12 сент. 2013 г. N 707; ред. от 1 дек. 2016 г. // Рос. газ. 2014. 17 янв.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

цессуальная регламентация рассмотрения служебного спора руководителем (начальником) практически отсутствует, имеющиеся процессуальные формы производства менее сложные, чем в производстве по дисциплинарным делам.

В целях восполнения пробелов в правовом регулировании административного производства по рассмотрению служебных споров в системе государственной службы предлагается:

1) определить задачи данного производства;

2) закрепить принципы производства;

3) установить запрет на препятствование подаче заявления государственным служащим, преследование его за это;

4) предусмотреть право государственного служащего использовать помощь представителя при оспаривании в порядке подчинения законности наложения дисциплинарного взыскания;

5) предоставить государственному служащему право ознакомиться с собранными по его делу документами;

6) установить обязательность уведомления госслужащего о месте и времени рассмотрения служебного спора, а при необходимости – его вызова к уполномоченному руководителю;

7) установить обязанность руководителя, органа, рассматривающего служебный спор, внимательно разобраться в существе дела, принять необходимые меры для объективного и своевременного разрешения спора;

8) закрепить виды решений, принимаемых руководителем по результатам рассмотрения спора о законности наложения дисциплинарного взыскания, при невозможности поворота к худшему.

Кроме того, целесообразно обратиться к вопросу о возможности создания единых процессуальных форм рассмотрения служебных споров на государственной службе. Следует прислушаться к утверждению Н.Г. Салищевой: «Учитывая особенности административного процесса, необходимо сделать процедуру обжалования в порядке подчиненности основной, а судебный способ вспомогательным» [10, с. 389]. В порядке подчиненности должны рассматриваться дисциплинарные споры, споры по оперативным вопросам деятельности активной ад-

министрации [10, с. 389]. Предпосылки для этого в законодательстве о порядке прохождения государственной службы имеются.

Например, в части обжалования дисциплинарных взысканий в органах принудительного исполнения Российской Федерации действует правило последовательного их оспаривания сначала руководителю и только затем — в суд. Согласно п. 39 Дисциплинарного устава органов принудительного исполнения Российской Федерации сотрудник может обратиться с рапортом об обжаловании дисциплинарного взыскания, составленным в произвольной форме, к директору Федеральной службы судебных приставов — главному судебному приставу Российской Федерации или уполномоченному руководителю (начальнику) в течение трех месяцев со дня ознакомления с приказом о наложении на него дисциплинарного взыскания*.

* Об утверждении Дисциплинарного устава органов принудительного исполнения Российской Федерации: приказ Минюста России от 18 марта 2020 г. N 47 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Такой подход может быть использован и в других госорганах, по крайней мере для уменьшения нагрузки на судебную систему Российской Федерации и издержек федерального бюджета. Очевидно, что основная часть служебных споров должна проходить досудебную стадию рассмотрения. Однако это станет возможным только в условиях окончательного завершения реформы государственной службы, максимально полной регламентации служебных правоотношений законодательством о порядке прохождения государственной службы, в том числе в части внесудебного рассмотрения служебных споров, на основании установлений ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»**.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 22. Ст. 2063.

Список литературы

1. Зеленцов А.Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 435 с.
2. Линецкий С.В. Служебный спор и порядок его разрешения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 223 с.
3. Воробьева М.В. Сущность служебного спора, возникающего в системе государственной гражданской службы, как разновидности административно-правового спора // Российская юстиция. 2014. N 5. С. 69-72.
4. Лупарев Е.Б. Административно-правовые споры: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 467 с.
5. Маюров Н.П., Ороева Е.Д. Институт служебного спора в органах внутренних дел РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2016. N 1. С. 145-150.
6. Ванюшин Я.Л., Ванюшина И.Н. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 267 с.
7. Морейн И.Б. Основные проблемы правового регулирования отношений, связанных с разбирательством трудовых споров в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968. 38 с.
8. Соловьева А.К. Государственно-служебные споры на гражданской службе (теоретические и практические проблемы) // Власть. 2009. N 10. С. 145-148.
9. Хаманева Н.Ю. Административно-правовой спор как разновидность юридического конфликта // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. N 3. С. 36-59.
10. Салищева Н.Г. Избранное. М.: РАП, 2011. 568 с.

References

1. Zelentsov A.B. Theoretical foundations of a legal dispute. Doct. Diss. Moscow, 2005. 435 p. (In Russ.).
2. Linetskiy S.V. Service dispute and the procedure for its resolution. Cand. Diss. Moscow, 2010. 223 p. (In Russ.).
3. Vorob'eva M.V. The essence of a service dispute arising in the system of public civil service as a type of administrative-legal dispute. Russian Justice, 2014, no. 5, pp. 69-72. (In Russ.).
4. Luparev E.B. Administrative and legal disputes. Doct. Diss. Saratov, 2003. 467 p. (In Russ.).

5. Mayurov N.P., Oroeva E.D. Institute of service disputes in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Gaps in Russian legislation, 2016, no. 1, pp. 145-150. (In Russ.).

6. Vanyushin Ya.L., Vanyushina I.N. Public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 267 p. (In Russ.).

7. Moreyn I.B. The main problems of legal regulation of relations associated with the proceedings of labor disputes in the USSR. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 1968. 38 p. (In Russ.).

8. Solov'eva A.K. Public service disputes in the civil service (theoretical and practical problems). Power, 2009, no. 10, pp. 145-148. (In Russ.).

9. Hamaneva N.Yu. Administrative dispute as a kind of legal conflict. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2009, no. 3, pp. 36-59. (In Russ.).

10. Salishcheva N.G. Selected. Moscow, RAP Publ., 2011. 568 p. (In Russ.).

ЛЕТАЕВА Е.А., кандидат юридических наук, eletaeva@mvd.ru	LETAEVA E.A., Candidate of Legal Sciences, eletaeva@mvd.ru
Кафедра организации деятельности охранно-конвойных подразделений органов внутренних дел;	Chair of organizing the activity of guard and escort police units of the internal affairs bodies;
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников	Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Аннотация. Статья посвящена анализу административно-правового статуса специальных учреждений МВД России, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, которые подлежат принудительному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии. В работе представлена краткая историческая характеристика специальных учреждений для содержания иностранных граждан, формулируется определение административно-правового статуса специальных учреждений МВД России и раскрывается его содержание, предлагается классификация административно-правового статуса. На основе проведенного анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики автором выделяются проблемы, возникающие при организации деятельности специальных учреждений, обосновываются предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: специальное учреждение МВД России; содержание иностранных граждан; иностранный гражданин; лицо без гражданства; выдворение; депортация; реадмиссия; юридическая ответственность.

Для цитирования: Летаева Е.А. Административно-правовой статус специальных учреждений МВД России для содержания иностранных граждан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 26-34.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF SPECIAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE DETENTION OF FOREIGN CITIZENS

Annotation. The article is devoted to the analysis of the administrative and legal status of special institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation intended for the detention of foreign citizens and stateless persons who are subject to forced expulsion from the Russian Federation, deportation or readmission. The paper presents a brief historical retrospective of special institutions for the detention of foreign citizens. The definition of the administrative and legal status of special institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is formulated, its content is revealed. The classification of the administrative and legal status is proposed. Basing on the analysis of normative legal acts and law enforcement practice, the author of the article identifies the problems that arise when organizing the activities of such special institutions. The proposals for improving legislation in this area are substantiated.

Keywords: special institution of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; detention of foreign citizens; foreign citizen; stateless person; removal; deportation; readmission; legal responsibility.

For citation: Letaeva E.A. Administrative and legal status of special institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the detention of foreign citizens // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 2 (56). P. 26-34.

Под специальным учреждением МВД России для содержания иностранных граждан понимается учреждение федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, или его территориального органа, предназначенное для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии* (далее — специальное учреждение для содержания иностранных граждан).

Данная дефиниция является новой для российского законодательства и ориентирована преимущественно на необходимость изоляции иностранного гражданина (лица без гражданства), не имеющего (лишенного) права находиться на территории Российской Федерации. Отсутствие законного права пребывания субъекта на территории Российской Федерации является фактическим основанием для временного помещения субъекта в специализированное учреждение с последующим выдворением за пределы Российской Федерации [1].

Впервые в Российской Федерации специальное учреждение для содержания иностранных граждан было создано в г. Москве в 2004 году на базе приемников-распределителей, которые относились к подразделениям милиции общественной безопасности. Первоначально правовой статус данных учреждений был аналогичен правовому статусу следственного изолятора, однако предполагал более мягкий режим и улучшенные условия проживания**. Период с 2004 по 2014 год в Российской Федерации характеризовал-

ся отсутствием депортационных центров, что привело к содержанию иностранных граждан, ожидающих выдворения, в изоляторах временного содержания, спецприемниках и следственных изоляторах. Новым этапом развития стало принятие Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*** (далее — Закон о полиции), ч. 1.2 ст. 54 которого установлено, что действовавший в то время порядок содержания иностранных граждан возможен до 1 апреля 2014 г. Именно к этому сроку необходимо было обеспечить создание специальных учреждений.

С этого момента специальные учреждения для содержания иностранных граждан начали активно создаваться и вводиться в эксплуатацию органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Например, к 2014 году уже начало действовать 81 учреждение в 78 субъектах Российской Федерации (из 85)****.

В 2016 году в связи с передачей функции в сфере миграции МВД России функции и полномочия по организации специальных учреждений были отнесены к ведению органов внутренних дел*****.

Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных правовому статусу иностранных граждан, лиц без гражданства, вопросам их пребывания (проживания) и ответственности, административно-правовому статусу специальных учреждений МВД России для содержания иностранных граждан учеными не уделялось должного внимания. В настоящее время практически отсутствуют исследования, раскрывающие вопросы административно-правового статуса специальных учреждений для содержания иностранных граждан. Данный пробел

* Пункты 4 и 5 ст. 32.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Закон о правовом положении иностранных граждан). (См.: Рос. газ. 2002. 31 июля).

** О специальных учреждениях Москвы для содержания иностранных граждан, подлежащих депортации или административному выдворению за пределы Российской Федерации: закон г. Москвы от 8 дек. 2004 г. N 84 // Ведомости Московской городской Думы. 2005. N 1.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

**** Росинформбюро: сайт. URL: <http://www.rosinform.ru>

***** О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 5 апр. 2016 г. N 156 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 15. Ст. 2071.

требуется устранить. Анализ административно-правового статуса организации дает представление о том, каковы место и роль этой организации в системе административных правоотношений, в каких юридических связях находится эта организация с другими субъектами указанных отношений [2, с. 129]. При этом специальные учреждения признаются самостоятельными субъектами административного права, основной государственной целью которых является обеспечение реализации исполнения принятых судом постановления о принудительном выдворении и решения должностного лица о депортации или реадмиссии (п. 1 ст. 35.1 Закона о правовом положении иностранных граждан; ч. 1 ст. 266 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

В административном праве под административно-правовым статусом принято понимать правовое положение субъекта в сфере публичного управления. Это комплексная категория, отражающая взаимоотношения субъекта с органами публичного управления, гражданами и другими субъектами правоотношений [3, с. 50]. Содержание административно-правового статуса государственных учреждений предполагает несколько подходов.

Первый подход определяет в качестве элементов статуса общие и специальные права, а также обязанности; ограничения общих и специальных прав юридических лиц в административно-публичной сфере; меры юридической ответственности, применяемые к юридическим лицам за совершаемые ими в административно-публичной сфере правонарушения [4, с. 121]. В ряде случаев настоящий подход дополняется такими элементами, как организационно-правовой аспект деятельности субъекта [5, с. 13] или совокупность его функций [6, с. 63].

Следует отметить, что в литературе при исследовании административно-правового статуса правоохранительных государственных учреждений в качестве элементов предлагается рассматривать: место в системе органов исполнительной власти, сферу деятельности, цель создания и деятельности, публичные задачи и функции, общие и специальные административные права учреждения [7, с. 24].

Второй подход основан на структурировании элементов правового статуса по следующим блокам: целевой, включающей цели, задачи, функции деятельности организации; структурно-организационный, содержащий порядок образования, легализации, реорганизации, ликвидации организации, ее подчиненность, организационную структуру, процедуры деятельности, и компетенционный, включающий подведомственность дел и властные полномочия организации [8, с. 155].

Полагаем, что при изучении административно-правового статуса специального учреждения наиболее приемлемым является первый обозначенный подход, поскольку его концепция основана на исследовании государственных учреждений правоохранительной направленности.

Таким образом, к административно-правовому статусу специальных учреждений для содержания иностранных граждан следует отнести такие элементы, как права, обязанности и юридическая ответственность. Кроме того, необходимо отметить, что специальные учреждения в Российской Федерации осуществляют свою деятельность в качестве структурного подразделения территориальных органов МВД России на региональном (например, ЦВСИГ УМВД России по Тюменской области) или районном (ЦВСИГ ОМВД России по Надымскому району) уровне.

Специальные учреждения обладают как общими, так и специальными полномочиями, что предполагает систему прав и соответствующих обязательств. В связи с этим для административно-правового статуса специальных учреждений характерна сложная конструкция, элементы которой следует сгруппировать в отдельные его виды:

- 1) общий административно-правовой статус;
- 2) специальный административно-правовой статус.

Под общим административно-правовым статусом в теории административного права принято понимать общую административно-правовую характеристику, включающую наиболее общие административные права (полномочия), ограничения этих прав, административные обязанности этой организации и общие условия привлече-

ния ее к юридической ответственности за правонарушения, совершенные в административно-правовой сфере [2, с. 130].

Общий административно-правовой статус специальных учреждений для содержания иностранных граждан, наряду с иными государственными учреждениями, участвующими в административных правоотношениях, образован положениями Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов (от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении» и др.), Гражданского кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов (от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах», от 19 мая 1995 г. N 82-ФЗ «Об общественных объединениях», от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и др.).

Административная правосубъектность специальных учреждений возникает с момента утверждения территориальным органом МВД России положения о центре временного содержания иностранных граждан.

Обращаясь к вопросу о компетенции специальных учреждений для содержания иностранных граждан, необходимо отметить, что их основная обязанность заключается в осуществлении деятельности согласно целям и задачам данных учреждений в соответствии с Законом о правовом положении иностранных граждан. В связи с этим к общим обязанностям рассматриваемых учреждений следует отнести:

1) осуществление взаимодействия с иностранными гражданами в период их пребывания на территории специального учреждения в соответствии с конституционным принципом соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина (ст. 17 Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 5 Закона о полиции);

2) соблюдение в деятельности принципов законности, беспристрастности, открытости и публичности, общественного доверия и поддержки граждан, взаимодействия и сотрудничества, использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем (глава 2 Закона о полиции);

3) обеспечение прав иностранных граждан. Например, предоставление иностранным гражданам информации об их правах, обязанностях, о порядке и условиях пребывания в специальном учреждении, а в случае необходимости обеспечение услугами переводчика (ч. 1 ст. 17 и ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации);

4) обеспечение своевременного рассмотрения предложений, заявлений и жалоб, поступающих от иностранных граждан, их представителей, иных лиц и организаций (ст. 46 Конституции Российской Федерации, п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»);

5) организация и проведение профилактических мероприятий по предупреждению и предотвращению совершения иностранными гражданами противоправных действий (п. 6 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). К ним относится, например, профилактика нарушения режима и правил содержания в специальном учреждении, а также самовольного оставления указанного учреждения;

6) обеспечение безопасности персональных данных, используемых в служебной деятельности (чч. 4, 7, 8 ст. 17 Закона о полиции), и др.

Специальные учреждения для содержания иностранных граждан с целью выполнения возложенных на них обязанностей наделены следующими полномочиями:

1) устанавливать отдельные ограничения прав и свобод на период введения чрезвычайного и военного положений, а также проведения контртеррористических операций (ст.ст. 56, 87 Конституции Российской Федерации, ст. 11 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении», ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; п. 31 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

2) требовать от иностранных граждан прекращения противоправных дей-

ствий, а равно действий, препятствующих законной деятельности сотрудников специального учреждения (п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

3) проверять служебные удостоверения, временные и разовые пропуска, документы, удостоверяющие личность граждан, при входе на территорию специального учреждения и выходе за его пределы (п. 2 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

4) применять к иностранным гражданам, нарушившим режим содержания в специальном учреждении или совершающим противоправные действия, меры принуждения, предусмотренные законодательством Российской Федерации (задержание иностранного гражданина при самовольном оставлении специального учреждения) (п. 8 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

5) использовать информационно-справочные системы МВД России (п. 35 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

6) использовать в деятельности информационные системы, видео- и аудиотехнику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью иностранных граждан (п. 33 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

7) привлекать иные организации, ученых и специалистов, в том числе на договорной основе, для выработки решений по вопросам, отнесенным к деятельности специального учреждения (п. 34 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции);

8) запрашивать и получать в установленном порядке от органов, организаций, подразделений системы МВД России документы, справочные и иные материалы, необходимые для принятия решений по вопросам деятельности специального учреждения (ч. 4 ст. 13 Закона о полиции).

В случае несоблюдения вышеуказанных обязательств предусмотрена юридическая ответственность специальных учреждений для содержания иностранных граждан. Например, за причинение иностранным гражданам вреда в процессе содержания в специальном учреждении (ст. 53 Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 33 Закона о полиции).

Следует отметить, что если будет доказано, что сотрудник данного учреждения,

нарушая законодательство, действовал исключительно в своих корыстных целях, а заинтересованность самой организации отсутствовала, то субъективный критерий не действует и вина юридического лица исключается.

Специальный административно-правовой статус специальных учреждений для содержания иностранных граждан предопределен спецификой их деятельности и регламентирован федеральными законами (например, Законом о правовом положении иностранных граждан, Законом о полиции, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), ведомственными правовыми актами (приказом ФМС России от 26 сентября 2014 г. N 534 «Об утверждении типовых требований к проектированию, техническому оснащению и оборудованию специальных учреждений Федеральной миграционной службы и ее территориальных органов, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» и др.), подзаконными нормативными правовыми актами (постановлениями Правительства Российской Федерации: от 30 декабря 2013 г. N 1306 «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» (далее – Правила содержания в специальных учреждениях), от 29 марта 2014 г. N 250 «Об осуществлении охраны специальных учреждений Федеральной миграционной службы или ее территориального органа, предназначенных для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» и др.), а также локальными нормативными актами территориальных органов МВД России (приказ УМВД России по Тюменской области от 17 марта 2017 г.

№ 181 «Об утверждении Положения о Центре временного содержания иностранных граждан Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тюменской области» и др.).

Под специальным административно-правовым статусом принято понимать специальную административно-правовую характеристику данной организации, включающую, в частности, специальные административные права (полномочия), ограничения этих прав (полномочий), административные обязанности организации и специальные условия привлечения ее к юридической ответственности за правонарушения, совершенные в административно-правовой сфере [2, с. 130].

К первому элементу специального административно-правового статуса специальных учреждений для содержания иностранных граждан, на наш взгляд, следует отнести их место в системе органов исполнительной власти Российской Федерации.

Специальные учреждения являются структурным подразделением территориального органа МВД России (подп. 44 п. 11 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699*, п. 1 раздела I Правил содержания в специальных учреждениях). Руководство их деятельностью на федеральном уровне осуществляет ГУОООП МВД России, на региональном уровне – У(ГУ) МВД России по субъекту Российской Федерации, МВД России по субъекту Российской Федерации либо на районном уровне – УМВД России по определенному городу субъекта Российской Федерации**.

Ко второму элементу специального административно-правового статуса специальных учреждений для содержания иностранных граждан следует отнести отдельные обязанности, поскольку данные учреждения являются специальными субъектами административно-правовых

отношений, предназначение которых состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства (ч. 1 ст. 1 Закона о полиции). При этом специальные учреждения выполняют свои обязанности с целью обеспечения исполнения принятых в соответствии с КоАП РФ постановления судьи о назначении административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации и решения уполномоченного должностного лица*** о депортации либо реадмиссии (п. 1 ст. 35.1 Закона о правовом положении иностранных граждан);

Исходя из вышесказанного на специальные учреждения для содержания иностранных граждан возлагаются следующие специальные обязанности:

1) обеспечение охраны учреждения (п. 6 ст. 35.1 Закона о правовом положении иностранных граждан);

2) обеспечение технического оснащения и оборудования учреждения (п. 7 ст. 35.1 Закона о правовом положении иностранных граждан);

3) содержание иностранных граждан, исключая возможность самовольного оставления указанных учреждений (п. 1 ст. 35.1 Закона о правовом положении иностранных граждан);

4) проведение профилактических мероприятий по предупреждению и предотвращению совершения иностранными гражданами противоправных действий, направленных на нарушение режима, правил содержания (пребывания) в специальном учреждении и самовольное оставление места содержания;

*** См.: Об утверждении Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать такое решение: постановление Правительства Российской Федерации от 7 апр. 2003 г. № 199 // Рос. газ. 2003. 11 апр.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

** Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 // Рос. газ. 2011. 2 марта.

5) предоставление информации о правах и обязанностях иностранных граждан, режиме содержания, порядке подачи предложений, заявлений и жалоб (подп. «а» п. 40 раздела V Правил содержания в специальных учреждениях);

6) обеспечение личной безопасности (подп. «б» п. 40 раздела V Правил содержания в специальных учреждениях);

7) осуществление круглосуточного приема, размещения, учета, содержания иностранных граждан (п. 5 Правил содержания в специальных учреждениях);

8) осуществление досмотровых мероприятий, включая личный досмотр и досмотр вещей и предметов, находящихся при иностранном гражданине (п. 1 ст. 35.3 Закона о правовом положении иностранных граждан, п. 7 Правил содержания в специальных учреждениях);

9) осуществление дактилоскопирования и фотографирования с соответствующим документальным сопровождением (п. 1 ст. 35.3 Закона о правовом положении иностранных граждан, п. 7 Правил содержания в специальных учреждениях);

10) ведение личных дел содержащихся в учреждении лиц (п. 7 Правил содержания в специальных учреждениях);

11) изъятие вещей, изъятых из оборота или ограниченных в обороте в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации, обнаруженных у иностранного гражданина, содержащегося в специальном учреждении, с составлением соответствующего акта (п. 37 ч. 1 ст. 12 Закона о полиции);

12) обеспечение и организация соответствующих бытовых условий, медико-санитарного, лекарственного обеспечения, санитарно-эпидемиологических, профилактических требований (п. 3 раздела I, раздел IV, п. 40 раздела V Правил содержания в специальном учреждении, ст. 29 Федерального закона от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»*);

13) организация (или) осуществление сопровождения и охраны во время перемещения содержащихся в специальном учреждении иностранных граждан

в медицинские организации государственной и муниципальных систем здравоохранения (нормативно не регламентировано) и др.

Третьим элементом специального административно-правового статуса специальных учреждений для содержания иностранных граждан следует обозначить их специальные права, классифицировав их на внутренние и внешние.

Внутренние права специальных учреждений направлены на обеспечение содержания иностранных граждан, взаимоотношения между сотрудниками учреждений и иностранными гражданами, между самими сотрудниками учреждений. В качестве примера следует рассмотреть полномочия специальных учреждений для содержания иностранных граждан по отношению к содержащимся в них иностранным гражданам, лицам без гражданства:

1) применять технические средства контроля и надзора за иностранными гражданами, содержащимися в специальных учреждениях (п. 3 ст. 35.2 Закона о правовом положении иностранных граждан);

2) требовать соблюдения Правил содержания специального учреждения, его распорядка дня, контрольно-пропускного и внутриобъектового режимов (п. 2 раздела I Правил содержания в специальных учреждениях);

3) изымать на хранение телефоны сотовой связи (при наличии) у иностранного гражданина (абз. 1 п. 10 раздела II Правил содержания в специальных учреждениях);

4) размещать в отдельном помещении специального учреждения совместно с иностранным гражданином его близких родственников (п. 14 раздела III Правил содержания в специальных учреждениях);

5) требовать от иностранных граждан выполнения законных требований сотрудников (работников) специального учреждения, не препятствовать выполнению ими служебных обязанностей (подп. «б» п. 41 раздела V Правил содержания в специальных учреждениях) и др.

Внешние специальные права реализуются во взаимодействии с иными подразделениями МВД России, государственными органами, организациями, объединениями

* Рос. газ. 1999. 6 апр.

по вопросам деятельности специальных учреждений для содержания иностранных граждан (ГУВМ МВД России, ФССП, МИД России, ФСБ России, прокуратурой, судами и др.). Например, полномочие специального учреждения запрашивать у ГУВМ МВД России документы, удостоверяющие личность и подтверждающие гражданскую принадлежность иностранного гражданина, необходимые для пересечения им Государственной границы Российской Федерации, у судебных приставов-исполнителей — информацию о наличии ограничений на выезд из Российской Федерации и др.

В качестве четвертого элемента специального административно-правового статуса специальных учреждений для содержания иностранных граждан выступает юридическая ответственность специального учреждения, а также должностных лиц за несоблюдение установленных законодательством требований по содержанию в них иностранных граждан. Предполагаются разные формы ответственности: дисциплинарная, уголовная и др. Например, основанием для привлечения к уголовной ответственности сотрудника специального учреждения может быть факт совершения должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов иностранных граждан (ч. 1 ст. 286 УК РФ).

Анализ результатов проверок прокуратурой деятельности специальных учреждений для содержания иностранных граждан позволил выявить, что наиболее распространенными нарушениями в данной сфере являются:

1) несоблюдение требований, предъявляемых действующим законодательством к параметрам и характеристикам зданий, помещений, территории специального учреждения;

2) необеспечение должной охраны специальных учреждений, технической укрепленности охраняемых объектов, их надлежащего оснащения системами охранной сигнализации, контроля, оповещения и связи;

3) неоформление специальным учреждением лицензии на осуществление медицинской деятельности;

4) неоказание необходимой медицинской помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства, содержащимся в специальном учреждении;

5) несоблюдение норм санитарной площади на одного человека в специальном учреждении, других санитарно-эпидемиологических норм и правил;

6) несоблюдение требований пожарной безопасности в специальном учреждении;

7) несоблюдение требований законодательства при рассмотрении обращений иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащихся в специальном учреждении [9].

Причинами и условиями таких нарушений, на наш взгляд, выступают отдельные пробелы в правовом регулировании статуса специальных учреждений для содержания иностранных граждан, связанные прежде всего с отсутствием общей правовой регламентации их деятельности на федеральном уровне, а также конкретизации прав и обязанностей полиции в части организации службы в указанных подразделениях и обеспечения прав и законных интересов иностранных граждан и лиц без гражданства, в них содержащихся. В частности, отсутствует закрепление обязанности по содержанию, охране и препровождению указанных лиц при реализации функций специальных учреждений для содержания иностранных граждан.

Таким образом, под административно-правовым статусом специальных учреждений МВД России для содержания иностранных граждан следует понимать совокупность прав и обязанностей данных учреждений для последующего исполнения принудительного выдворения конкретного иностранного гражданина за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, а также мер юридической ответственности, которые могут быть к ним применены за нарушения установленного порядка содержания.

Административно-правовой статус специальных учреждений для содержания иностранных граждан нуждается в его четком определении, юридическом оформлении и закреплении. В настоящее время в законодательстве отсутствует норматив-

ный правовой акт, позволяющий унифицировать элементы правового статуса данных учреждений. В связи с этим представляется необходимым:

1) разработка и принятие следующих нормативных правовых актов:

а) «О содержании иностранных граждан, лиц без гражданства в центрах временного содержания иностранных граждан»;

б) Правил внутреннего распорядка центров временного содержания иностранных граждан;

в) Наставления по служебной деятельности центров временного содержания иностранных граждан.

Основные положения настоящих актов создадут необходимые правовые основы для формирования локальных нормативных правовых актов специальных учреждений для содержания иностранных граждан;

2) закрепление в Законе о полиции специальных обязанностей сотрудников специальных учреждений для содержания иностранных граждан по содержанию, охране иностранных граждан в указанных учреждениях, по их сопровождению в медицинские учреждения при госпитализации и обеспечении соответствующего контроля пребывания данных лиц в медицинских организациях.

Список литературы

1. Ефремова О.Н., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» / под ред. А.Е. Епифанова, В.М. Абдрашитова. 2016. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Стахов А.И., Кононов П.И. Административное право России: учебник. М.: Юрайт, 2014. 656 с.
3. Административное право: часть первая: учебник / Т.М. Занина [и др.]. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 429 с.
4. Административное право России: учебник / под ред. П.И. Кононова, В.Я. Кикотя, И.Ш. Киялханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 559 с.
5. Палагин Д.Н. Административно-правовой статус государственных автономных учреждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 22 с.
6. Ерохина Т.В. Некоторые вопросы административно-правового статуса государственных учреждений // Административное право и процесс. 2016. N 8. С. 62-66.
7. Кононов П.И., Кисилев А.В. Особенности административно-правового статуса правоохранительных учреждений // Полицейское право. 2007. N 2. С. 23-27.
8. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2006. 816 с.
9. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при содержании в специальных учреждениях ФМС России отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства: метод. рек. (утв. Генпрокуратурой России). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Efremova O.N., Bevzyuk E.A. Commentary to the Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation". 2016. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
2. Stakhov A.I., Kononov P.I. Administrative law of Russia: textbook for bachelors. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 656 p. (In Russ.).
3. Zanina T.M. [i dr.]. Administrative law: Part one. Moscow, 2005. 429 p. (In Russ.).
4. Administrative Law of Russia. Moscow, YUNITI-DANA: Zakon i parvo Publ., 2010. 559 p. (In Russ.).
5. Palagin D.N. Administrative and legal status of state autonomous institutions. Autoabstract Cand. Diss. Saratov, 2010. 22 p. (In Russ.).
6. Erokhina T.V. Some questions of the administrative-legal status of state institutions. Administrative law and Process, 2016, no. 8, pp. 62-66. (In Russ.).
7. Kononov P.I., Kisilev A.V. Features of the administrative and legal status of law enforcement agencies. Police law, 2007, no. 2, pp. 23-27. (In Russ.).
8. Bakhrakh D.N. Administrative law of Russia. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 816 p. (In Russ.).
9. On the organization of prosecutor's supervision over the execution of laws in the detention of certain categories of foreign citizens and stateless persons in special institutions of the FMS of Russia" (approved by the Prosecutor General's Office of Russia). Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

ХОМЕНКО А.Н., кандидат юридических наук, доцент, an.homenko65@mail.ru Факультет очного обучения; Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, 644116, г. Омск, ул. 24-я Северная, 196/1	HOMENKO A.N., Candidate of Legal Sciences, associate professor, an.homenko65@mail.ru Full Time Faculty; Siberian Institute of Business and Information Technologies, 24th Severnaya St. 196/1, Omsk, 644116, Russian Federation
--	--

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ФИЗИЧЕСКУЮ СВОБОДУ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье исследуются проблемы квалификации преступлений против физической свободы человека. Автор предлагает уголовно-правовую оценку незаконного ограничения человека в его физической свободе, отсутствующую в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», а также решения по дискуссионным вопросам квалификации данных преступлений. В частности, уточнены объективные и субъективные признаки, характеризующие состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 126 УК РФ; даны основания совокупной квалификации похищения человека с другими насильственными посягательствами; предложена характеристика особо квалифицирующих признаков, предусмотренных частями третьими статей 126-127.2 УК РФ; указаны критерии отличия захвата заложника от похищения человека; сформулированы условия освобождения виновного лица от ответственности в соответствии с примечаниями к статьям 126 и 206 уголовного закона.

Ключевые слова: похищение человека; физическая свобода человека; совокупность преступлений; тяжкие последствия; захват заложника; квалификация преступлений.

Для цитирования: Хоменко А.Н. К вопросу о квалификации деяний, посягающих на физическую свободу человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 35-43.

THE ISSUES CONCERNING THE QUALIFICATION OF THE ACTS THAT INFRINGE ON THE PHYSICAL FREEDOM OF A PERSON

Annotation. The problems concerning the qualification of crimes against the physical freedom of a person are analyzed in the article. The author of the article gives criminal legal assessment of unlawful restraint, that is not included in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 No. 58 "On judicial practice in cases of kidnapping, illegal deprivation of liberty and human trafficking". He also proposes some decisions on the controversial issues concerning the qualification of these crimes. In particular, the objective and subjective elements that characterize the corpus delicti provided for in part 1 of Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation are clarified. The grounds for qualifying kidnapping as cumulative crime involving other violent assaults are given. The characteristic of the essential elements of the analyzed crimes provided in the third parts of Articles 126-127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed. The criteria for distinguishing hostage taking from kidnapping are specified. The conditions for the exemption of the guilty person from liability in accordance with the notes to Articles 126 and 206 of the Criminal Code of the Russian Federation are formulated.

Keywords: kidnapping; physical freedom of a person; cumulative crime; grave consequences; hostage taking; qualification of crimes.

For citation: Homenko A.N. The issues concerning the qualification of the acts that infringe on the physical freedom of a person // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 35-43.

Разъяснения высшего судебного органа Российской Федерации по вопросам квалификации преступлений являются значимыми как для правоприменительной деятельности, так и для науки уголовного права. 24 декабря 2019 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»* (далее – постановление Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58).

Ранее в научной литературе высказывались обоснованные мнения о том, что диспозиция ст. 126 УК РФ находится в конфликте со сложным содержанием этого состава [1, с. 119]. Как справедливо отмечает Н. Скрипченко, «...к изъянам юридической техники следует отнести не только законодательную неопределенность деяний, образующих похищение человека, но и определение незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) посредством указания отсутствия признаков похищения человека» [2, с. 97]. Кроме того, данные обстоятельства действительно затрудняют деятельность судебно-следственных органов по причине отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации преступлений против физической свободы человека и разграничения похищения человека и составов иных преступлений [3, с. 68-69].

Однако постановление Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58, содержащее разъяснения основных объективных и субъективных признаков ст.ст. 126, 127, 127.1 УК РФ, не дает ответа на важные вопросы квалификации, представляющие сложность для единообразного понимания и применения норм, которыми предусмотрены преступления, посягающие на физическую свободу человека. К таковым следует отнести: отягчающие обстоятельства вышеуказанных составов преступлений, за исключением пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 и п. «е» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ; разъяснения квалификации ст. 127.2 УК РФ; проблемы конкуренции похищения человека из корыстных побуждений и захвата заложника.

В связи с вышеизложенным является актуальным устранение спорных доктрин

нальных позиций, таких как понимание термина «похищение человека», конструкции объективной стороны ст. 126 УК РФ и связанного с ней момента окончания преступления. Согласно п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 «под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют». Определение этого понятия дает основания полагать, что данное общественно опасное деяние состоит из трех четких самостоятельных действий, но связанных между собой, и, независимо от обстоятельств посягательства, последним всегда будет насильственное удержание потерпевшего, которое может длиться неопределенное время. На совокупность действий в определенной последовательности в оконченом похищении человека указывает союз «и», а также слово «последующее» перед словом «удержание» [4, с. 37].

Кроме того, в п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 отмечается: «похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения». Подобное определение противоречивого юридического момента окончания преступления возможно только при конструкции объективной стороны усеченного состава, например разбоя (ст. 162 УК РФ). Это было бы логично, если указать, что целью похищения человека является его удержание, как это рассматривал Президиум Верховного Суда Российской Федерации**. При этом далее в анализируемом постановлении установлено, что в ситуации обмана потерпевшего, когда он сам прибывает к месту его удержания, преступление признается оконченным с момента начала его удержания, если лицо более не перемещалось. Обман в этой ситуации относится к условию, обеспечивающему тайный (ненасильственный) способ похищения живого чело-

** См.: О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2011 г. N 389-П10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* Рос. газ. 2019. 31 дек.

века, а открытый — насильственный способ направлен на захват потерпевшего и перемещение его к месту удержания.

Вместе с тем следует учитывать, что похищение человека является длящимся преступлением, так как прекращение удержания заложника, связанного с его освобождением, может быть отдалено во времени. В рассматриваемом контексте справедливым является вывод В.Н. Боркова: «признание наличности посягательства и после захвата потерпевшего, его насильственного перемещения и во время удержания будет способствовать эффективно-му применению таких уголовно-правовых институтов, как обстоятельства, исключающие преступность деяния, освобождение от уголовной ответственности, амнистия и др.» [5, с. 6].

Анализируя субъективную сторону похищения человека, Верховный Суд Российской Федерации указывает на цель и мотив похищения человека — совершение другого преступления, а в п. 10 постановления от 24 декабря 2019 г. N 58 направленность умысла связывает с удержанием потерпевшего в другом месте. Представляется, что пояснения, данные в этом пункте, некорректны, так как удержание — не самоцель (удержание ради удержания) и не способ совершения убийства (ст. 105 УК РФ), а юридическое окончание действий самостоятельного состава преступления. При этом почему-то разъясняется только квалификация по совокупности похищения человека с убийством и вымогательством (ст. 163 УК РФ).

Между тем в правоприменительной практике отсутствует единство мнений по вопросу о дополнительной уголовно-правовой оценке изнасилования (ст. 131 УК РФ) или совершения насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) по ст. 126 или ст. 127 УК РФ [6, с. 27]. Например, по приговору Ленинградского областного суда от 14 февраля 2006 г. К. и Б. осуждены по пп. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Пересматривая приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее: совершение К. и Б. преступлений, за которые они осуждены, подтверждается рассмотренными в судеб-

ном заседании доказательствами. В ходе судебного разбирательства было установлено, что К. предложил Б. привести одну из встретившихся им девочек, чтобы изнасиловать, с чем Б. согласился. Они обманом увели девочку и совершили изнасилование. Приговор оставлен без изменения*.

Противоположное кассационное судебное решение было принято в аналогичной ситуации. Судом первой инстанции установлено, что С. путем обмана решил изнасиловать А., заведомо зная о ее несовершеннолетнем возрасте. Обещая привести девочку домой, он привел ее в свой дом и там изнасиловал. Таким образом, действия С. охватывались объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ. Как такового умысла на похищение потерпевшей у осужденного не установлено, и доказательств, подтверждающих его, в приговоре не приведено. При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в части осуждения С. по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ отменила и дело в этой части прекратила**.

Решением обозначенной проблемы должно стать следующее правило: основанием совокупной квалификации похищения человека с убийством, изнасилованием и другими насильственными посягательствами следует считать ситуацию, когда после захвата, перемещения (обмана) потерпевших с целью совершения указанных деяний имеет место факт их удержания виновными лицами до или после исполнения ими желаемых преступлений [4, с. 39].

В разъяснениях правильно перечисляются факультативные признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 126 УК РФ (угрозы, насилие, использование беспомощного состояния, обман потерпевшего), но не дается характеристика

* Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2006 г. N 33-006-34. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 дек. 2008 г. N 38-008-31. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

этих способов совершения деяния (за исключением указания на то, что в основном составе применяется насилие, не опасное для жизни или здоровья человека). Также оставлены без внимания квалифицированные составы, предусмотренные пп. «г», «д», «е», «ж» ч. 2 ст.ст. 126, 127 УК РФ. Очевидно, признано достаточным их истолкование по иным преступлениям в других постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ «применение уголовного закона по аналогии не допускается».

В пункте 5 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 разъясняется, что «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью при совершении похищения человека охватывается п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ». В то же время ничего не сказано о квалификации причинения тяжкого вреда здоровью, учитывая то, что по этому вопросу нет однозначного мнения. Позиция авторов, ссылающихся на прием сравнительного толкования, состоит в том, что причинение тяжкого вреда здоровью в процессе похищения человека или незаконного лишения свободы образует совокупность этих преступлений со ст. 111 УК РФ. При этом свою точку зрения они обосновывают тем, что верхний предел санкции за любое неосторожное причинение смерти (чч. 1 и 2 ст. 109 УК РФ) значительно ниже по сравнению с основным составом умышленного причинения тяжкого вреда здоровью [7, с. 40-41; 8, с. 73-74]. Не умаляя логику изложения противоположного мнения, считаем, что причинение тяжкого вреда здоровью жертвы похищения полностью охватывается п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ [см. также: 9, с. 529]. Обоснованием является правило квалификации (конкуренции части и целого), согласно которому, если санкцияотягчающего состава составного преступления (норма-целое) равная или более строгая, чем санкция нормы-части этого состава, связанная с причинением вреда здоровью, то не требуется дополнительной квалификации по норме-части, что соответствует принципу справедливости наказания (ст. 6 УК РФ).

Кроме того, в постановлении Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 отсутствует конкретизация и в отноше-

нии таких особо квалифицирующих признаков, как «совершены организованной группой» и «иные тяжкие последствия» (чч. 3 ст.ст. 126-127.2 УК РФ). Понятие организованной группы сформулировано в ч. 3 ст. 35 УК РФ, а также разъясняется в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Исходя из этого совершение организованной (устойчивой) группой преступлений, посягающих на физическую свободу человека, как правило, означает, что это соучастие включает руководителя, стабильный состав участников для исполнения общественно опасного деяния, которые с этой целью проводят более тщательную и длительную подготовку с четким планом действий, распределением ролей и техническим обеспечением преступного акта. В связи с этим, чтобы не нарушать единообразный подход к уголовно-правовой оценке, действия всех соучастников организованной группы, например при похищении человека, независимо от их роли в содеянном необходимо квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Оценочный признак «иные тяжкие последствия» также имеет свою правоприменительную апробацию, в основном связанную с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст.ст. 131, 132 УК РФ) и комментируемую Пленумом Верховного Суда Российской Федерации только в п. 13 постановления от 4 декабря 2014 г. N 16*. В нем поясняется, что к иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т.п. Необходимость разъяснения указанных последствий в постановлении Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 вызвана прежде всего неопределенным пониманием формы вины по отношению к ним.

Одни ученые считают, что иные тяжкие последствия причиняются так же, как

* О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 дек. 2014 г. N 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и смерть в результате деяния, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ, — по неосторожности и выражаются в крупном ущербе (например, в связи с прерыванием профессиональной деятельности), самоубийстве потерпевшего, тяжелой болезни или смерти близкого человека [9, с. 530]. Другие предполагают, что умышленная форма вины также не исключена, на примере такого последствия, как самоубийство потерпевшего, сравнивая его с ответственностью за доведение до самоубийства, которое наступает только при умышленном отношении к этим последствиям [8, с. 76].

В то же время и судебная практика не исключает различного психического отношения к иным тяжким последствиям*. По нашему мнению, учитывая санкции ч. 1 ст. 110 (лишение свободы на срок от 2 до 6 лет) и ч. 2 ст. 110 УК РФ (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет), а также умышленную форму вины доведения до самоубийства, потребуется совокупная квалификация ст. 110 УК РФ со статьями, предусматривающими ответственность за преступления против физической свободы человека. Если же устанавливаем неосторожную форму вины во всех возможных иных тяжких последствиях данных посягательств, то в данном контексте, очевидно, речь идет не о доведении потерпевшего до самоубийства, а о суициде лишеного свободы человека или его близких.

Следует еще раз отметить, что не все особенности объективных и субъективных признаков незаконного лишения свободы и торговли людьми разъяснены в постановлении Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58, но имеющиеся в целом совпадают с доктринальным толкованием или дополняются им. При этом представляется необходимым изложить важную проблему отграничения похищения человека от захвата заложников, так как и в том, и в другом деянии предполагаются захват и насильственное удержание потерпевшего.

Данный вопрос остается актуальным и в настоящее время, несмотря на то, что он поднимается правоведами с 90-х годов

прошлого века. Например, Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов и С.А. Сауляк указывают: «составы преступлений “похищение людей” и “захват заложника” практически не поддаются точному отграничению одного от другого, что вызвано недостаточно определенными формулировками признаков этих преступлений в диспозициях составов преступлений» [10, с. 44]. Проблемы правильной квалификации деяний, связанных с физической свободой человека (дополнительный объект при захвате заложников), возникают и в судебно-следственной деятельности [11, с. 19], особенно когда за освобождение человека виновные требуют выкуп. Например, судом со ст. 206 УК РФ на ст. 126 УК РФ были обоснованно переквалифицированы действия А., который обманным путем вывез Б. за пределы Омской области, удерживал его в одном из городов Кавказского региона и требовал от жены Б. определенную сумму денег за освобождение ее мужа**.

Квалифицированный состав, предусмотренный п. «з» ст. 126 УК РФ, убедительно фигурирует в подавляющем большинстве обвинительных судебных приговоров (95 %) [12, с. 14-16], указывая на выдвигание похитителями корыстных требований (выплата сумм выкупа или долга) родственникам, друзьям или сослуживцам заложника. Здесь следует признать верным вывод В. Бриллиантова о том, что «во многих случаях при похищении, так же как и при захвате, целью посягательства оказывается не свобода человека, а иные общественные отношения» [13, с. 43].

Проведенное ранее нами исследование позволяет предложить следующие критерии отграничения захвата заложника от похищения человека. Во-первых, объектом захвата заложника является угроза общественной безопасности, поскольку отсутствие возможности конкретизации жертвы данного посягательства определяет его как опасное и для неопределенного человека, и для всего общества в целом. Непосредственным объектом похищения, напротив, является конкретная личность со своим правом на свободу, так как для лиц, виновных в похищении человека, решающее значение имеет выбор конкретного потерпевшего.

* См., например: Апелляционное определение Иркутского областного суда от 6 июня 2017 г. по делу N 22-1493/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Уголовное дело N 1-112/99 // Архив Омского областного суда за 1999 г.

Во-вторых, отличительным признаком выступает специальная цель захвата заложника — понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Похищение человека отличается тем, что требования всегда предъявляются непосредственной жертве или ее близким (знакомым). Однако если целью является понудить родственников похищенного или его друзей, коллег по бизнесу (граждан) оплатить его свободу, то здесь обнаруживается сходство с захватом заложника по выдвижению требований к третьей стороне [14, с. 63-65].

Анализ реальных событий позволяет определить характерную для каждого деяния обстановку совершения преступления. Например, в декабре 2018 г. в г. Домодедово участники этнической организованной группы похитили жену предпринимателя и потребовали за ее освобождение крупную сумму денег. Предприниматель обратился за помощью в полицию. Один из похитителей в момент передачи денег в кафе г. Подольска был задержан и под контролем оперативных сотрудников полиции сообщил своим сообщникам о получении выкупа, после чего похищенная женщина была освобождена. Затем произошло задержание остальных соучастников преступления*.

23 мая 2020 г. Б., захвативший и удерживавший в отделении банка шестерых заложников под угрозой привести в действие взрывное устройство, потребовал выплатить ему крупную сумму денег. В результате пятерым заложникам удалось освободиться самостоятельно, а шестой был освобожден сотрудниками СОБРа. Б. был задержан, в отношении его возбуждено уголовное дело по ст. 206 УК РФ**.

Таким образом, особенностью обстановки совершения похищения человека, как правило, являются скрытые действия виновных лиц, местонахождение не случайно похищенного и сам факт предъявления его близким требований содержатся в тайне от всех. Что касается преступления, предусмотренного ст. 206

УК РФ, то сам захват и удержание чаще всего осуществляются демонстративно, а место удержания заложников совпадает с местом их захвата. Захватчик предъявляет органам государственной власти требования как условие освобождения заложников открыто, в ультимативной форме. Жертвами данного преступления становятся случайные лица, но выбор объекта захвата целенаправленный — побудить государственные органы исполнить выдвинутые им требования [15, с. 42]. Следовательно, основным критерием отличия захвата заложника от похищения человека будет открытое удержание заложника и, как правило, непосредственное предъявление требований к государству или организациям.

Также следует обратить внимание на возможность перерастания похищения человека в захват заложника. Считаем, что содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 126 и 206 УК РФ. Это обосновывается тем, что, несмотря на совпадение объективной стороны, указанные преступные действия посягают на различные объекты и имеют неодинаковые субъективные признаки преступления. Вначале человека лишают свободы, скрывают его от общества с целью тайного получения за его свободу выкупа, а в последующем удерживают как заложника с целью ухода от уголовной ответственности, выдвигают требования представителям государства [15, с. 43].

Приведенный выше пример похищения женщины, которая была освобождена похитителями после получения выкупа, указывает на теоретическую возможность для виновных избежать уголовной ответственности за похищение человека в соответствии с примечанием к ст. 126 УК РФ. Признак добровольности трактуется в п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 как «такое освобождение похищенного человека, при котором виновное лицо осознавало, что у него имелась реальная возможность удерживать потерпевшего, но оно освободило его, в том числе передало родственникам, представителям власти, указало им на место нахождения похищенного лица, откуда его можно освободить».

* Рос. газ. 2018. 13 дек.

** Там же. 2020. 24 мая.

Из буквального толкования указанной поощрительной нормы и разъяснений Пленума ВС РФ следует, что похитители после получения желаемого осознают возможность удержания заложницы, но при этом оставляют ее живой и предоставляют ей физическую свободу. Следовательно, если не допущен вред здоровью потерпевшей или третьим лицам, то привлечение виновных к уголовной ответственности возможно только за вымогательство (ст. 163 УК РФ). Главное юридическое значение этого примечания — позитивное постпреступное поведение виновных. Однако не только среди правоведов, но и в решениях Верховного Суда Российской Федерации существует другая позиция, основанная на двух условиях: «1) лицо осознает реальную возможность дальнейшего удержания потерпевшего и освобождает его; 2) освобождение похищенного не связано с выполнением ультимативных требований похитителя или с достижением цели похищения» [16, с. 17]. Если такая позиция является правоопределяющей, то освобождение потерпевшего после достижения виновным желаемого результата удержания похищенного должно учитываться судом как смягчающее его вину обстоятельство.

Неопределенность в понимании правоприменения складывается и в отношении примечания к ст. 206 УК РФ. Особенностью освобождения виновного от привлечения к ответственности за данное посягательство является альтернативность действий, связанная не только с добровольностью отказа от удержания заложника, но и с выполнением соответствующих требований властей, учитывая обстановку открытого противостояния правоохранительным органам. По нашему мнению, основанием правомочности рассматриваемого примечания представляются такие действия, которые должны быть актом волеизъявления лица, захватившего заложника, направленного на подчинение требованиям органа власти освободить потерпевшего в ходе переговорного процесса до начала силовых действий по освобождению заложника.

Изложенное позволяет предложить решения рассмотренных выше проблем, связанных с квалификацией преступлений, посягающих на физическую свободу человека.

1. Внести дополнение в содержащееся в постановлении Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 разъяснение, касающееся момента окончания похищения человека, указав, что конструкция объективной стороны данного преступления связана с выполнением всех действий, образующих это общественно опасное деяние, поэтому моментом окончания преступления является начало удержания похищенного. Если преступление было пресечено на стадии захвата или перемещения потерпевшего, то действия виновных следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 126 УК РФ.

2. Основанием совокупной квалификации похищения человека с убийством, изнасилованием и другими насильственными посягательствами следует считать ситуацию, когда после захвата, перемещения (обмана) потерпевших с целью совершения указанных деяний имеет место факт их удержания виновными лицами до или после исполнения ими других преступлений.

3. Причинение тяжкого вреда здоровью похищенного человека полностью охватывается п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

4. Дополнить постановление Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 разъяснениями в отношении таких особо квалифицирующих признаков, как «совершены организованной группой» и «иные тяжкие последствия», предусмотренных чч. 3 ст.ст. 126-127.2 УК РФ. С целью обеспечения единообразного подхода к уголовно-правовой оценке действия всех соучастников организованной группы, совершивших указанные преступления, независимо от их роли в содеянном необходимо квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Если учитывать санкции ч. 1 ст. 110 (лишение свободы на срок от 2 до 6 лет) и ч. 2 ст. 110 УК РФ (лишение свободы на срок от 8 до 15 лет), а также умышленную форму вины доведения до самоубийства, то потребуются совокупная квалификация ст. 110 УК РФ со статьями, предусматривающими ответственность за преступления против физической свободы человека. В случае неосторожной формы вины во всех возможных иных тяжких последстви-

ях, предусмотренных чч. 3. ст.ст. 126-127.2 УК РФ, в данном контексте, очевидно, речь идет не о доведении до самоубийства потерпевшего, а о суициде лишенного свободы человека или его близких.

5. Основным критерием отличия захвата заложника от похищения человека будет открытое удержание заложника и непосредственное предъявление требований к государству, организации или физическому лицу. Если совершается похищение человека, а в последующем его удерживают как заложника, открыто выдвигая требования с целью избежать уголовной ответственности, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 126 и 206 УК РФ.

6. Требуется дополнительное разъяснение п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. N 58 для единообразного применения примечания к ст. 126 УК РФ, в котором необходимо уточнить, возможна ли добровольность освобождения похищенного, если его физическая свобода была обусловлена достижением цели виновных в похищении человека. Вместе с тем основанием правомочности примечания к ст. 206 УК РФ представляются такие действия, которые должны быть актом собственного волеизъявления лица, захватившего заложника, направленного на подчинение требованиям органа власти освободить потерпевшего в ходе переговоров до начала силовых действий по освобождению заложника.

Список литературы

1. Чугунов А.А., Хлебницына Е.А. Особенности объективных признаков похищения человека // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. N 1. С. 119-121.
2. Скрипченко Н. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми // Уголовное право. 2020. N 2. С. 97-103.
3. Воронин В.Н. Уголовная ответственность за похищение человека // Вестник Омской юридической академии. 2017. N 3. С. 68-72.
4. Костылева О. Похищение человека (ст. 126 УК РФ): сложности толкования и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2020. N 4. С. 36-43.
5. Борков В.Н. Сложные вопросы квалификации преступлений против свободы личности // Уголовное право. 2020. N 2. С. 4-9.
6. Быкова Е.Г., Яшков С.А. К вопросу о квалификации изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера, сопряженных с похищением человека или незаконным лишением свободы // Российский следователь. 2017. N 10. С. 26-29.
7. Кибальник А. Квалификация преступлений против личной свободы в новом постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2020. N 2. С. 39-43.
8. Кауфман М. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»: обзор правовых позиций // Уголовное право. 2020. N 5. С. 70-77.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. 1536 с.
10. Гаухман Л.Д., Максимов С.В., Сауляк С.А. Об ответственности за захват заложника и похищение человека // Законность. 1994. N 10. С. 43-46.
11. Козаев Н.Ш., Боязров В.Г. Похищение человека и захват заложника: вопросы квалификации // Российский следователь. 2013. N 23. С. 14-19.
12. Дамбаев Ц.Д. Организация и тактика борьбы с похищениями людей, совершаемыми организованными преступными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 21 с.
13. Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника? // Российская юстиция. 1999. N 9. С. 42-44.
14. Хоменко А.Н. Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников: монография. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2010. 169 с.
15. Хоменко А.Н. Отличие захвата заложника от смежных составов преступлений // Правоохранительные органы: теория и практика. 2011. N 1. С. 40-46.
16. Гарбатович Д. Добровольное освобождение похищенного: позиция Верховного Суда // Уголовное право. 2020. N 2. С. 15-18.

References

1. Chugunov A.A., Khlebnitsina E.A. Features of objective signs of kidnapping. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 1, pp. 119-121. (In Russ.).

2. Skripchenko N. Explained Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of kidnapping, illegal imprisonment and human trafficking. *Criminal law*, 2020, no. 2, pp. 97-103. (In Russ.).
3. Voronin V.N. Criminal Responsibility for Kidnapping. *Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2017, no. 3, pp. 68-72. (In Russ.).
4. Kostyleva O. Kidnapping (Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation): the complexities of interpretation and legal positions of the Plenary of the Supreme Court of the Russian Federation. *Criminal law*, 2020, no. 4, pp. 36-43. (In Russ.).
5. Borkov V.N. Complex issues of the qualification of crimes against individual freedoms. *Criminal law*, 2020, no. 2, pp. 4-9. (In Russ.).
6. Bykova E.G., Yashkov S.A. To the question of the qualification of rape or sexual violence involving kidnapping or unlawful imprisonment. *Russian investigator*, 2017, no. 10, pp. 26-29. (In Russ.).
7. Kibalnik A. The qualification of crimes against personal freedom in the new ruling of the Plenary of the Supreme Court. *Criminal Law*, 2020, no. 2, pp. 39-43. (In Russ.).
8. Kaufman M. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the judicial practice in cases of kidnapping, illegal deprivation of liberty and human trafficking": the 6th review of legal positions. *Criminal law*, 2020, no. 5, pp. 70-77. (In Russ.).
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical). Moscow, Prospect Publ., 2019. 1536 p. (In Russ.).
10. Gauhman L.D., Maximov S.V., Saulyak S.A. On responsibility for hostage-taking and kidnapping of a person. *Legality*, 1994, no. 10, pp. 43-46. (In Russ.).
11. Kozaev N.S., Boyazrov V.G. Kidnapping and hostage-taking: qualification issues. *Russian investigator*, 2013, no. 23, pp. 14-19. (In Russ.).
12. Dambayev C.D. Organization and tactics against kidnappings committed by organized criminal groups. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2004. 21 p. (In Russ.).
13. Brilliantov V. Kidnapping or hostage-taking? *Russian Justice*, 1999, no. 9, pp. 42-44. (In Russ.).
14. Khomenko A.N. Criminal aspects of hostage capture and release. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 169 p. (In Russ.).
15. Khomenko A.N. The difference between hostage-taking and related crimes. *Law enforcement agencies: theory and practice*, 2011, no. 1, pp. 40-46. (In Russ.).
16. Garbatovich D. Voluntary release of the kidnapped: the position of the Supreme Court. *Criminal law*, 2020, no. 2, pp. 15-18. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовно-процессуальное обозрение

МИЩЕНКО Е.В., MISHCHENKO E.V.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,
Map_1234@mail.ru, associate professor,
Юридический факультет; Map_1234@mail.ru
Оренбургский государственный Law Faculty;
университет, Orenburg State University,
460018, г. Оренбург, просп. Победы, 13, Pobedy Ave. 13, Orenburg, 460018,
Russian Federation

КОРНАКОВА С.В., KORNAKOVA S.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
Svetlana-kornakova@yandex.ru, associate professor,
Кафедра правового обеспечения Svetlana-kornakova@yandex.ru
национальной безопасности; Chair of legal support of national security;
Байкальский государственный Baikal State University,
университет, Lenina St. 11, Irkutsk, 664003,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 Russian Federation

МИШИН В.В., MISHIN V.V.,
Spiro 94@yandex.ru, Spiro 94@yandex.ru
Заозерский гарнизонный военный суд, Zaozersk Garrison Military Court,
184310, г. Заозерск, ул. Флотская, 2, Flotskaya St. 2, Zaozersk, 184310,
Russian Federation

ОБОСНОВАННОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания положений главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в контексте обоснованности и мотивированности решений о применении установленных ею процедур. Выявлены некоторые их недостатки: во-первых, положения части 3 статьи 317.1 кодекса, наделяющие следователя полномочиями, превышающими его процессуальный статус; во-вторых, содержание досудебного соглашения о сотрудничестве, отраженное в статье 317.3, которое должно предполагать предъявление обвинения до его заключения; в-третьих, отсутствие в перечне оснований принятия судом решения о рассмотрении дела в особом порядке ходатайства обвиняемого, выражающего согласие на такой порядок. Делается вывод о том, что применение главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации представляет собой сочетание двух самостоятельных процедур: 1) согласие сторон обвинения и защиты на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и 2) обоюдное согласие сторон на применение особого порядка судебного разбирательства. Каждая из процедур, по мнению авторов, должна предполагать вынесение уполномоченным лицом самостоятельных процессуальных актов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; согласительные процедуры; досудебное соглашение о сотрудничестве; особый порядок судебного разбирательства.

Для цитирования: Мищенко Е.В., Корнакова С.В., Мишин В.В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 44-52.

VALIDITY AND MOTIVATION OF THE APPLICATION OF A SPECIAL PROCEDURE FOR MAKING A COURT DECISION WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Annotation. The article is devoted to the analysis of the content of the provisions of Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the context of the validity and motivation of the decisions concerning the application of the procedures established by it. Some of their shortcomings have been revealed by the authors of the article: firstly, the provisions of part 3 of Article 317.1 of the Code give investigator the powers exceeding his procedural status; secondly, the content of the pre-trial cooperation agreement, as reflected in Article 317.3, which should involve bringing charges before concluding the agreement; thirdly, the absence of the petition of the accused expressing his consent to such procedure in the list of the grounds for the court's decision to consider the case by using a special procedure. It is concluded that the application of Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is a combination of two independent procedures: 1) the consent of the counsels for the prosecution and the defense to conclude a pre-trial cooperation agreement; 2) the mutual consent of the parties to the application of a special procedure for a trial. According to the authors' opinion, each of the procedures should involve issuing of independent procedural acts by the authorized person.

Keywords: criminal proceedings; conciliation procedures; pre-trial cooperation agreement; special procedure for judicial proceedings.

For citation: Mishchenko E.V., Kornakova S.V., Mishin V.V. Validity and motivation of the application of a special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 44-52.

В качестве основы главы 40.1, введенной в УПК РФ в 2009 году, рассматривается идея разумного компромисса между государством в лице прокурора как представителя стороны обвинения и стороной защиты в лице обвиняемого, проявляющегося в конструктивном сотрудничестве последнего со следствием. При этом заинтересованность государства в подобном компромиссе заключается в возможности выявления и доказывания обстоятельств особо опасных для общества преступлений, что нередко затруднительно или невозможно без получения информации от соучастников таких преступлений. Без подобной информированности, по справедливому мнению ряда ученых, деятельность правоохранительных органов, несмотря на все предпринимаемые усилия, может не быть достаточно эффективной [1].

Содержание понятия «досудебное соглашение о сотрудничестве» раскрыто в ст. 5 УПК РФ — это «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» (п. 61). Из этого следует, что определяю-

щим условием заключения соглашения являются определенные обязательства, взятые на себя подозреваемым или обвиняемым, выполнение которых связано с оказанием активной помощи в раскрытии и расследовании совершенного ими преступления. При этом содействие подозреваемого или обвиняемого органам предварительного расследования, как отмечает Б.Т. Безлепкин, должно характеризоваться такими признаками, как активность, заинтересованность и добросовестность. Именно в этом, по справедливому мнению исследователя, заключается законная цель соглашения [2, с. 397]. Взамен стороне защиты гарантируется значительное снижение наказания, а также, как следствие, возможность применения особого порядка судебного разбирательства.

В юридической литературе отмечается сходство рассматриваемого института с деятельным раскаянием, предполагающим явку с повинной и содействие следствию. При этом в качестве принципиальных и существенных отличий досудебного соглашения рассматриваются:

— во-первых, его процессуальная детальность (письменное оформление с четким законодательно определенным содержанием);

– во-вторых, подробная регламентация в отдельной главе УПК РФ;

– в-третьих, цель его заключения – изобличение в преступной деятельности не только самого себя, но и иных соучастников преступления [3, с. 20].

Последний из указанных аспектов также является существенным признаком, отличающим анализируемый институт от института, предусмотренного главой 40 УПК РФ, поскольку в случае реализации обвиняемым содействия следствию лишь посредством сообщения изобличающих сведений о собственной преступной деятельности глава 40.1 УПК РФ не может быть применима.

В отличие от оснований применения главы 40 УПК РФ, представляющей собой упрощенную форму рассмотрения уголовных дел, в которых между сторонами нет спора относительно содержания и объема предъявленного обвинения, в данном случае подозреваемый или обвиняемый не просто соглашается с предъявленным ему обвинением, но и активно взаимодействует с органами предварительного следствия и правосудия. Другими словами, досудебное соглашение о сотрудничестве по определению предполагает более активный для стороны защиты и значимый для обеих сторон характер их взаимодействия.

В научных источниках имеются утверждения о необходимости объединения институтов, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ, поскольку якобы институт, предусмотренный первой из названных глав, не имеет смысла без второго, второй же, в свою очередь, не действует без первого [4, с. 62]. Обоснованность подобных суждений вызывает сомнения.

Во-первых, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением существовал, причем весьма востребованно, и до введения в УПК РФ в 2009 году института досудебного соглашения о сотрудничестве. Думается, что семилетний период существования первого института до появления второго убедительно демонстрирует несостоятельность утверждения об отсутствии смысла в его наличии в уголовно-процессуальном законе.

Во-вторых, так же несостоятельно утверждение о том, что без особого порядка

судебного разбирательства не действует институт сотрудничества со следствием. Как справедливо в связи с этим отмечают В.А. Лазарева и Ю.В. Кувалдина, отсутствие согласия заключившего соглашение о сотрудничестве и выполнившего его условия лица на такой порядок не может служить основанием для отказа в назначении в его отношении наказания по предусмотренным чч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ правилам [5, с. 137]. Необходимость именно такого подхода, по мнению указанных авторов, косвенно подтверждается содержанием п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 16, из которого следует, что при «соблюдении всех условий и выполнении всех обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве,.. при судебном разбирательстве в общем порядке суду следует назначать подсудимому наказание по правилам части 2 или части 4 статьи 62 УК РФ»*.

В связи с этим, на наш взгляд, правомерным представляется вывод о возможной самостоятельности и относительной независимости двух согласительных процедур, составляющих содержание таких институтов, как особый порядок судебного разбирательства и досудебное соглашение о сотрудничестве. Оба института могут быть применимы независимо друг от друга. В частности, если для обвиняемого (подозреваемого) мотивирующим фактором заключения соглашения о сотрудничестве является получение минимального наказания, а для стороны обвинения таким фактором является получение наиболее полной информации относительно преступных деяний, о которых ранее не было известно, то очевидно, что в случае выполнения условий соглашения обвиняемым (подозреваемым) цели обеих сторон можно считать достигнутыми вне зависимости от того, в каком порядке – общем или особом – в последующем будет осуществлено судебное разбирательство.

* О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 16 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 9.

И, наконец, исходя из того, что процедура судебного разбирательства по уголовным делам в отношении лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, должна соответствовать порядку, предусмотренному ст. 316 УПК РФ, именно данная процедура уже объединяет оба рассматриваемых института, поэтому вести речь о необходимости их объединения нелогично.

Изложенным подтверждается правомерность разделяемой нами позиции ученых, согласно которой при применении главы 40.1 УПК РФ необходимо строго разграничивать два самостоятельных процессуальных акта, первый из которых должен отражать решение о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а второй — решение о применении особого порядка судебного разбирательства [5, с. 137; 6, с. 1030].

В связи с этим представляется необходимым проанализировать основания, при наличии которых процессуальное решение о применении указанных процедур будет являться обоснованным и мотивированным.

Безусловно, обвиняемый (подозреваемый) располагает исключительным правом заявления ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве, тем не менее право принятия решения по этому поводу законом предоставлено прокурору. Следует подчеркнуть при этом, что обоснованным и мотивированным соответствующее решение прокурора будет лишь в случае наличия определенных данных, которые могут служить достаточным основанием для принятия этого решения. К таковым, по справедливому мнению некоторых авторов, относятся следующие:

1) убеждение в том, что иным способом реализовать цели уголовного судопроизводства сложно или невозможно;

2) положительная оценка реальности намерений обвиняемого (подозреваемого) по оказанию содействия правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступления;

3) уступки, на которые должна пойти сторона обвинения в результате сотрудничества с обвиняемым (подозреваемым), не должны искажать сути правосудия [7, с. 59].

Следует отметить, что учеными подвергаются справедливой, на наш взгляд, критике положения ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ в части наделения следователя превышающими его процессуальный статус полномочиями. Так, не должна вызывать сомнений правомерность утверждения ученых по поводу того, что если заключение рассматриваемого соглашения для обвиняемого является правом, полностью зависящим от его волеизъявления, то для следователя это должно быть обязанностью. При этом к недостаткам регулирования механизма реализации этой обязанности учеными относится то обстоятельство, что законом не предусмотрены четкие основания для того, чтобы отказ следователя в удовлетворении ходатайства носил законный характер [8, с. 11; 9, с. 71]. Более того, для такого отказа, в отличие от положительного решения, не требуется его предварительного согласования с вышестоящим лицом — руководителем следственного органа.

Между тем, исходя из соображений здравого смысла, базирующихся на посылке о том, что именно прокурор является главой обвинительной власти и только его функции, будучи сквозными, осуществляются на всех стадиях судопроизводства, многие исследователи настаивают на том, что именно прокурор должен быть наделен исключительным правом определения стратегии по достижению целей правосудия, в том числе и по поводу взаимодействия в этом отношении со стороной защиты при заключении соглашения о сотрудничестве.

В связи с этим позиция законодателя, которым при конструировании рассматриваемого института следователь наделен правом отказа в удовлетворении ходатайства стороны защиты о заключении соглашения о сотрудничестве, расценивается как явно нелогичная, поскольку наличие такого права у следователя, по сути, является присвоением полномочий стоящего выше в иерархии обвинительной власти лица [5, с. 131]. Если законом прокурор определен как единственный властный субъект уголовного судопроизводства, имеющий право заключать соглашение о сотрудничестве, то только он и должен рассматривать и удовлетворять (или не удовлетворять) соответствующее

ходатайство. Задачей же следователя является определение процессуальной ценности информации, предоставление которой намеревается осуществить подозреваемый (обвиняемый), а также общей перспективности сотрудничества с этим лицом, что должно найти отражение в его постановлении. По этой причине следователь должен быть наделен правом выразить в мотивированном постановлении согласованную с руководителем следственного органа позицию о возможности (или невозможности) заключения соглашения, которое в любом случае вместе с ходатайством обвиняемого (подозреваемого) в установленный законом срок должно быть направлено прокурору.

Отметим, что именно такой порядок регулирования отношений, возникающих в связи с реализацией рассматриваемого института, избран в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан. В частности, следователю, в производстве которого находится уголовное дело, при получении ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве предписывается в течение суток (а не трех, как это имеет место в УПК РФ) направить его прокурору (ч. 3 ст. 619 УПК Республики Казахстан)*. Представляется, что ч. 3 ст. 317.1 российского уголовно-процессуального закона следует подвергнуть соответствующей корректировке.

Кроме этого, как отмечает А.В. Попова, причина отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на практике наиболее часто объясняется отсутствием конкретики в обосновывающих ходатайство обвиняемого доводах [10, с. 65]. Между тем законом не предусматривается такая обязанность обвиняемого или подозреваемого, как приведение именно в ходатайстве конкретных сведений, благодаря которым может быть оказано содействие расследованию. Более того, как подчеркивается учеными, такие данные являются предметом отнюдь не ходатайства, а собственно соглашения, и значением первого

из них является лишь выражение воли и готовности стороны защиты к соглашению, до заключения которого у следователя не может быть права требовать от стороны защиты предоставления исчерпывающих данных [11, с. 9].

Таким образом, основанием для принятия решения о возможности применения рассматриваемой согласительной процедуры – возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве – является обусловленное утилитарными соображениями взаимное согласие на это обеих сторон уголовного судопроизводства. И если для стороны защиты такими соображениями выступают личные интересы, то для стороны обвинения – интересы публичные, поскольку для удовлетворения ходатайства, в первую очередь, имеет значение целесообразность сотрудничества с обвиняемым (подозреваемым).

Следует также напомнить, что, как любое соглашение, досудебное соглашение о сотрудничестве по определению не может быть результатом волеизъявления лишь одной стороны уголовного судопроизводства. Отсутствие публичного интереса в заключении соглашения для стороны обвинения способно полностью нивелировать волеизъявление обвиняемого (подозреваемого).

Важно отметить, что уже на момент заключения досудебного соглашения сам факт совершения преступления лицом, выразившим согласие на заключение такого соглашения, должен быть несомненным, то есть подтвержденным совокупностью доказательств. В связи с этим авторами статьи разделяется точка зрения ученых, считающих, что если возможность заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не должна зависеть от статуса заявителя, будь то обвиняемый или подозреваемый, то заключению самого соглашения должно предшествовать предъявление обвинения, предполагающее однозначное отношение к нему со стороны защиты, выражающееся не только в согласии с ним, но и в даче признательных показаний. По справедливому мнению Г.В. Абшилавы, именно предъявление обвинения должно служить правовой основой заключения соглашения о сотрудничестве [12, с. 14-18].

* Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. N 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 25.05.2020 г.) // Информационная система «Параграф»: сайт. URL: <https://online.zakon.kz>

Кроме этого, учеными отмечается, что в отличие от условий применения главы 40 УПК РФ, согласно которым обвиняемый в полной мере осведомлен о содержании предъявленного ему обвинения, при применении главы 40.1 УПК РФ ситуация иная. В частности, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не предполагает со стороны обвинения (в лице следователя или прокурора) такой обязанности, как ознакомление обвиняемого (подозреваемого) со всеми доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела. Подобное положение А.В. Смирнов точно оценивает как «ситуацию легенды», проявляющуюся в формировании у обвиняемого (подозреваемого) преувеличенного представления о доказательственной базе обвинения, в действительности, может быть, и отсутствующей [8, с. 12]. Как следствие, предполагая наличие против него серьезных изобличающих доказательств, обвиняемый (подозреваемый) выражает согласие на сотрудничество, которого при иных обстоятельствах, возможно, и не было бы.

Следует отметить также наличие в научных источниках критических высказываний по поводу отраженного в ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ содержания соглашения о сотрудничестве, справедливость которых не вызывает сомнения. В частности, Б.Т. Безлепкин полагает необходимым исключить из указанной нормы пункты 4 и 5, поскольку описание в соглашении предусмотренных нормой обстоятельств может быть, во-первых, невозможным, в случае заключения соглашения на начальных этапах производства по делу, и, во-вторых, излишним [2, с. 399]. Суть соглашения о сотрудничестве определяется отнюдь не данными обстоятельствами, а потенциальными намерениями обвиняемого (подозреваемого) и готовностью к активному сотрудничеству со следствием.

На наш взгляд, заключение соглашения о сотрудничестве только после предъявления обвинения в большей мере соответствовало бы требованиям уголовно-процессуального закона, предъявляемым к содержанию соглашения. В частности, п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ предписывает отражать в соглашении «описание преступления с указанием времени, места его

совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ», которые по сути представляют собой не что иное, как существо обвинения, а содержание п. 5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, в свою очередь, – не что иное, как формулу обвинения.

Думается, что предписываемое законодательством содержание досудебного соглашения о сотрудничестве, отраженное в комментируемой норме, было бы оправданным лишь в том случае, если бы предполагалось предъявление обвинения до заключения соглашения. Именно подобный способ регламентации возникающих в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве отношений позволил бы лишиться оснований критические оценки его содержания.

Действия уполномоченных лиц после заключения досудебного соглашения и выполнения его условий регламентируются ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, согласно которой прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело, а также материалы, подтверждающие соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных соглашением, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу.

Статья 317.6 УПК РФ, в свою очередь, закрепляет основания применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно ч. 1 указанной нормы одним из таких оснований является уголовное дело, поступившее в суд с представлением прокурора, указанным в ст. 317.5 УПК РФ. При этом очевидно, что основанием принятия судом решения о рассмотрении дела в особом порядке является не само уголовное дело и представление прокурора, а их содержание. Верховным Судом Российской Федерации конкретизированы требования, которым должен соответствовать перечень входящих в содержание уголовного

дела материалов. Исходя из предписаний суда высшей инстанции (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 16) в обязательном порядке суд должен удостовериться в наличии в материалах уголовного дела следующих документов:

1) ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с обвиняемым (подозреваемым) данного соглашения;

3) постановления прокурора об удовлетворении данного ходатайства;

4) соглашения о сотрудничестве;

5) документально подтвержденного факта вручения стороне защиты копии представления прокурора об особом порядке судебного разбирательства и вынесения судебного решения.

Вызывает недоумение отсутствие в представленном перечне ходатайства обвиняемого, выражающего согласие на особый порядок судебного разбирательства. Закономерной предпосылкой данного вопроса является установленное законодателем требование об учете волеизъявления лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, на такой порядок. Исходя из предложенного Верховным Судом Российской Федерации перечня, может сложиться впечатление, что выбор порядка судебного разбирательства зависит исключительно от волеизъявления прокурора. Между тем представляется, что без учета воли обвиняемого такое решение принято быть не может. Только сам обвиняемый (но не прокурор посредством вынесения представления, подтверждающего факт выполнения обвиняемым условий соглашения) может принять решение об отказе от полноценного судебного следствия. При этом дополнение в 2016 году ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ условием об обязательности согласия обвиняемого с предъявленным обвинением, на наш взгляд, имело своей целью приведение в соответствие оснований применения особого порядка судебного разбирательства, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ. Однако отраженное в материалах уголовного дела согласие лица, выполнившего условия до-

судебного соглашения, с предъявленным ему обвинением — это далеко не то же самое, что его согласие на особый порядок судебного разбирательства. Как уже отмечалось, без ходатайства лица о рассмотрении его дела в особом порядке немислима сама постановка вопроса о его применении. Тем не менее и в уголовно-процессуальном законе, и в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации отсутствует упоминание о таком ходатайстве в перечне документов, необходимых для применения предусмотренной ст. 317.7 УПК РФ процедуры. Отсутствие в законе при применении главы 40.1 УПК РФ такого положения, как необходимость получения согласия обвиняемого на особый порядок рассмотрения его уголовного дела, является существенным упущением законодателя, требующим восполнения.

Вместе с тем в рассуждении Ю.В. Кувалдиной, утверждающей, что основанием или причиной, по которой дело может быть рассмотрено в особом порядке, как при применении главы 40 УПК РФ, так и при применении главы 40.1 УПК РФ, следует считать только волеизъявление обвиняемого, выраженное в его ходатайстве, а все иные указанные в главе 40 УПК РФ обстоятельства необходимо рассматривать лишь в качестве условий применения особого порядка [13, с. 129-131], на наш взгляд, содержится внутреннее противоречие. В частности, если исходить из того, что под причиной понимается то, что с необходимостью и неизбежностью порождает что-либо, становится очевидным, что для применения особого порядка волеизъявление обвиняемого единственно необходимым основанием являться не может уже потому, что понятие «основание» в ст. 317.6 УПК РФ употреблено законодателем во множественном числе.

Так, согласно п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ одним из необходимых оснований применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение, является подтверждение государственным обвинителем того, что «активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления» имело место. Повторим, что

любое соглашение представляет собой согласование не менее двух волей, поэтому, несмотря на то, что инициация рассмотрения уголовного дела в особом порядке, безусловно, принадлежит обвиняемому, но она должна быть согласована прокурором, а окончательное решение вопроса о возможности реализации такого порядка – прерогатива суда.

Также вызывает возражения содержание ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ, закрепляющей основания для особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения. Представляется, что исходя из временной последовательности процедур, предусмотренных главой 40.1 УПК РФ, в первую очередь суд должен удостовериться в добровольности заключения подсудимым досудебного соглашения о сотрудничестве и участии при этом защитника (п. 2 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ), и лишь затем в подтверждении выполнения его условий государственным обвинителем (п. 1 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ). Поскольку при установлении недобровольности заключения соглашения вообще утрачивает смысл выяснение выполнения его условий, постольку представляется необходимым изменение очередности подлежащих удостоверению судом оснований в указанной норме.

Кроме того, в связи с тем, что рассмотрение уголовного дела в особом порядке не предполагает исследование доказательств и судья должен удостовериться в обоснованности обвинения до назначения судебного заседания, считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ пунктом третьим следующего содержания:

«3) обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу».

Значимость убеждения суда в наличии данного основания для принятия решения о рассмотрении дела в особом порядке подтверждается позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которым в этом отношении указано, что «суд постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, только если придет к выводу, что обви-

нение, с которым согласился подсудимый, является обоснованным и подтверждается доказательствами, собранными по делу» (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 16).

Следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. N 19 впервые отражено положение, согласно которому «по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства (гл.гл. 40, 40.1 УПК РФ), наряду с доводами жалобы, представления, проверке подлежит соблюдение судом требований ч. 7 ст. 316 УПК РФ» (п. 18)*.

Таким образом, применение главы 40.1 УПК РФ представляет собой сочетание двух согласительных процедур: во-первых, согласия сторон обвинения и защиты на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и, во-вторых, обоюдного согласия сторон на применение особого порядка судебного разбирательства. Каждая из этих процедур предполагает вынесение уполномоченным должностным лицом самостоятельных процессуальных актов. В первом случае – это постановление прокурора об удовлетворении ходатайства (п. 1 ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ), во втором – представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания в случае соблюдения обвиняемым условий и выполнения обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ).

Думается, что учет высказанных рекомендаций будет способствовать тому, чтобы требованиям обоснованности и мотивированности в должной мере отвечали как указанные процессуальные акты, так и решение суда о наличии оснований для применения особого порядка судебного разбирательства в порядке главы 40.1 УПК РФ.

* О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. N 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. N 9.

Список литературы

1. Пурс А.Г., Иванов С.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: перспективы совершенствования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. N 5. URL: <http://izvestia.bgu.ru>
2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 576 с.
3. Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2013. 27 с.
4. Погодин С.Б. Некоторые актуальные проблемы применения особого порядка судебного разбирательства в состязательном уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. N 9. С. 61-64.
5. Лазарева В.А., Кувалдина Ю.В. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Библиотека криминалиста. 2014. N 6 (17). С. 129-141.
6. Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого (подозреваемого) как уголовно-процессуальная категория // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. N 6. С. 1025-1034.
7. Колесник В.В. Основание, условия, порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым // Наука. Мысль. 2015. N 10. С. 58-79. URL: <http://wwenews.esrae.ru>
8. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. N 10. С. 5-14.
9. Редькина Е.А. Некоторые проблемы уголовно-процессуальной регламентации института досудебного соглашения о сотрудничестве // Всероссийский криминологический журнал. 2010. N 1. С. 69-74.
10. Попова А.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: полномочия прокурора и судебный контроль // Уголовный процесс. 2017. N 7. С. 62-67.
11. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. N 8 (56). С. 3-11.
12. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2012. 56 с.
13. Кувалдина Ю.В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. М.: РУСАЙНС, 2014. 251 с.

References

1. Purs A.G., Ivanov S.V. Pre-trial agreement on cooperation: prospects for improvement. Bulletin of the Irkutsk State Economic Academy, 2014, no. 5. Available at: <http://izvestia.bgu.ru> (In Russ.).
2. Bezlepkin B.T. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). Moscow, Prospekt Publ., 2016. 576 p. (In Russ.).
3. Kostenko N.S. Pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings: legal and organizational issues of conclusion and implementation. Autoabstract Cand. Diss. Volgograd, 2013. 27 p. (In Russ.).
4. Pogodin S.B. Some actual problems of application of a special procedure of judicial proceedings in adversarial criminal proceedings. Russian justice, 2009, no. 9, pp. 61-64. (In Russ.).
5. Lazareva V.A., Kuvaldina Yu.V. Application of the Institute of Pre-trial Cooperation Agreement in the Light of the Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The forensic library, 2014, no. 6 (17), pp. 129-141. (In Russ.).
6. Artamonova E.A. Expression of the will of the accused (suspect) as a criminal procedure category. All-Russian criminological journal, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 1025-1034. (In Russ.).
7. Kolesnik V.V. The basis, conditions, and procedure for concluding a pre-trial agreement on cooperation with a suspect or accused. The science. Think, 2015, no. 10, pp. 58-79. Available at: <http://wwenews.esrae.ru> (In Russ.).
8. Smirnov A.V. Special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement. Criminal proceedings, 2009, no. 10, pp. 5-14. (In Russ.).
9. Red'kina E.A. Some problems of the criminal procedure regulation of the institute of pre-trial cooperation agreement. All-Russian criminological journal, 2010, no. 1, pp. 69-74. (In Russ.).
10. Popova A.V. Pre-trial cooperation agreement: powers of the prosecutor and judicial control Criminal proceedings, 2017, no. 7, pp. 62-67. (In Russ.).
11. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Agreement on pre-trial cooperation with the investigation: the legal essence and issues of interpretation of the norms included in Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Criminal proceedings, 2009, no. 8 (56), pp. 3-11. (In Russ.).
12. Abshilava G.V. Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation: Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2012. 56 p. (In Russ.).
13. Kuvaldina Yu.V. Compromise as a way of resolving criminal legal conflicts in Russia. Moscow, RUSAYNS Publ., 2014. 251 p. (In Russ.).

МЕЛЬНИКОВА О.А., olstarce@yandex.ru Кафедра организации охраны общественного порядка; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	MELNIKOVA O.A., olstarce@yandex.ru Chair of public order maintenance; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
ЧЕРНОВА С.С., кандидат юридических наук, chernovaswetlana@mail.ru Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	CHERNOVA S.S., Candidate of Legal Sciences, chernovaswetlana@mail.ru Research and editorial and publishing department; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ПОЛУЧЕНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Аннотация. В статье на основе проведенного теоретического анализа с учетом существующей правоприменительной (в том числе судебной) практики выявлены недостатки законодательной регламентации получения объяснения, влекущие нарушение прав опрашиваемых лиц, а также препятствующие дальнейшему использованию полученных сведений в качестве доказательств по уголовному делу. Авторы приходят к выводу о том, что процессуальный порядок получения объяснения должен соответствовать порядку производства допроса, за исключением распространения на него положений статей 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также возможности применения принуждения. В статье приведены предложения по изменению действующего законодательства, даны рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики. Определены направления для дальнейшего изучения вопросов, связанных с получением объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении; получение объяснений; процессуальное действие; протокол объяснений; опрашиваемое лицо.

Для цитирования: Мельникова О.А., Чернова С.С. Получение объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении: проблемы правовой регламентации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 53-64.

OBTAINING EXPLANATIONS DURING THE VERIFICATION OF A CRIME REPORT: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. On the basis of the conducted theoretical analysis, taking into account the existing law enforcement practice, as well as the judicial one, the shortcomings of the legislative regulation of obtaining explanations are revealed in the article. These shortcomings involve the violation of the rights of the interviewed persons and prevent the further use of the obtained information as evidence in a criminal case. The authors come to the conclusion that the procedure for obtaining an explanation should correspond to the procedure for conducting an interrogation, except applying the provisions of Articles 307 and 308 of the Criminal Code of the Russian Federation to it, as well as the possibility of using coercion. The proposals for changing the current legislation are presented in the article. The recommendations for improving law enforcement practice are formulated. Directions for the further study of the issues related to obtaining explanations during the verification of a crime report are identified.

Keywords: verification of crime report; receiving explanations; procedural action; explanation protocol; person being interviewed.

For citation: Melnikova O.A., Chernova S.S. Obtaining explanations during the verification of a crime report: problems of legal regulation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 53-64.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* закрепил полномочие должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, на получение объяснений. При этом законодательство не регламентирует процессуальный порядок их получения**.

Г.С. Иванов отмечает, что и в период отсутствия процессуального закрепления (с 1 июля 2002 г. по 4 марта 2013 г.) «следователи и дознаватели получение объяснений широко использовали в доказательственной деятельности первоначального этапа уголовного процесса». Автор приводит данные исследователей за 2008 год, в соответствии с которыми «при проверке сообщений о преступлениях объяснения от заявителей и очевидцев были получены в 89,2 % случаев» [1, с. 66].

Аналогичные данные приведены и в работах других ученых-процессуалистов. Например, О.П. Копылова пишет, что получение объяснений составляет 86 % от всех проверочных действий [2, с. 47]. В.В. Артемова указывает, что объяснения были получены в 76 % случаев проверки сообщений о преступлениях, следствием которых стало принятие решения о возбуждении уголовного дела, и в 98 % случаев, по которым впоследствии принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела*** [3, с. 76]. Н.В. Кривошеков также отмечает, что объяснение является «самым распространенным

способом проверки первичной информации, который встречается в подавляющем большинстве материалов» [4, с. 11].

Следствием указанного законодательного пробела стала неоднозначная правоприменительная практика. Например, В.Ю. Стельмах установил, что в некоторых районах Тюменской области при получении объяснения опрашиваемое лицо предупреждают об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ (дача заведомо ложных показаний) и по ст. 308 УК РФ (отказ от дачи показаний) [5, с. 151]. Н.В. Кривошеков также указывает на данное обстоятельство, подчеркивая его противоречие действующему законодательству [4, с. 14]. В Челябинской и Тюменской областях правоприменители в качестве одного из способов получения объяснений используют «перекрестный опрос, представляющий собой попеременное получение объяснений двух лиц» [5, с. 153].

С.И. Давыдов и А.П. Пинчук указывают, что «в силу отсутствия процессуального статуса у опрашиваемого лица» оно не может быть принудительно доставлено для дачи объяснения. Как следствие, «85 % следователей связываются с гражданами по телефону и упрощают их явиться для дачи объяснений» или «выискивают подлежащих допросу лиц и берут объяснение по месту их нахождения» [6, с. 100].

Необходимо отметить, что попытка урегулировать порядок получения объяснения на законодательном уровне все-таки была предпринята. Так, одновременно с закреплением в УПК РФ полномочия должностных лиц на получение объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении ст. 144 УПК РФ была дополнена ч. 1.1, регламентирующей ряд процессуальных прав участников данного процессуального действия:

- 1) не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников;
- 2) пользоваться услугами адвоката;
- 3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, ор-

* Рос. газ. 2013. 6 марта.

** Данное процессуальное действие не является новеллой отечественного законодательства. Согласно УПК РСФСР 1960 года получение объяснения и истребование необходимых материалов являлись основными способами проверки «по поступившим заявлениям и сообщениям». Примечательно, что в УПК РСФСР (действовавшем в течение четырех десятилетий) процессуальный порядок получения объяснения закреплен не был.

*** В статье не приведены сведения относительно периода сбора эмпирического материала.

гана дознания, следователя, руководителя следственного органа;

4) сохранить в тайне данные о личности (использовать псевдоним) в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ*.

Наряду с предоставляемыми правами на опрашиваемое лицо может быть возложена обязанность о неразглашении данных досудебного производства (в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ).

Изменения, внесенные в законодательство, частично определили процессуальный порядок получения объяснения, однако оставили большинство вопросов неразрешенными, и это вызвало возобновление дискуссии среди ученых-процессуалистов.

Во-первых, в действующей редакции УПК РФ не содержится дефиниция этого действия. Кроме того, термин «объяснение» используется не только в ст. 144 УПК РФ, но и в иных статьях, причем в разных значениях. Например, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе при назначении и производстве судебной экспертизы давать объяснения эксперту. В части 2 ст. 167 УПК РФ указано, что «лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол».

Л.А. Кулий и А.А. Сухацкий отмечают, что объяснения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, необходимо отличать от объяснений, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности или при проведении исследования (экспертом, специалистом) [7, с. 86].

О.В. Колесникова, рассматривая аналогичную проблему использования в УПК Республики Беларусь** в разных значениях термина «объяснение», приходит к выводу о том, что «это не может быть при-

знано правильным в тексте нормативного правового акта» [8, с. 309]. Например, в п. 5 ч. 1 ст. 229 УПК Республики Беларусь закрепляется право участников уголовного судопроизводства давать объяснения при назначении и производстве экспертизы. В части 1 ст. 236 УПК Республики Беларусь уже говорится о том, что в заключении эксперта должно быть указано, «кто присутствовал при производстве экспертизы и какие давал пояснения». Не вызывает сомнений, что в данном случае понятия используются в одном значении. Автор предлагает путем внесения изменений в УПК Республики Беларусь разделить термины «объяснение» и «пояснение» [8, с. 310].

Вместе с тем О.В. Колесникова, обращаясь к значению рассматриваемых терминов, пишет следующее: «объяснение толкуется как разъяснение, помогающее понять что-нибудь, в котором возникает необходимость при наличии чего-то непонятого или неизвестного; разъяснение означает внесение ясности во что-либо; пояснение трактуют как поясняющее замечание, объяснение. Очевидно, что эти понятия являются синонимами» [8, с. 309].

В.Ю. Стельмах считает подобный подход нецелесообразным, поскольку «для специалистов в области права, осуществляющих профессиональное толкование нормативных положений, не должно представлять какой-либо сложности применение того или иного термина в его отраслевом понимании». В обоснование своих суждений автор приводит ряд терминов, используемых в различных отраслях права. Например, термином «арест» обозначается уголовное и административное наказание, термин «задержание» — мера уголовно-процессуального принуждения и мера административно-правового принуждения. По мнению В.Ю. Стельмаха, «использование одинаковых наименований для сходных по содержанию действий является правильным, поскольку избавляет от необходимости искусственно создавать новые наименования» [5, с. 149].

На данном этапе исследования понятийного аппарата, используемого в УПК РФ, более обоснованными представляются суждения О.В. Колесниковой о необходимости разделить термины «объяснение» и «пояснение», «разъяснение» [8, с. 310].

* О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ.

** Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by>

В поддержку данной точки зрения приведем следующие аргументы:

— объем предоставляемой в объяснении информации, как правило, больше, чем в пояснении («пояснение представляет собой комментарий к уже сказанному или касается частных» [8, с. 309]);

— процессуальный порядок оформления объяснения отличается от процессуального порядка фиксации пояснений, разъяснений;

— круг адресатов предоставляемой информации при даче пояснений, разъяснений шире (например, в соответствии со ст. 267 УПК РФ судья разъясняет права подсудимому), чем при получении объяснения.

Вместе с тем данный вопрос нуждается в дополнительном изучении, в его основу должен быть положен сравнительный анализ всех статей УПК РФ, в которых используются термины «объяснение», «пояснение», «разъяснение» и иные схожие по смыслу термины.

Что касается самого термина «объяснение», то следует обратиться к работам ученых-процессуалистов, определения которых представляют интерес и являются предметом научной дискуссии. С точки зрения А.А. Попова, объяснение — это «имеющие значение для уголовного производства сведения, сообщенные заявителем, пострадавшим, очевидцем либо иным лицом в ходе опроса при проверке сообщения о преступлении» [9, с. 9].

С.И. Давыдов и А.П. Пинчук дают следующее определение: «получение объяснений (опрос) — это процессуальное проверочное действие, проводимое руководителем следственного органа, следователем, дознавателем, органом дознания (оперуполномоченным) до возбуждения уголовного дела и заключающееся в получении устных сведений от граждан — участников проверки сообщения о преступлении в целях установления фактических обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела» [6, с. 97].

Т.П. Сазонова предлагает дополнить ст. 5 УПК РФ следующим вариантом определения: «получение объяснения — процессуальное действие, заключающееся в получении устных сведений от граждан

и организаций с их согласия органами дознания, следователем, дознавателем для установления фактических обстоятельств при проверке сообщений о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела» [10, с. 73].

А.М. Косенко трактует объяснение как «проверочное действие, заключающееся в интервьюировании опрашиваемого лица с целью получения сведений, касающихся предмета проверки сообщения о преступлении» [11, с. 75].

Высоко оценивая вклад указанных ученых-процессуалистов в формулирование определения понятия «объяснения», нельзя согласиться ни с одним из них по следующим причинам:

1. Указание на возможность получения объяснения только до возбуждения уголовного дела является неверным.

Например, из определения судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда следует, что явка с повинной и объяснение получены оперативным работником от А. в ходе проведения мероприятий по проверке сообщения о смерти Г., то есть до возбуждения уголовного дела. Кроме того, в определении указано, что оперуполномоченный Ф. принял объяснение у А., оперуполномоченный К. составил протокол явки с повинной, следователь Следственного комитета Российской Федерации также принимала объяснение у А. Процессуальная стадия, на которой следователем было повторно получено объяснение от А., в определении не указана*.

В определении Верховного Суда Российской Федерации отмечено, что «объяснения несовершеннолетними Щ. и Б. даны в ходе предварительного следствия»**. При этом получение объяснений на стадии предварительного расследования, а не проведение допроса в суде не оспаривалось и сомнений в законности не вызвало.

* Определение судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 22 янв. 2013 г. по делу N 22-229/2013 // Правосудие: ГАС РФ. URL: <https://sudrf.ru>

** Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 г. по делу N 81-011-49 // Там же.

Необходимость получения объяснения может возникнуть не только после принятия органом дознания явки с повинной, но и в ситуации, когда следователю, дознавателю без получения объяснения невозможно определить статус лица, подлежащего допросу (отличие в процессуальных правах и обязанностях разных участников уголовного судопроизводства).

Например, В.Ю. Стельмах, подчеркивая, что объяснения могут быть получены не только на стадии возбуждения уголовного дела, выделяет ряд ситуаций, при которых проводится указанное процессуальное действие:

1) «объяснения могут быть получены в ходе предварительного расследования должностными лицами, не имеющими полномочий на производство следственных действий» (например, сотрудниками оперативных подразделений, установившими в ходе выполнения поручения следователя лицо, обладающее сведениями по уголовному делу);

2) объяснения получают по приостановленному уголовному делу, для фиксации сведений, являющихся основанием для возобновления производства (например, информация лечащего врача о выздоровлении обвиняемого);

3) «объяснения могут получаться в рамках проверки, проводимой для установления новых или вновь открывшихся обстоятельств, указанных в ст. 413 УПК РФ» [5, с. 155-156].

Следовательно, утверждение о том, что объяснение не используется на других стадиях уголовного процесса, а возможно только на стадии возбуждения уголовного дела [6, с. 97], не соответствует сложившейся (по нашему мнению, правомерно) правоохранительной практике.

В обоснование своих суждений также приведем следующее высказывание Н.В. Кривошекова: «Суть получения объяснения, как и производства допроса, — в получении информации от лица, которое непосредственно участвовало в расследуемом событии либо которому известны обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу» [4, с. 12].

2. Ограничение круга субъектов, наделенных правом получить объяснение, и необоснованное расширение круга лиц,

у которых может быть отобрано (получено) объяснение, представляется неверным.

Так, Т.П. Сазонова в качестве лиц, наделенных правом получения объяснения, указывает органы дознания, следователя, дознавателя, а в качестве субъектов предоставления сведений — граждан и организации [10, с. 73].

С.И. Давыдов и А.П. Пинчук, критикуя подобный подход, отмечают следующее:

— в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ одним из субъектов, наделенных правом получать объяснение, является руководитель следственного органа;

— «организация быть опрошена не может, логичнее говорить о представителе организации, который подпадает под категорию “гражданин”» [6, с. 97].

В качестве лиц — получателей объяснения авторы выделяют руководителя следственного органа, следователя, дознавателя, орган дознания (оперуполномоченного) [6, с. 97].

По нашему мнению, указание в качестве органа дознания лишь оперуполномоченного противоречит действующему законодательству. Например, п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ регламентирует право начальника органа дознания не только поручать проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения, но и возможность самостоятельно (лично) рассматривать сообщения о преступлении и участвовать в их проверке [см. об этом подробнее: 12, с. 10].

При этом внимание правоприменителей необходимо обратить на то обстоятельство, что одно и то же лицо не может совмещать две взаимоисключающие уголовно-процессуальные функции. Например, должностное лицо, осуществляющее уголовно-процессуальную деятельность и ставшее в ходе ее осуществления очевидцем события, не может проигнорировать это обстоятельство и продолжить деятельность, направленную на получение объяснений от других очевидцев, пострадавших и иных лиц. В подобной ситуации Т.П. Сазонова видит нарушение требований п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ [10, с. 72].

Представляет интерес высказывание Н.В. Кривошекова о том, что интересующими субъекта расследования сведениями может обладать широкий круг лиц (заявитель, очевидцы, пострадавший, специалист

и т.д.), не определенный законодателем, которых автор подразделяет в зависимости от отношения к фактам:

1) «заявители, в том числе заявители-пострадавшие;

2) лица, имеющие какое-либо отношение к интересующим фактам, но не совершившие преступление;

3) лица, которые, по имеющимся сведениям, могли совершить или совершили преступление;

4) лица, которые могут сообщить некоторые сведения, имеющие значение для проверяющего, но не располагающие данными о преступных фактах, по поводу которых ведется проверка;

5) должностные лица, в обязанности которых входил контроль за деятельностью лиц, в отношении которых ведется проверка» [4, с. 13].

А.М. Косенко отмечает, что «объяснение необходимо получить у заявителя, пострадавшего, если он не является заявителем, очевидца, лиц, в отношении которых проводится проверка, и у иных лиц (например, обладающих специальными познаниями)» [11, с. 75].

В.Ю. Стельмах, проводя аналогию с допросом, считает, что «получение объяснений допускается у любых лиц независимо от возраста, национальности, состояния здоровья и подобных фактов»* [5, с. 148].

Схожую позицию по данному вопросу занимает В.В. Артемова, указывая, что «объяснение может быть получено от любого лица, обладающего сведениями» (например, наиболее часто объяснения получают у заявителей, очевидцев) [3, с. 77].

Соглашаясь с позицией указанных авторов о широком круге лиц, у которых может быть получено объяснение, считаем нецелесообразным предложение Г.С. Иванова о закреплении их состава в УПК РФ [1, с. 67]. Очевидно, что указанный круг подлежит расширительному толкованию и может изменяться в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

3. Указание на устную форму получения сведений является неверным. В обоснование

* О.В. Колесникова, анализируя уголовно-процессуальные нормы Республики Беларусь, также указывает, что «орган уголовного преследования вправе вызвать любое лицо для проведения процессуальных действий» [13, с. 34].

своего суждения приведем мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу.

Например, Н.В. Кривошеков, рассматривая алгоритм получения объяснения, указывает на то, что в протоколе объяснения должна быть сделана запись о правильности фиксации сведений или отметка, что объяснение написано собственноручно [4, с. 15].

И.А. Зинченко и А.А. Попов, анализируя положения ст.ст. 76-80 УПК РФ, приходят к выводу: «...дефиниция показаний (сведения, сообщенные на допросе) вполне допускает существование показаний в любой форме» [14, с. 313]. Авторы выделяют несколько ситуаций, при которых письменное изложение лицом сведений им видится предпочтительнее устной формы получения информации:

1) лицо не может разговаривать (лишено речевой деятельности временно или постоянно);

2) лицо заранее подготовило письменные ответы на вопросы (осведомлено, по какому уголовному делу оно вызвано, о своем процессуальном статусе и т.п.).

И.А. Зинченко и А.А. Попов приводят пример того, как один из них, вызванный для дачи показаний, обратился к следователю с ходатайством «изложить собственноручно ответы на вопросы и сделал это столь конкретно и точно, что у следователя не возникло желания задавать уточняющие вопросы». Также авторы приводят пример по делу С., который «от дачи устных показаний отказался, заявив, что все известные ему обстоятельства изложены в письменных материалах, представленных им следователю» [14, с. 319].

Таким образом, представляются допустимыми как дача устных объяснений с фиксацией их в письменном виде должностным лицом, так и собственноручное написание объяснения лицом (заявителем, пострадавшим, очевидцем и т.д.)**.

Кроме того, по мнению А.Л. Карлова, при формулировании дефиниции термина «объяснение» необходимо определить «место рассматриваемого средства про-

** О.В. Колесникова применительно к уголовному процессу Республики Беларусь также указывает, что «объяснение может быть написано собственноручно или записано опрашиваемым лицом» [13, с. 36].

верки в системе уголовно-процессуальных мер» [15, с. 150].

В.Ю. Стельмах отмечает, что получение объяснения является проверочным действием в узком смысле слова и уголовно-процессуальным действием в широком смысле слова [5, с. 148-149].

А.Л. Карлов также приходит к заключению, что объяснение можно отнести к процессуальному действию [15, с. 150].

Н.В. Кривошеков, ссылаясь на положения ст. 144 УПК РФ, относит получение объяснений к процессуальным действиям [4, с. 10].

С.И. Давыдов и А.П. Пинчук в одном определении совмещают и узкое, и широкое значение термина «объяснение», называя его «процессуальным проверочным действием» [6, с. 97].

Рассмотрев суждения отдельных ученых по данной проблематике, а также изучив практические примеры получения объяснения, следует сделать промежуточный вывод о том, что получение объяснения — это процессуальное действие, заключающееся в получении устных или письменных сведений, имеющих значение для уголовного судопроизводства.

Вместе с тем полагаем, что сформулированное определение имеет значение только для развития уголовно-процессуальной науки и не нуждается в закреплении в УПК РФ. Аналогичное суждение о нецелесообразности включения новых дефиниций в УПК РФ высказано и другими учеными-процессуалистами.

Например, И.А. Зинченко и А.А. Попов считают, что «действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ и соседних стран и так вслед за учеными-новаторами тяготеет к закреплению в нормах, прежде всего, права доказательственного, все новых и новых дефиниций». Более приемлемым они считают следующий подход законодателей государств дальнего зарубежья: «не закреплять нормы-определения, если таковые не имеют никакого значения для процедуры досудебного или судебного производства» [14 с. 314].

Следовательно, большее значение для УПК РФ имеет регламентация процессуального порядка получения объяснения, нежели законодательное закрепление этого термина.

Данный вопрос является вторым проблемным моментом, вызывающим не меньшее количество дискуссий среди ученых-процессуалистов, чем обсуждение вопросов, связанных с термином «объяснение». Например, В.И. Майоров и Б.М. Сергеев предлагают дополнить УПК РФ требованиями к получению объяснения и его фиксации. Авторы указывают, что данный вид деятельности должен осуществляться в соответствии с принципами уголовного процесса [16, с. 18].

А.М. Косенко, проводя аналогию опроса с допросом, считает, что порядки производства должны быть аналогичны [11, с. 75].

В.Ю. Стельмах также отмечает схожесть процессуального порядка получения объяснения с допросом [5, с. 148].

Вместе с тем сама процессуальная форма закрепления сведений, полученных при даче объяснений, вызывает неоднозначное толкование у ученых-процессуалистов и правоприменителей. Например, Н.В. Кривошеков говорит о протоколе объяснения: «протокол объяснения предъясняется...» [4, с. 15].

Г.С. Иванов считает целесообразным закрепить процессуальную форму получения сведений в УПК РФ [1, с. 67].

А.М. Косенко на основании изучения материалов проверок и уголовных дел установил не менее полутора десятков форм, отражающих результаты получения объяснения, которые именуются: «объяснение», «протокол объяснения», «протокол получения объяснения», «протокол опроса» [11, с. 77].

Л.А. Кулий и А.А. Сухацкий предлагают установить процессуальную форму этого действия — протокол либо оставить решение этого вопроса на усмотрение следователя, допуская получение устного объяснения без его оформления [7, с. 86].

Позволим себе не согласиться со вторым вариантом, предложенным авторами, поскольку «устное объяснение без оформления» противоречит чч. 1.1-1.2 ст. 144 УПК РФ и не может в дальнейшем иметь доказательственного значения. Кроме того, в обоснование своей позиции приведем высказывание Г.С. Иванова: «в решениях Верховного Суда РФ можно найти случаи признания объяснений недопустимыми до-

казательствами вследствие их ненадлежащего оформления» [1, с. 67].

Т.П. Сазонова указывает на необходимость оформления объяснения по правилам, предъявляемым к протоколу допроса. При этом автор предлагает разработать «самостоятельный бланк – образец объяснения, придав ему на законодательном уровне статус приложения в УПК РФ» [10, с. 72]. Не соглашаясь с этим предложением, отметим, что перечень бланков процессуальных документов был исключен из УПК РФ еще в 2007 году*. Кроме того, ни один бланк процессуального действия не может охватить специфику отдельной ситуации (например, необходимость дополнительной графы, ссылки на статью УПК РФ или иного нормативного правового акта). По нашему мнению, при получении объяснения и его фиксации в письменной форме должна быть приведена ст. 51 Конституции Российской Федерации и статьи УПК РФ, регламентирующие производство этого процессуального действия.

На основе проведенного теоретического анализа значительного количества трудов ученых-процессуалистов, а также с учетом существующей правоприменительной (в том числе судебной) практики, положений действующего законодательства (Конституция Российской Федерации, УПК РФ) следует выделить ряд моментов, имеющих процессуальное значение при составлении протокола объяснения:

1. Опрашиваемому лицу разъясняются права (с фиксацией данного факта под подпись), предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, а также ст. 51 Конституции Российской Федерации (не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа; сохранить в тайне данные о личности (использовать псевдоним) в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 24. Ст. 2830.

Т.П. Сазонова, ссылаясь на позицию Верховного Суда Российской Федерации, подчеркивает: «не могут являться доказательствами показания или объяснения, если лицам не разъяснена ст. 51 Конституции РФ» [10, с. 72].

В.В. Артемова считает необходимым закрепление в законодательном порядке права несовершеннолетнего на присутствие законных представителей или лиц, их заменяющих. По мнению автора, подобный подход согласуется с положением ч. 1 ст. 191 УПК РФ [3, с. 78]. Вместе с тем остается непонятным, почему В.В. Артемова ограничивается лишь указанием на законных представителей или лиц, их заменяющих, тогда как ч. 1 ст. 191 УПК РФ, помимо законных представителей или лиц, их заменяющих, регламентирует участие педагога, психолога (в том числе случаи обязательного участия).

2. Опрашиваемому лицу разъясняются обязанности (с фиксацией данного факта под подпись), предусмотренные УПК РФ (например, ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ – не разглашать данные досудебного производства (при наличии соответствующего предупреждения)).

Кроме того, ряд авторов указывает на наличие обязанностей, вытекающих из ст.ст. 307-308 УК РФ. Например, А.Л. Карлов утверждает, что порядок получения объяснений должен предусматривать «разъяснение ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 307 УК РФ. При этом на отношения, связанные с получением объяснения, нормы ст. 307 УК РФ, предусматривающие ответственность за отказ от дачи показаний, не распространяются» [15 с. 151-152]. Позволим себе оставить данное мнение без комментария, лишь указав, что автор неправильно привел в тексте нумерацию и содержание статей УК РФ**, в связи с чем достоверно определить логику его суждений не представляется возможным.

Л.А. Кулий и А.А. Сухацкий отмечают, что законодательство не содержит прямого указания на необходимость разъясне-

** Статья 306 УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложный донос; ст. 307 УК РФ – за заведомо ложные показания; ст. 308 УК РФ – за отказ от дачи показаний.

ния положений ст.ст. 307-308 УК РФ перед началом получения объяснения. Вместе с тем авторы полагают, что существует две категории лиц, одна из которых предупреждается об уголовной ответственности, а другая нет*:

1) лица, «для которых разъяснение прав и обязанностей предусмотрено законом», должны предупреждаться об ответственности, предусмотренной ст.ст. 307-308 УК РФ. К ним Л.А. Кулий и А.А. Сухацкий относят заявителя, эксперта, специалиста, понятых, оговариваясь, что они предупреждаются «только по поводу тех сведений, которые они сообщили в рамках процессуального действия» [7, с. 86].

О.А. Чабукиани к указанным лицам относит также «сотрудников правоохранительных органов, которые обязаны давать правдивые показания, поскольку сами стоят на защите закона» [17, с. 79];

2) остальные лица не предупреждаются об ответственности, предусмотренной ст.ст. 307-308 УК РФ (например, лицо, заподозренное в совершении преступления) [7, с. 86].

С.И. Давыдов и А.П. Пинчук считают, что отсутствие предупреждения об уголовной ответственности влечет безнаказанность лица, давшего ложную информацию в ходе объяснения. Решение проблемы авторы видят в распространении действия ст.ст. 307-308 УК РФ на получение объяснений, предлагая внести соответствующие изменения в законодательство:

— включить в название ст. 307 УК РФ указание на объяснения участника проверки сообщения о преступлении;

— включить в ч. 1 ст. 307 УК РФ указание на участника проверки сообщения о преступлении, дополнив оговоркой о нераспространении данного положения на лицо, в отношении которого ведется проверка;

— включить в название ст. 308 УК РФ указание на отказ участника проверки сообщения о преступлении от дачи объяснений [6, с. 98].

Таким же способом авторы предлагают скорректировать примечания к ст.ст. 307-308 УК РФ.

Подобный подход нельзя признать верным, поскольку ранее уже акцентировалось внимание на том, что необходимость получения объяснения может возникнуть не только в ходе проверки сообщения о преступлении, но и на стадии предварительного расследования, а также для установления новых или вновь открывшихся обстоятельств.

На основании изложенного следует также не согласиться с О.А. Чабукиани, которая предлагает при внесении изменений в ст. 307 УК РФ словосочетание «предварительное расследование» заменить на словосочетание «досудебное производство» [17, с. 79].

Кроме того, заслуживает критической оценки предложение В.В. Артемовой о предупреждении лица в соответствии со ст. 306 УК РФ об ответственности за заведомо ложный донос, «если содержание его объяснений включает в себя сведения о преступлении, совершенном или подготовляемом другим лицом» [3, с. 78], по следующим причинам:

1) часто объяснения носят ориентирующий характер и, как указывает В.Ю. Стельмах, «могут быть направлены не на закрепление сведений, а лишь на подтверждение факта обнаружения лица, обладающего информацией о преступлении» [5, с. 156];

2) как правило, оценить «содержание объяснений» (узнать, содержит ли объяснение сведения о преступлении, совершенном или подготовляемом другим лицом) можно, только получив подобное объяснение.

Более приемлемой на данном этапе исследования представляется позиция противников подобных предложений. Например, В.Ю. Стельмах обоснованно указывает, что в случае предупреждения в ходе получения объяснения о наличии уголовной ответственности, предусмотренной ст.ст. 307-308 УК РФ, «исчезнет грань между получением объяснений и допросом, и будет не понятно, для чего необходимо одновременное существование двух различных по наименованию, но одинаковых по содержанию процессуальных действий» [5, с. 151].

Рассматривая обязанности лица, привлекаемого для дачи объяснения, не-

* Аналогичные суждения имеются и в работах других авторов [17, с. 79].

обходимо остановиться на вопросе о том, является ли дача объяснения обязанностью или правом, поскольку в науке уголовного процесса отсутствует однозначное мнение об этом.

Например, Н.В. Кривошеков пишет об обязанности лица явиться для дачи объяснения, однако оговаривается, что к нему неприменимы положения ст. 113 УПК РФ (привод – принудительное доставление лица), но возможно привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ [4, с. 15].

Аналогичную точку зрения высказывает А.Л. Карлов: «обращение к гражданину за получением объяснения должно признаваться законным требованием, неисполнение которого влечет административную ответственность, предусмотренную ст. 17.7 КоАП РФ». При этом автор уточняет, что требования статьи распространяются только на действия следователя, дознавателя (нет указания на всех должностных лиц, перечисленных в ст. 144 УПК РФ) [15, с. 152].

С.И. Давыдов и А.П. Пинчук предлагают распространить действия ст. 113 УПК РФ «Привод» на лиц, вызываемых для дачи объяснения [6, с. 101]. О.А. Чабукиани, поддерживая точку зрения названных авторов, предлагает еще дополнить меры принуждения, применяемые к указанным лицам, обязательством о явке и денежным взысканием [17, с. 79].

А.М. Косенко указывает, что получение объяснения проводится по месту нахождения опрашиваемого лица (по месту производства проверки) с его согласия. Вызов лица повесткой он рассматривает как нарушение добровольности участия лица в проверочных действиях. По мнению исследователя, «более приемлемо направлять гражданам приглашение прибыть для дачи объяснения» [11, с. 77].

При этом сложно согласиться с суждениями А.М. Косенко о том, что «опрос может производиться, пока опрашиваемое лицо выражает согласие давать объяснение», но поддерживаем автора в отсутствии необходимости «регулировать продолжительность получения объяснения» [11, с. 77].

Полагаем, что ключевым является указание в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ на наличие

у лиц, дающих объяснение, прав, предусмотренных УПК РФ. Например, получение объяснений от несовершеннолетнего не может продолжаться бесконечно, а должно соответствовать временным рамкам, предусмотренным ч. 1 ст. 191 УПК РФ (например, если ребенок младше семи лет, то в общей сложности – не более одного часа в день).

Т.П. Сазонова считает, что лицо в процессе дачи объяснения не обязано отвечать на поставленные вопросы, являться по вызову (к нему неприменим привод, опрашивается по месту нахождения) [10, с. 72].

Аналогичной позиции придерживается В.В. Артемова, полагающая, что если вызываемое для дачи объяснения лицо не является, то нужно ему объяснять важность получения объяснения, значение объяснения для принятия решения о возбуждении уголовного дела и т.д. [3, с. 77]. Сотрудники правоохранительных органов вынуждены действовать именно так, «упрашивая граждан явиться для дачи объяснений, или берут объяснение по месту их нахождения» [6, с. 100].

Соглашаясь с доводами С.И. Давыдова и А.П. Пинчук о том, что «в условиях информационной недостаточности» иногда единственным средством проверки является получение объяснения от гражданина [6, с. 101], считаем неприемлемым получение объяснения посредством применения принуждения.

Следует разделить вызов (явку) лица для дачи объяснения и процессуальное действие «получение объяснения». В первом случае можно говорить об элементах принуждения, основываясь на положениях ст. 17.7 КоАП РФ, а во втором принуждение, по нашему мнению, неприменимо. Представляется необходимым обратить внимание правоприменителей на данный вывод.

Таким образом, проведенный анализ процессуального порядка получения объяснения указывает на необходимость скорректировать промежуточный вывод (обозначенный ранее) следующим образом: получение объяснения – это процессуальное действие, заключающееся в получении устных или письменных сведений, имеющих значение для уголовного судопроизводства, с их фиксацией в про-

токоле объяснения, в порядке, установленном ст. 166 УПК РФ*.

Еще одним вопросом, вызывающим споры среди ученых-процессуалистов, является доказательственное значение объяснения. Считаем, что данное направление заслуживает отдельного исследования и станет в дальнейшем предметом нашей научной деятельности.

Подводя итог, подчеркнем еще раз основные выводы, а также направления для дальнейшего изучения вопросов, связанных с получением объяснений:

1. Получение объяснения – это процессуальное действие, заключающееся в получении устных или письменных сведений, имеющих значение для уголовного судопроизводства, с их фиксацией в протоколе объяснения в порядке, установленном ст. 166 УПК РФ.

Данное определение имеет значение для развития уголовно-процессуальной науки, но при этом не нуждается в закреплении в УПК РФ.

* Аналогичные предложения высказываются и другими авторами [см., например: 10, с. 72].

2. Целесообразно продолжить изучение терминов «объяснение», «пояснение», «разъяснение», в том числе путем проведения сравнительного анализа всех статей УПК РФ, в которых используются указанные, а также схожие по смыслу термины.

3. Необходимо обратить внимание правоприменителей на то обстоятельство, что одно и то же лицо не может совмещать две взаимоисключающие уголовно-процессуальные функции (например, должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, и очевидца).

4. Необходимо разделять вызов (явку) лица для дачи объяснения и процессуальное действие «получение объяснения». В первом случае можно говорить об элементах принуждения, основываясь на положениях ст. 17.7 КоАП РФ, а во втором случае принуждение неприменимо.

5. Целесообразно провести отдельное исследование вопросов доказательственного значения объяснений.

Список литературы

1. Иванов Г.С. Доказательственное значение объяснений в современном уголовном процессе России // Отечественная юриспруденция. 2016. № 6. С. 66-68.
2. Копылова О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010. 160 с.
3. Артемова В.В. Получение объяснения – новый способ проверки сообщения о преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 76-78.
4. Деятельность дознавателей органов внутренних дел на этапе возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования преступлений: учеб.-практ. пособие / Н.В. Кривошеков [и др.]. Тюмень: ТИПК МВД России, 2015. 106 с.
5. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 148-157.
6. Давыдов С.И., Пинчук А.П. Получение объяснения как проверочное действие на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правовой регламентации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3. С. 96-102.
7. Кулий Л.А., Сухацкий А.А. Некоторые проблемные вопросы получения объяснений при проверке сообщения о преступлении // Interactive science. 2018. № 5. С. 85-87.
8. Колесникова О.В. Объяснение в уголовном процессе Республики Беларусь // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февраля 2017 г. Мн.: Акад. МВД, 2017. С. 309-310.
9. Попов А.А. Получение объяснений и показаний в уголовном процессе Российской Федерации: результаты компаративистского исследования досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2015. 24 с.
10. Сазонова Т.П. Получение объяснений как способ собирания доказательств // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 2. С. 71-73.
11. Косенко А.М. О процессуальной форме получения объяснений // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 75-79.
12. Сокращенная форма производства дознания: учеб.-практ. пособие / Н.В. Кривошеков [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2017. 207 с.

13. Колесникова О.В. Получение объяснений при производстве по материалам // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2009. N 2. С. 33-37.
14. Зинченко И.А., Попов А.А. Письменные показания как источник доказательств в досудебном производстве (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. 2014. N 6. С. 313-322.
15. Карлов А.Л. Получение объяснения как процессуальное действие и как доказательство по уголовному делу // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. N 2. С. 149-153.
16. Майоров В.И., Сергеев Б.М. Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. Челябинск: Полиграф-мастер, 2013. 54 с.
17. Чабукиани О.А. Получение объяснения в ходе первоначальной проверки сообщения о преступлении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. N 3. С. 75-81.

References

1. Ivanov G.S. Evidence-based value of explanations in the modern criminal process of Russia. Domestic jurisprudence, 2016, no. 6, pp. 66-68. (In Russ.).
2. Kopylova O.P. Verification of statements and reports of crimes. Tambov, 2010. 160 p. (In Russ.).
3. Artemova V.V. Obtaining an explanation is a new way to check a crime report. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 7, pp. 76-78. (In Russ.).
4. Krivoshchekov N.V. [i dr.]. The activities of the investigators of the internal affairs bodies at the stage of initiating a criminal case and the initial stage of investigating crimes. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2015. 106 p. (In Russ.).
5. Stel'mah V.Yu. Explanations in criminal proceedings: legal nature, procedural procedure for obtaining, evidentiary value. Bulletin of the Udmurt University, 2016, vol. 26, issue 5, pp. 148-157. (In Russ.).
6. Davydov S.I., Pinchuk A.P. Obtaining an explanation as a verification action at the stage of initiating a criminal case: problems of legal regulation. Siberian Legal Bulletin, 2020, no. 3, pp. 96-102. (In Russ.).
7. Kulyi L.A., Suhatskiy A.A. Some problematic issues of obtaining explanations when checking a crime report. Interactive science, 2018, no. 5 (27), pp. 85-87. (In Russ.).
8. Kolesnikova O.V. Explanation in the criminal process of the Republic of Belarus. Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies. Minsk, Academy Ministry of Internal Affairs, 2017. Pp. 309-310. (In Russ.).
9. Popov A.A. Obtaining explanations and testimonies in the criminal process of the Russian Federation: the results of a comparative study of pre-trial proceedings. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2015. 24 p. (In Russ.).
10. Sazonova T.P. Obtaining explanations as a way of collecting evidence. Bulletin of the South Ural State University, 2008, no. 2, pp. 71-73. (In Russ.).
11. Kosenko A.M. On the procedural form of obtaining explanations. Criminal Justice, 2019, no. 13, pp. 75-79. (In Russ.).
12. Krivoshchekov N.V. [i dr.]. Abbreviated form of inquiry production. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 207 p. (In Russ.).
13. Kolesnikova O.V. Obtaining explanations during production based on materials, Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2009, no. 2, pp. 33-37. (In Russ.).
14. Zinchenko I.A., Popov A.A. Written testimony as a source of evidence in pre-trial proceedings (comparative view). Forensic Library, 2014, no. 6, pp. 313-322. (In Russ.).
15. Karlov A.L. Obtaining an explanation as a procedural action and as evidence in a criminal case. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia, 2014, no. 2, pp. 149-153. (In Russ.).
16. Mayorov V.I., Sergeev B.M. Procedure for initiating criminal proceeding. Chelyabinsk, Polygraph-master Publ., 2013. 54 p. (In Russ.).
17. Chabukiani O.A. Receiving an explanation during the initial verification of the crime report. Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 3, pp. 75-81. (In Russ.).

Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

ПОЛТАРЫХИН В.А.,
poltar.va1980@gmail.com
Управление экономической безопасности
и противодействия коррупции;
Главное управление Министерства
внутренних дел
Российской Федерации
по Алтайскому краю,
656015, г. Барнаул, просп. Ленина, 74

POLTARYKHIN V.A.,
poltar.va1980@gmail.com
Department of Economic Security
and Combating Corruption;
Department of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
for the Altai Territory,
Lenin Ave. 74, Barnaul, 656015,
Russian Federation

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Аннотация. В статье дается уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного статьей 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Основным исследовательским вопросом, который решает автор, является установление возможности и необходимости сохранения в уголовном законе самостоятельной нормы о нецелевом расходовании бюджетных средств, а также дальнейшей дифференциации ответственности за тождественные деяния. На основе анализа положений доктрины уголовного права, практики применения статьи 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также общей нормы о злоупотреблении должностными полномочиями формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: бюджетные средства; нецелевое расходование; государственные и муниципальные закупки; коррупционное преступление; должностное преступление; квалификация преступлений.

Для цитирования: Полтарыхин В.А. Проблемы квалификации нецелевого расходования бюджетных средств при осуществлении государственных и муниципальных закупок // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 65-72.

THE PROBLEMS CONCERNING THE QUALIFICATION OF INAPPROPRIATE SPENDING OF BUDGET FUNDS DURING STATE AND LOCAL GOVERNMENT PROCUREMENT PROCESS

Annotation. The article presents the criminal law characteristics of the corpus delicti provided by Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research problem stated by the author is establishing the possibility and necessity of maintaining a specific rule concerning the misuse of budget funds in the criminal law, as well as further differentiation of responsibility for identical acts. Having analyzed the provisions of the doctrine of criminal law and the practice of applying Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the general rule on abuse of official powers (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation), the author of the article has formulated the conclusions and proposals aimed at improving legislation and law enforcement practice.

Keywords: budget funds; misappropriation; state and local governments purchasing process; corruption offence; malfeasance; qualification of crimes.

For citation: Poltarykhin V.A. The problems concerning the qualification of inappropriate spending of budget funds during state and local government procurement process // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 65-72.

Целевое использование бюджетных средств — один из основополагающих принципов бюджетного законодательства Российской Федерации. В соответствии со

ст. 38 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ) принцип адресности и целевого характера средств бюджета означает, что бюджетные ассигнова-

ния и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования.

В 2003 году в уголовный закон была введена статья 285.1, устанавливающая ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств. На первый взгляд, появление подобной нормы оправданно: стабильность бюджетной системы, от которой зависит устойчивое развитие экономики, реализация фундаментальных функций государства напрямую связаны с соблюдением принципа целевого использования бюджетных средств. Соответственно, общественные отношения, формирующиеся в этой области, должны быть защищены всеми возможными правовыми средствами, в том числе путем установления уголовной ответственности. Однако официальная судебная статистика свидетельствует о крайне редком привлечении к уголовной ответственности по ст. 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В частности, в 2018 году по ст. 285.1 УК РФ был вынесен только один обвинительный приговор; в 2019 году — три; в 2020 году — вновь один*.

Осуществление государственных и муниципальных закупок — один из основных способов использования бюджетных средств. Посредством закупок происходит обеспечение работы государственных и муниципальных органов, бюджетных учреждений, реализация основных задач государства в социальной, культурной, экономической сферах. Оборот денежных средств в сфере государственных и муниципальных закупок исчисляется триллионами рублей. Например, только за первую половину 2020 года объем государственных закупок составил 4,1 трлн. рублей**.

Соответственно, риски совершения преступлений, в том числе связанных с нецелевым расходованием денежных средств, велики, но, как уже отмечено, практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 285.1 УК РФ почти отсутствует. В связи с этим возникает вопрос о

причинах незначительного количества вынесенных по данной норме приговоров. Реальное отсутствие подобных деяний вызывает сомнения. Недостаточная эффективность настоящей уголовно-правовой нормы обусловлена техническим несовершенством законодательной конструкции диспозиции статьи, наличием так называемых норм-конкурентов, как правило, более общих по содержанию и, как следствие, наиболее простых для квалификации. С учетом вышеизложенного в настоящей статье исследуется вопрос о степени необходимости сохранения нормы о нецелевом расходовании бюджетных средств в качестве самостоятельной, а также о возможности эффективного противодействия подобным деяниям посредством привлечения к ответственности по общим нормам уголовного закона.

Для решения поставленной исследовательской задачи необходимо представить комплексную уголовно-правовую характеристику ст. 285.1 УК РФ. Относительно установления объекта преступления, предусмотренного указанной статьей, в юридической литературе сформировались следующие подходы:

1) преступление относится к посягательствам на установленный порядок использования бюджетных ассигнований [1, с. 11-12]. Приведенный подход является одним из наиболее общих и, по нашему мнению, не отражает существо посягательства и его последствий, а именно расходование денежных средств на иные цели, нежели те, которые определены в соответствующем бюджете и, как следствие, недопостижение тех самых целей — общественных, культурных, социальных и т.д.;

2) объектом преступления признаются общественные отношения, связанные со злоупотреблением служебным или должностным положением [2, с. 38]. В данном определении приоритет отдается не общественным отношениям, а, скорее, механизму преступного поведения — злоупотреблению полномочиями в определенной сфере;

3) общественные отношения, обеспечивающие деятельность власти и управления в сфере бюджетных отношений, а именно законный порядок осуществления должностным лицом полномочий по расходованию бюджетных средств [3, с. 108].

* См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

** Росэлторг: сайт. URL: <https://www.roseltorg.ru>

В приведенном определении объекта преступления акцент также сделан на субъекта, использующего свои полномочия вопреки интересам службы;

4) непосредственным объектом данного состава преступления, исходя из расположения составов преступлений в главе 30 УК РФ, должны выступать интересы государственной власти по осуществлению контроля за исполнением бюджета или за расходованием средств государственных внебюджетных фондов [4, с. 23]. Лишь отчасти следует согласиться с тем, что негативному воздействию подвергаются общественные отношения, связанные с выполнением контрольно-надзорных функций. Подобные отношения, по нашему мнению, не могут быть деформированы в результате совершения преступления, так как целью контроля является выявление нарушений целевого использования бюджетных средств, то есть он осуществляется уже после совершения преступного деяния.

Как видно, приоритеты в оценке общественных отношений, подвергаемых негативному преступному воздействию, различны, и при этом содержание посягательства характеризуется не в полной мере. Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается в следующем: исключительно целевое расходование бюджетных средств предполагает, что обязанности государства по финансированию определенных сфер общественной жизни будут реализованы в полной мере в соответствии со сформированным и утвержденным финансовым планом. В результате преступного посягательства обязанности государства не исполняются надлежащим образом. Это приводит к негативным последствиям практически во всех сферах общественной жизни.

В самом общем виде непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, можно определить как общественные отношения, возникающие в сфере распределения бюджетных средств в соответствии с принципом исключительно целевого характера такого распределения. В результате надлежащего существования и развития таких отношений происходит формирование и функционирование иных общественных отношений, посредством которых реализуются

ключевые функции государства. Подобное определение объекта преступного посягательства позволяет отграничить рассматриваемое преступление от смежных составов, и прежде всего от превышения должностных полномочий и злоупотребления ими (ст.ст. 286 и 285 УК РФ). Однако вышеприведенные мнения исследователей должностных преступлений, безусловно, позволяют предположить, что непосредственный объект нецелевого использования совпадает с непосредственным объектом тех же превышения должностных полномочий и злоупотребления ими.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, характеризуется единственным действием – нецелевым расходованием бюджетных средств. Диспозиция уголовно-правовой нормы является бланкетной, соответственно, для установления ее содержания необходимо обратиться к специальному законодательству, в данном случае – бюджетному. В статье 306.4 БК РФ содержится определение понятия нецелевого расходования бюджетных средств, которое характеризуется как направление средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплата денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо правовым актом, являющимся основанием для предоставления указанных средств.

Первым вопросом при установлении содержания признаков объективной стороны рассматриваемого деяния является определение терминов. В науке уголовного права неоднократно обращалось внимание на несоответствие терминологии бюджетного законодательства терминологии законодательства об административных правонарушениях и уголовного закона. Позиции ученых сводятся к следующему:

1) имеет место несоблюдение правил юридической техники либо нарушение принципа законности, предложения по устранению которых ограничиваются необходимостью замены понятия «расходование» на понятие «использование» [5, с. 59; 6, с. 181];

2) термин «использование» относится к правомерному поведению участников бюджетных отношений, а «расходование» означает преступный по содержанию характер действий виновного лица. В связи с этим использование различной терминологии в уголовном и бюджетном законодательстве признается логичным и оправданным [7, с. 85].

Вторая точка зрения является, вероятно, более точным отражением позиции законодательства. Основанием для подобного суждения стало, в первую очередь, буквальное значение понятий. Так, использование – это процесс действия, который связан по смыслу с глаголом «использовать», то есть применение чего-то с пользой или выгодой для себя [8]. Понятие «расходовать» означает тратить, употреблять на что-нибудь [9]. Другими словами, в результате использования так или иначе имеет место какая-то польза, в случае расходования возможна только трата.

Несмотря на отсутствие серьезных расхождений в понимании определений, применение различной терминологии в бюджетном и уголовном законодательстве затрудняет процесс правоприменения, порождает дополнительные вопросы и может привести в отказу от применения специального состава в пользу общей нормы, получившей широкое толкование в правоприменительной практике. В связи с этим представляется необходимым унифицировать терминологию и применять единое понятие – «нецелевое использование денежных средств», так как именно оно содержится в бюджетном законодательстве, а характеристика «нецелевое» уже содержит негативную составляющую в поведении лица.

Для квалификации деяния по ст. 285.1 УК РФ целевое или нецелевое использование бюджетных средств определяется, соответственно, в соотношении с целью выделения таких средств. Цель бюджетного финансирования, в свою очередь, выводится из кода бюджетной классификации, по которой доведены те или иные лимиты ассигнований и объемы финансирования.

При квалификации нецелевого использования бюджетных средств по признакам объективной стороны представляется необходимым соблюдать следующие правила:

1) под нецелевым расходованием бюджетных средств следует понимать осуществление расчетов за счет средств бюджета вопреки целям, установленным в бюджете соответствующего уровня, с нарушением кода бюджетной классификации. Бюджетное финансирование во всех случаях имеет определенное назначение, цель. Общим для всех целей является то, что оно направлено на финансовое обеспечение задач и функций государства в социально-экономической, культурно-образовательной, политической и других сферах жизнедеятельности общества, финансируемых за счет средств соответствующего бюджета;

2) исходя из положений, изложенных в первом пункте, не подлежат квалификации по ст. 285.1 УК РФ деяния в том случае, если цель бюджетного финансирования достигнута, но деятельность по ее достижению сопровождалась неправомерными действиями. Например, при заключении государственного контракта не были соблюдены все предусмотренные законом требования, однако контракт исполнен, результат исполнения соответствует всем предъявляемым нормативным требованиям и имеет потребительскую ценность для заказчика.

В частности, было прекращено уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 285.1 УК РФ, при следующих фактических обстоятельствах: при осуществлении строительства капитальных объектов, помимо заключения собственно договора подряда (государственного контракта), необходимо привлечение лица, выполняющего функции строительного контроля*. Прямого запрета на совмещение функций подрядчика и лица, осуществляющего строительный контроль, в действующем законодательстве нет. Однако, исходя из содержания выполняемых функций, такое совмещение невозможно и влечет ничтожность договора на выполнение строительного контроля.

В настоящее время в практике арбитражных судов сложился подход к пониманию подобных действий как нецелевого использования бюджетных средств (опла-

* Уголовное дело N 120010100037000287 // Архив ГСУ ГУВД по Алтайскому краю.

та по ничтожному договору)*. Но если фактически государственный контракт исполнен, результат принят, претензий к качеству построенного объекта у заказчика нет, то признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, отсутствуют, так как цель бюджетного финансирования достигнута**;

3) не могут быть квалифицированы по ст. 285.1 УК РФ деяния, выразившиеся в совершении следующего: использование денежных средств бюджета при несоответствии показателей бюджетной сметы критериям и целям формирования лимитов бюджетных обязательств, если эти средства израсходованы согласно обоснованиям бюджетных ассигнований, на основании которых сформированы такие лимиты***. Подобные деяния, как справедливо отмечено, имеют иное правовое содержание и являются нарушением порядка составления, утверждения и ведения бюджетной сметы****;

4) еще один вопрос, возникающий в практике применения ст. 285.1 УК РФ, — это разграничение с ч. 2 ст. 176 УК РФ в части ответственности за использование государственного целевого кредита не по прямому назначению. Полагаем, что данные нормы соотносятся как общее и частное. Статьей 285.1 УК РФ установлена ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств, выделяемых согласно с бюджетной росписью по любому основанию, предусмотренному в соответствующем бюджете. Частью 2 ст. 176 УК РФ предусмотрена ответственность за неце-

левое использование бюджетных средств, выделяемых в качестве государственного целевого кредита, то есть на возвратной основе. Использование государственного целевого кредита не по назначению предполагает распоряжение полученными средствами в целях, отличных от указанных в кредитном договоре. Например, если кредит был получен на приобретение сельскохозяйственного оборудования, однако потрачен на ремонт офиса*****.

В действующем законодательстве понятие государственного целевого кредита отсутствует. В связи с этим можно сделать вывод о том, что в ч. 2 ст. 176 УК РФ речь идет о бюджетном кредите, под которым в соответствии со ст. 6 БК РФ понимаются денежные средства, предоставляемые бюджетом другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах. Соответственно, при предоставлении бюджетного кредита и его нецелевом использовании (обратим внимание на терминологию) лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 176 УК РФ. Минимальный размер ущерба составляет 2250 тыс. руб., в соответствии с примечанием к ст. 285.1 УК РФ крупным размером признается сумма бюджетных средств, превышающая 1500 тыс. руб. Наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285.1 УК РФ, более мягкое — максимальный срок лишения свободы составляет два года, минимальный не установлен; в соответствии с ч. 2 ст. 176 назначается наказание в виде ограничения свободы на срок от одного года до трех лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на тот же срок. Таким образом, в позиции по криминализации схожих по содержанию деяний отсутствует едино-

* Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 нояб. 2019 г. по делу N А78-16896/2018; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 июля 2019 г. по делу N А56-68227/2018; постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11 июня 2020 г. по делу N А81-8010/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Постановление о прекращении уголовного дела от 2 апр. 2021 г. // Архив Следственного управления СК России по Алтайскому краю.

*** Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 24 февр. 2021 г. // Там же.

**** Письмо Минфина России от 9 июля 2019 г. N 02-09-06/1/50753. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***** Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15 апр. 2013 г. N 04-4) // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

образии, что также не способствует эффективному правоприменению.

На основе анализа судебно-следственной практики выделим основные группы деяний, которые в настоящее время квалифицируются по ст. 285.1 УК РФ:

1) использование бюджетных средств на иной объект, чем предусмотрено в бюджете. При этом по содержанию расходы могут быть схожи или даже тождественны. Например, приговором Читинского районного суда Забайкальского края глава муниципального образования К. признан виновным в совершении предусмотренного ст. 285.1 УК РФ преступления при следующих обстоятельствах: бюджетом муниципального образования предусматривались денежные средства для реконструкции парка, изготовления проектно-сметной документации для реконструкции ледового катка. Денежные средства бюджета были потрачены на строительство теплой раздевалки для хоккеистов*;

2) покрытие текущих расходов муниципального образования, выделенных на иные цели, например, на покрытие расходов на капитальный ремонт тепловых сетей**;

3) приобретение товаров (работ, услуг) по государственному или муниципальному контракту по завышенным ценам, а равно ненадлежащего качества. Однако следует обратить внимание на то, что подобные деяния могут квалифицироваться и по иным нормам уголовного закона. Например, руководитель муниципального образования был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ. Преступление совершено при следующих обстоятельствах: будучи должностным лицом, К. не совершил надлежащую проверку качества и объема выполненной по муниципальному

контракту работы и подписал акты приемки выполненных работ, в связи с этим не были выявлены нарушения контракта, а бюджетные денежные средства перечислены поставщику в полном объеме***;

Следующий вопрос, возникающий при квалификации нецелевого расходования денежных средств, — определение субъекта преступления. Субъект рассматриваемого преступления — специальный: должностное лицо получателя бюджетных средств. В соответствии со ст. 6 БК РФ получатель бюджетных средств (получатель средств соответствующего бюджета) — орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета.

Исходя из буквального толкования диспозиции ст. 285.1 УК РФ, к уголовной ответственности по данной норме не могут быть привлечены лица, выполняющие управленческие функции в организации, заключившей государственный или муниципальный контракт, а равно должностные лица главного распорядителя бюджетных средств. Деяния последних могут быть квалифицированы по ст. 285 или ст. 286 УК РФ.

К уголовной ответственности по ст. 285.1 УК РФ не могут быть привлечены и руководители бюджетных и автономных учреждений, так как они не относятся к получателям бюджетных средств. Однако, по информации Счетной палаты Российской Федерации, именно сотрудниками данных учреждений совершается значительная часть правонарушений, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств****.

* Приговор Читинского районного суда Забайкальского края от 19 апр. 2016 г. по делу N 1-77/2016 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

** Приговор суда в отношении бывшей главы муниципального образования, признанной виновной в нецелевом расходовании более 13 миллионов рублей бюджетных средств, оставлен без изменения // Следственное управление СК России по Архангельской области и Ненецкому автономному округу: сайт. URL: <https://arh.sledcomrf.ru>

*** Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 21 июня 2012 г. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

**** Письмо Счетной палаты Российской Федерации от 28 сент. 2017 г. N 07-290/07-01 // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru>

Лица, выполняющие управленческие функции в компании, заключившей государственный или муниципальный контракт, и допустившие нецелевое расходование бюджетных средств, могут быть привлечены к уголовной ответственности в качестве пособников. Однако, как справедливо отмечено в юридической литературе, совершение преступления, выразившегося в нецелевом расходовании денежных средств, без участия поставщиков товаров, работ, услуг невозможно. В связи с этим таких лиц (выполняющих управленческие функции в коммерческой организации) предложено привлекать к ответственности по ст. 201 УК РФ [10, с. 21-22].

Однако такая квалификация представляется не вполне верной: преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 201 УК РФ, имеет другой объект, в самом общем виде — общественные отношения, посягающие на интересы службы в коммерческой организации, и никоим образом его совершение не может затрагивать общественные отношения, возникающие в связи с реализацией принципа целевого использования бюджетных средств. Кроме того, ст. 201 УК РФ установлена ответственность за деяния в форме злоупотребления, тогда как ст. 285.1 УК РФ предусматривает иное деяние — нецелевое расходование бюджетных средств. Между тем подобная идея дополнительно указывает на сомнения, уже высказывавшиеся в юридической литературе, об ошибочности самостоятельной криминализации нецелевого расходования бюджетных средств [11, с. 143].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления, как правило, не вызывает сложностей в квалификации и характеризуется прямым умыслом.

Таким образом, анализ ст. 285.1 УК РФ, положений науки уголовного пра-

ва, практики правоприменения позволяет сделать вывод о том, что норма уголовного закона как минимум нуждается в совершенствовании: необходима унификация терминологии, используемой в бюджетном и уголовном законодательстве, а также санкций за схожие по содержанию и общественной опасности деяния. В части правоприменительной практики, безусловно, необходимы разъяснения и обобщения Верховного Суда Российской Федерации. Однако основной вопрос, возникающий при исследовании ст. 285.1 УК РФ, касается того, действительно ли необходима столь серьезная дифференциация уголовной ответственности: общие нормы о злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и специальная норма (ст. 285.1 УК РФ), которой установлена ответственность за частный случай превышения должностных полномочий или злоупотребления ими, выразившийся в нецелевом расходовании бюджетных средств.

В связи с этим следует согласиться с авторами, высказывающими мнение о необходимости разработки универсальных принципов, которые будут положены в основу реформирования законодательства как в сфере экономических и должностных преступлений, так и в целом уголовного закона [12, с. 69]. В данном случае, по нашему мнению, допустимо применение принципа экономии уголовной репрессии, руководствуясь которым, на основе глубокого и всестороннего изучения научных исследований и практики применения ст. 285.1 УК РФ необходимо сделать обоснованный вывод о возможности сохранения ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств в качестве самостоятельной нормы.

Список литературы

1. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств: монография / под ред. Н.И. Пикурова, Е.Н. Карабановой. М.: Проспект, 2016. 98 с.
2. Шурпаев Ш.М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 37-41.
3. Арбатская Ю.В., Васильева Н.В., Христюк А.А. Нецелевое расходование бюджетных средств: криминологическая и уголовно-правовая характеристика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 104-113.
4. Басова Т.Б. Преступления, совершаемые по службе: современные проблемы законодательной регламентации // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 17 мая 2018 г., г. Хабаровск / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова. Хабаровск: Юрист, 2018. С. 20-27.

5. Фазылов Р.Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 179 с.
6. Нудель С.Л. Проблемы ответственности за нецелевое расходование (использование) бюджетных средств // Актуальные проблемы российского права. 2012. N 3. С. 179-189.
7. Мариненко В.Ю. Некоторые особенности объективной стороны нецелевого расходования бюджетных средств // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. N 3. С. 84-87.
8. Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 26 апр. 2021 г.).
9. Словарь русского языка С.И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 26 апр. 2021 г.).
10. Марзаганова А.М. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.
11. Липинский Д.А. О псевдогуманизации карательного воздействия уголовной ответственности // Право и политика. 2005. N 7. С. 143-148.
12. Коренная А.А. Принципы уголовно-правовой охраны экономической деятельности как концептуальная основа реформирования уголовного закона // Известия Алтайского государственного университета. 2017. N 3. С. 67-71.

References

1. Criminal-legal protection of budget funds. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 98 p. (In Russ.).
2. Shurpaev Sh.M. Criminological classification of corruption-related crimes in the field of state and municipal procurement. Business Security, 2019, no. 6, pp. 37-41. (In Russ.).
3. Arbatskaya Yu.V., Vasil'eva N.V., Hristyuk A.A. Non-target spending of budget funds: criminological and criminal-legal characteristics. Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law, 2014, no. 4, pp. 104-113. (In Russ.).
4. Basova T.B. Crimes committed in the service: modern problems of legislative regulation. Official crimes: questions of theory and practice of law enforcement. Khabarovsk, Yurist Publ., 2018, pp. 20-27. (In Russ.).
5. Fazylov R.R. Criminal liability for non-target spending of budget funds and funds of state extra-budgetary funds. Cand. Diss. Moscow, 2004. 179 p. (In Russ.).
6. Nudel' S.L. Problems of responsibility for non-target spending (use) of budget funds. Actual problems of Russian law, 2012, no. 3, pp. 179-189. (In Russ.).
7. Marinenko V.Yu. Some features of the objective side of non-targeted spending of budget funds. North Caucasian Legal Bulletin, 2010, no. 3, pp. 84-87. (In Russ.).
8. Explanatory dictionary of D.N. Ushakov online. Available at: <https://ushakovdictionary.ru> (Accessed April 26, 2021). (In Russ.).
9. Dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov online. Available at: <https://slovarozhegova.ru> (Accessed April 26, 2021). (In Russ.).
10. Marzaganova A.M. Criminal liability for inappropriate spending of budget funds. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2015. 23 p. (In Russ.).
11. Lipinsky D.A. On the pseudo-humanization of the punitive impact of criminal responsibility. Law and politics, 2005, no. 7, pp. 143-148. (In Russ.).
12. Korennaya A.A. Principles of criminal law protection of economic activity as a conceptual basis for the reform of the criminal law. Proceedings of the Altai State University, 2017, no. 3, pp. 67-71. (In Russ.).

Раздел 6. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

КОРНЕЕВ С.А., KORNEEV S.A.,
kornei_lam@mail.ru kornei_lam@mail.ru
Факультет подготовки Faculty of scientific
научно-педагогических кадров; and pedagogical staff training;
Академия права и управления Academy of Law and Management
Федеральной службы of the Federal Penitentiary Service
исполнения наказаний, of the Russian Federation,
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1 Sennaya St. 1, Ryazan, 390000,
Russian Federation

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В науке уголовного права проблема гуманизации действующего уголовного законодательства является предметом всестороннего обсуждения, однако в настоящее время отсутствует единое или преобладающее мнение относительно ее решения. Статья посвящена исследованию гуманизации уголовного законодательства, которая включает реформирование уголовного закона и правоприменительной практики, направленное на повышение уровня безопасности человека, обеспечение равенства и справедливости в сфере правоприменения, соразмерности наказания противоправности деяний и смягчение уголовной ответственности. Новизна статьи обусловлена рассмотрением вопросов, касающихся снижения репрессивности уголовного закона, анализа действующей системы уголовных наказаний, определения оптимальных условий исполнения отдельных видов наказаний, исследования процесса ресоциализации и социальной адаптации осужденных. В заключении приводится авторское видение вектора гуманизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика; гуманизация; уголовно-правовое воздействие; уголовная ответственность; наказание; иные меры уголовно-правового характера.

Для цитирования: Корнеев С.А. Перспективные направления гуманизации уголовной политики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 73-81.

PROMISING DIRECTIONS OF CRIMINAL POLICY HUMANIZATION

Annotation. The problem of humanization of the current criminal legislation is the subject of comprehensive discussion in criminal law, but at present there is no single or prevailing opinion concerning its solution. The article is devoted to the analysis of the humanization of criminal legislation, including the reform of criminal law and law enforcement practice, aimed at increasing the level of human security, ensuring equality and justice in the field of law enforcement, proportionality of punishment and illegal acts and mitigation of criminal liability. The novelty of the work is determined by considering the issues related to reducing the repressiveness of criminal legislation, analyzing the current system of criminal penalties, determining the optimal conditions for the execution of certain types of punishment, studying the process of resocialization and social adaptation of convicts. In conclusion, the author's opinion concerning the course of humanization of criminal legislation is presented.

Keywords: criminal policy; humanization; criminal law influence; criminal liability; punishment; other measures of criminal legal nature.

For citation: Korneev S.A. Promising directions of criminal policy humanization // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 2 (56). P. 73-81.

В соответствии с уголовным законом компонентами, формирующими содержание (структуру) уголовно-правового воздействия, являются наказание и иные меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2 УК РФ). В качестве основания для их

применения нормы УК РФ определяют юридический факт в виде совершения преступления (ч. 2 ст. 2, ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ). Рассматриваемая система мер государственного принуждения непротиворечива, так как наказание и иные меры уголовно-пра-

вового характера включают не все формы влияния государства на лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет. Кроме этого, действующий уголовный закон предусматривает другие меры уголовно-правового воздействия, реализуемые в рамках уголовной ответственности, а равно обособленные от нее меры, назначаемые в связи с совершением общественно опасного деяния, не являющегося преступлением (принудительные меры медицинского характера (ст. 97 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Все это в совокупности позволяет заключить, что современный уголовный закон, в отличие от ранее действовавших, обладает повышенной степенью репрессивности мер уголовно-правового воздействия. Это нередко свидетельствует о росте количества осужденных лиц, в том числе отбывающих реальное наказание в местах лишения свободы.

За последнее время в юридической литературе актуализированы проблемы, связанные с кризисом уголовного наказания, перегруженностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее — УИС), судебных органов, ресоциализацией и социальной адаптацией осужденных, постпенитенциарным контролем за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и т.д. Вследствие этого внимание представителей высших органов государственной власти обращено на гуманизацию действующего уголовного законодательства. В частности, это находит свое отражение в увеличении количества видов освобождения от уголовной ответственности и наказания, полной или частичной декриминализации ряда преступных деяний, расширении института иных мер уголовно-правового характера (введение конфискации имущества (глава 15.1 УК РФ) и судебного штрафа (глава 15.2 УК РФ), включении в уголовный закон ряда составов преступлений с административной преюдицией.

Согласно лексическому и энциклопедическому толкованию сущность гуманизма может быть представлена:

- как процессуальность или результат действия [1, с. 293];
- признание ценности человека как личности, его права на свободное разви-

тие и проявление своих способностей [2, с. 182];

- система взглядов, выражающих признание ценности человека как личности, его прав на свободу, счастье и равенство, уважение принципов справедливости и милосердия как норм отношений между людьми, борьба за создание условий для свободного развития творческих идей и способностей человека [3, с. 99];

- право человека на свободное развитие и проявление своих способностей независимо от общественного положения [4, с. 105];

- система ориентировок-установок индивида, спроецированная на социально-онтологические объекты, например, человека, группу людей и т.д., которая может моделироваться — репродуцироваться в актах сознания и сопровождаться различными переживаниями и чувственно-эмотивными реакциями [5, с. 120];

- учение, провозглашающее жизнь человека высочайшей ценностью, а «наслаждение земными радостями» — ее главной целью [6, с. 174];

- человечность в общественной деятельности, в отношении к людям [7, с. 149].

Исходя из вышеперечисленного представляется, что гуманизм — это «человечность», система построения общества, в котором высшей ценностью является жизнь человека, его свобода и независимость, а гуманизация — это результат действия, направленного на построение общества, провозглашающего благо человека в качестве высшей цели той или иной деятельности.

Слово «гуманизация» стало употребительным и применимо практически ко всем общественным отношениям, складывающимся между государством и гражданином: гуманизация общества, гуманизация законодательства, гуманизация образования, гуманизация воспитания, гуманизация труда и т.д. Таким образом, гуманизация является актуальным процессом в каждой сфере жизнедеятельности. Представляется, что ее социальная значимость не подвергается сомнению и обусловлена рядом факторов, в том числе:

- регламентацией в Конституции Российской Федерации. В частности, человек, его права и свободы являются высшей цен-

ностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации);

– обеспечением материально-технических, экономических, политических и культурных условий жизнедеятельности человека;

– применительно к трудовому законодательству – соблюдением прав и свобод трудящихся;

– применительно к образованию – развитием личности, его индивидуальных качеств, доступностью в отношении лиц с ограниченными возможностями, а также равными условиями получения образования вне зависимости от отличительных признаков (раса, вероисповедание, национальность и др.);

– применительно к судебной власти – справедливым, обоснованным и законным решением органов правосудия в соответствии с общими правилами назначения наказания;

– применительно к законодательной власти – потребностью в смягчении мер уголовно-правового воздействия ввиду того, что строгость наказания не снижает уровень преступности, а лишь ужесточает нравы общества;

– применительно к исполнительной власти – необходимостью создания соответствующих условий отбывания того или иного вида наказания, ресоциализации и социальной адаптации осужденных.

Все это в совокупности позволяет представить гуманизацию уголовного законодательства в качестве результата действия, направленного на построение общества, в котором высшей ценностью является жизнь человека, путем реформирования уголовного закона и правоприменительной практики, ориентированного на повышение уровня безопасности человека, обеспечение равенства и справедливости в сфере правоприменения, соразмерности наказания противоправности деяний и смягчение уголовной ответственности.

Уголовная ответственность, будучи совокупностью мер государственного принуждения, назначаемых в отношении лица, совершившего преступление, предполагает возникновение определенных уголовным законом лишений и правоограниче-

ний [8, с. 104]. Сам факт осуждения влечет за собой изменение правового состояния гражданина, в рамках которого даже после реализации мер государственного принуждения он испытывает предусмотренные федеральным законодательством ограничения общеправового и уголовно-правового характера.

Предусмотренные законодательством обременения играют значительную роль в действующем социуме. В частности, лицо с непогашенной или неснятой судимостью имеет сложности в трудоустройстве, а значит, стабильный средний заработок, жилая площадь, социально полезные связи как факторы нормальной жизнедеятельности утрачиваются. Наличие неснятой или непогашенной судимости имеет и уголовно-правовые последствия. Например, судимость учитывается при рецидиве преступлений, влияет на квалификацию преступления, выбор исправительного учреждения (режима содержания), условия административного надзора, устанавливаемого после освобождения, негативно сказывается на возможности быть помилованным, получить право на условно-досрочное освобождение или амнистию. Более того, с непогашенной или снятой судимостью гражданин не имеет права трудоустроиться на государственную службу, в сферу педагогики, культуры, спорта, социальной защиты и искусств, ограничен в пассивных избирательных правах, в отношении его действуют гражданско-правовые и административно-правовые ограничения. Кроме этого, лицо, имеющее судимость, в большинстве случаев испытывает внутренний дискомфорт, переживания, чувствует негативное отношение со стороны окружающих, общества в целом.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что уголовная ответственность не в полном объеме выполняет социальную роль. Наказание, будучи основной формой реализации рассматриваемого юридического феномена, нередко является единственным, но в то же время неэффективным средством в борьбе с преступностью, что, по справедливому убеждению отдельных исследователей, свидетельствует о кризисе данного института [9, с. 138].

Согласно современным доктринальным подходам перспективное уголовное

законодательство должно сочетаться с поиском возможности перехода от системы наказаний к использованию мер уголовно-правового воздействия. В свою очередь, последние должны отождествляться не только с видами освобождения от уголовной ответственности и наказания, но и с уголовно-правовым поощрением, без которого уголовная юстиция не способна успешно выполнять возложенные на нее функции и не может достигнуть цели исправления лиц, совершивших преступления [10, с. 20].

Программа по снижению репрессивности уголовного закона в последнее время приобрела особую актуальность. Это объясняется «перелимитом» осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в учреждениях УИС, а также фактической неспособностью последней решать задачи по реализации охранительной и предупредительной функции уголовного права. Одну из ключевых ролей в создании этой ситуации, по мнению некоторых специалистов, сыграло несовершенство уголовного законодательства [10, с. 54].

В юридической литературе неоднократно указывалось на такие недостатки уголовного закона, как:

- количественная и качественная усложненность системы наказаний;
- нелогичность структуры системы наказаний;
- явно выраженная репрессивность отдельных институтов;
- неработоспособность значительной части видов наказаний;
- скрытая репрессивность некоторых установлений [11, с. 49; 12, с. 52].

Однако нельзя говорить о том, что уголовный закон в настоящее время обладает исключительно репрессивными и карательными мерами уголовно-правового воздействия. Действующий УК РФ предусматривает некоторые правовые механизмы, позволяющие судебным органам смягчать наказание и облегчать режим его отбывания при вынесении обвинительных приговоров:

- освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- смягчение наказания за неоконченное преступление, при болезни осужденного, при наличии у женщины (мужчи-

ны) ребенка, при совершении преступления несовершеннолетним лицом;

- запрет на применение наиболее строгих видов наказания в отношении отдельных категорий граждан (женщины с малолетними детьми, люди пожилого возраста);
- условное осуждение;
- условно-досрочное освобождение от отбывания наказания;
- замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- амнистия;
- помилование;
- обратная сила уголовного закона

в случае устранения преступности деяния, смягчения наказания или улучшения положения лица, совершившего преступление, и др.

Вопрос, касающийся реформирования системы уголовных наказаний, неоднократно обсуждался в специализированной литературе. Особое внимание уделяется наказанию в виде лишения свободы и социальной потребности в альтернативных ему видах наказания [13, с. 40].

Анализ статистических данных позволяет наглядно представить сложившуюся в судебной практике ситуацию по количеству и видам мер государственного принуждения, которые были применены за последние три года (см. рис.).

Изучение приведенных статистических данных позволяет выявить следующее:

1. Принудительные работы как альтернатива лишению свободы на определенный срок не имеют устойчивого показателя повсеместного применения;
2. Арест как вид уголовного наказания не применяется судебными органами (в связи с отсутствием соответствующих условий);
3. Штраф в качестве наказания более распространен, чем штраф как иная мера уголовно-правового характера, применение которой как минимум не порождает судимости и направлено на гуманизацию уголовной политики;
4. Наиболее часто назначаемым наказанием традиционно является лишение свободы.

Анализ деятельности УИС приводит к выводу о том, что лишение свободы как вид уголовного наказания должно реализовываться в два этапа.

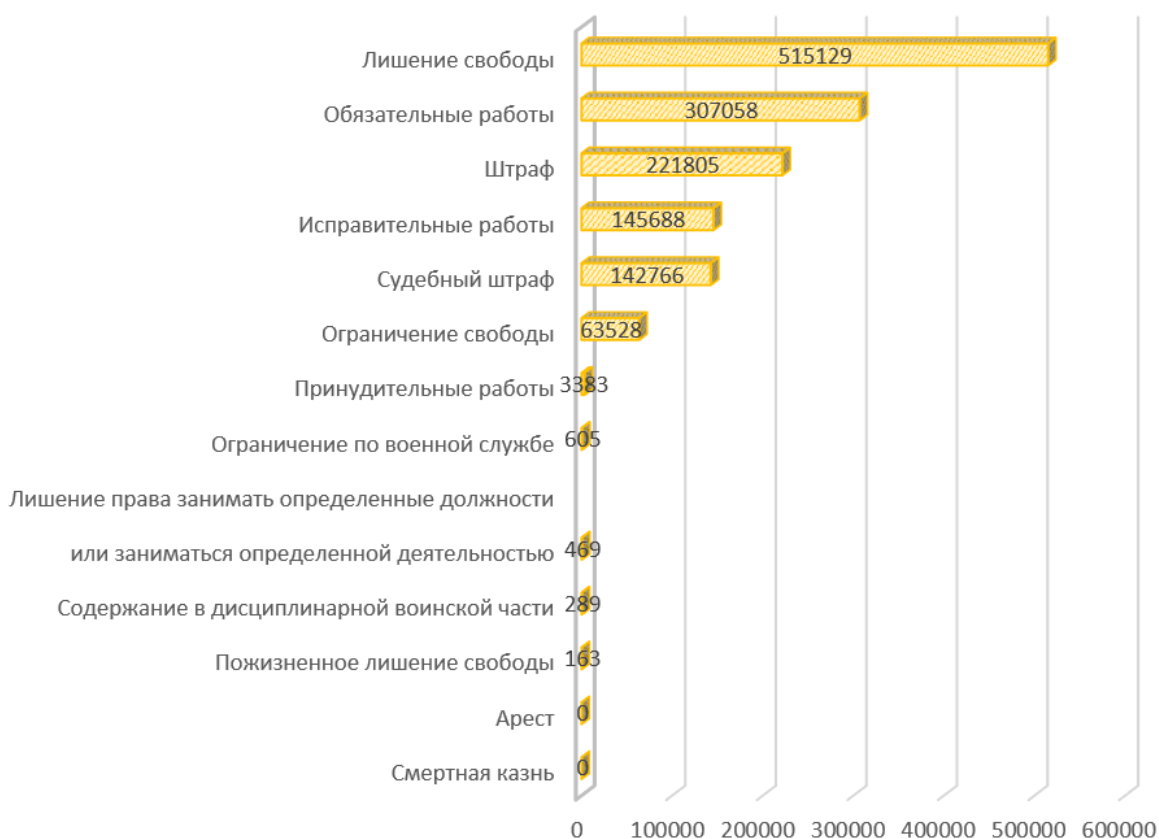

Рис. Виды мер государственного принуждения и количество случаев их назначения судебными органами Российской Федерации в период с 2018 по 2020 год*

* См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

Первый этап предполагает нахождение осужденного лица в исправительном учреждении, изоляцию от общества, но в то же время, насколько это возможно и обеспечено, исключение разрыва социально полезных связей с внешним миром, и при этом характеризуется:

- временными рамками — срок назначения данного вида наказания не должен превышать трех лет;

- увеличением количества краткосрочных, длительных свиданий, посылок, передач, бандеролей, телефонных переговоров и т.д.

Предложенная модель первого этапа реализации наказания в виде лишения свободы не должна противоречить положениям общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ). Соответственно, если срок назначенного наказания превышает три года, то необходимо прибегать к комбинированному методу с заменой лишения свободы на наказание, не связанное

с изоляцией от общества, на оставшийся период.

Второй этап заключается в лишении свободы лица, совершившего преступление повторно (в том числе рецидив), и характеризуется:

- временными рамками — лицо отбывает назначенное судом наказание в полном объеме без права условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом и т.д.;

- активизацией деятельности по поддержанию социально полезных связей.

Полагаем, что лишение свободы, подразумевающее полную изоляцию осужденного от общества, полезно только в случае его минимального срока, исчисляемого неделями и месяцами. Данная польза обуславливается целями применения: испуг преступника, осознание строгой изоляции исправительного учреждения, соблюдение режима, осуществление над-

зора за осужденными. В случае длительного срока назначения (отбывания) наказания в виде лишения свободы строгая изоляция направлена на вред, а не на благо. В данном случае необходимо создавать условия для максимального поддержания осужденными социально полезных связей с внешним миром.

Исходя из вышеизложенного, следует обратить внимание на такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы. Представляется, что смысл и рациональность данного наказания теряются, поскольку:

а) исправление осужденного и возвращение его в нормальное общество ставятся под сомнение;

б) срок лишения свободы по совокупности преступлений и по совокупности приговоров составляет двадцать пять и тридцать лет соответственно, что может сравниться с пожизненным лишением свободы;

в) пожизненное лишение свободы является неоправданной мерой уголовно-правового воздействия как с социальной, нравственной, так и с экономической точки зрения.

В рамках гуманизации уголовного законодательства данная мера уместна только в случае замены смертной казни в качестве помилования. Отметим, что норма о смертной казни до сих пор не признана конституционной, в связи с этим необходимо говорить либо о существовании смертной казни, либо о ее исключении из уголовного закона.

Важную роль в системе наказания занимает арест. Данная мера государственного принуждения представляет собой альтернативу первому этапу лишения свободы. Полагаем, что целью ареста служит устрашение лица, совершившего преступление, путем его краткосрочной изоляции от общества и, как следствие, — превенция совершения новых преступлений. Данный вид наказания является эффективным средством в борьбе с преступностью, однако должны быть созданы необходимые условия для его широкой реализации на практике.

Как справедливо отмечает Н.С. Таганцев, «государство не может забыть, что, и совершая преступление, человек остается,

тем не менее, личностью; что член общезжития, посягая на установленные тем же общезжитием законы, не перестает быть связанным с обществом многозначными узами, что по необходимости должен будет возвратиться в него по отбытии наказания. Поэтому наказание должно быть направлено, насколько это достижимо, к возрождению в преступнике человека и полезного члена общества, направлено к развитию и укреплению в нем начал религии и нравственности, к искоренению в нем дурных привычек, к приучению его к труду и порядку» [14, с. 122].

В настоящее время решение вопросов, связанных с ресоциализацией осужденного, его социальной адаптацией, является одним из приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики. В частности, в пенитенциарной науке процесс ресоциализации осужденных выступает предметом всесторонних исследований, в том числе фундаментального характера.

Например, некоторые специалисты под ресоциализацией осужденных понимают систему юридических, организационных и иных мер, которая направлена на реализацию целей уголовного наказания, социализацию личности преступника, восстановление у него утраченных социально полезных связей, оказание ему содействия в бытовом и трудовом устройстве, защиту прав и законных интересов осужденных [15, с. 15]. Другие указывают на то, что ресоциализация осужденных — это достаточно долгий процесс, в основе которого лежит совокупность мер медицинского, педагогического, психологического и юридического характера [16, с. 102]; усвоение новых ценностей, ролей, навыков взамен прежних [17, с. 4].

Не вдаваясь в критический анализ и не умаляя значимости того или иного исследования, считаем справедливым суждение В.Е. Южанина, выделяющего три самостоятельные стадии ресоциализации: «допенитенциарная, пенитенциарная, постпенитенциарная, которые связаны между собой едиными содержанием и целями» [18, с. 24].

Представляется, что единство процесса ресоциализации обусловлено одним и тем же объектом воздействия — лицом с отклоняющимся поведением. Таким обра-

зом, под процессом ресоциализации лица с девиантным поведением необходимо понимать комплекс правовых, организационных, психологических, воспитательных и иных мер воздействия, осуществляемый государственными органами и институтами гражданского общества на различных этапах реализации уголовной ответственности, направленный на восстановление прав, свобод и законных интересов лиц (подследственных, подсудимых, осужденных), с целью возвращения их в социум и предупреждения рецидивной преступности.

Автором настоящей статьи совместно с А.А. Бровкиной был проведен опрос 140 осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В результате исследования выявлено следующее: 76 % респондентов считают целью наказания исключительно исправление, 10 % – восстановление социальной справедливости, 8 % – превенцию совершения новых преступлений, и лишь 6 % верят в ресоциализацию [19, с. 100].

Такой низкий показатель, относящийся к ресоциализации, связан, скорее всего, с отсутствием у лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, представления о понятии ресоциализации в силу отсутствия его определения на законодательном уровне.

Исправительная колония, в которой проводился опрос, является учреждением уголовно-исполнительной системы для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Таким образом, в отношении данной категории лиц одна или несколько из заявленных в УК РФ целей наказания не были достигнуты. Так, 82 % опрошенных полагают, что не достигнуто восстановление социальной справедливости, 15 % – предупреждение совершения новых преступлений («...отсутствовало чувство страха и ответственности за совершение повторного преступления»); 3 % осужденных, отрицая недостижимость целей уголовного наказания, виновными в совершении ими повторного преступления признали «жизненные обстоятельства» [19, с. 101].

Под последней формулировкой следует понимать именно процесс ресоциализации и социальной адаптации. Создание службы пробации остается лишь в теории, это позволяет утверждать о стихийности процесса включения бывшего осужденного в общество законопослушных граждан. Рассматриваемая категория лиц, даже со снятой или погашенной судимостью, имеет минимальный шанс на трудоустройство (не будем акцентировать внимание на иных гражданских правах).

Подводя итог настоящему исследованию, полагаем возможным определить современные перспективные направления гуманизации уголовной политики. К ним, в частности, относятся:

1. Снижение репрессивности уголовного закона (декриминализация ряда деяний, не представляющих повышенной общественной опасности в современных политических и экономических условиях; пересмотр отдельных положений УК РФ об установлении лишений и правоограничений для лица, признанного виновным в совершении преступления и отбывшего назначенное судом наказание в полном объеме; увеличение видов оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и др.);

2. Сокращение видов наказаний (реформирование системы наказаний, исключение не применяемых (смертная казнь), не эффективных с социально-экономической точки зрения (пожизненное лишение свободы) и «реанимация» перспективных, на наш взгляд, видов мер государственно-го принуждения (арест);

3. Сокращение сроков наказаний, предусмотренных санкциями норм уголовного закона.

4. Изменение условий отбывания наказаний (переориентация закрытых условий содержания осужденных на содержание в условиях, при которых режим исправительного учреждения включает обязательное обучение, обязательный труд; увеличение социально полезных связей).

5. Реализация различных программ по ресоциализации и социальной адаптации осужденных.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с.
2. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 640 с.
3. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
4. Педагогика. Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапацевич. Мн.: Современное слово, 2005. 740 с.
5. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. Мн.: Современное слово, 1998. 768 с.
6. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. 961 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеолог. выражений / Российская академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А-ТЕМП, 2010. 952 с.
8. Корнеев С.А. Сущность и формы реализации уголовной ответственности в соответствии с российским уголовным законом // Вестник Российской правовой академии. 2020. N 4. С. 102-110.
9. Хилjuta В.В. Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности // Российский журнал правовых исследований. 2019. N 3. С. 138-147.
10. Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / под общ. ред. В.П. Кашепова. М.: ИНФРА-М, 2015. 334 с.
11. Трахов А. Бессистемная система наказаний в УК РФ // Российская юстиция. 2000. N 9. С. 48-49.
12. Коняхин В.П. Общая часть уголовного права: поиски оптимального соотношения содержания и формы // Государство и право на рубеже веков: материалы всерос. конф. М., 2001. С. 51-56.
13. Меркурьев В.В., Звонov А.В. Концепция развития системы уголовных наказаний в России: тезисы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. N 2. С. 38-43.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: в 2 т. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 688 с.
15. Бабаян С.Л. К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. N 4. С. 13-19.
16. Заврина Е.Е., Чернышов Г.Н. Проблема ресоциализации осужденных // Инновационная экономика и право. 2017. N 2. С. 100-103.
17. Писарев В.Б. Ресоциализация освобожденных от отбывания наказания // Исполнение наказаний и социальная адаптация освобожденных: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. С. 3-11.
18. Южанин В.Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве. Рязань: РВШ МВД России, 1992. 100 с.
19. Бровкина А.А., Корнеев С.А. Ресоциализация осужденных как цель уголовного наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. N 1. С. 97-102.

References

1. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and educational. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 1209 p. (In Russ.).
2. Vasyukova I.A. Dictionary of foreign words. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 640 p. (In Russ.).
3. Philosophical dictionary. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 559 p. (In Russ.).
4. Pedagogy. Great modern encyclopedia. Minsk, Sovremennoe slovo Publ., 2005. 740 p. (In Russ.).
5. Yurchuk V.V. Modern dictionary of psychology. Minsk, Sovremennoe slovo Publ., 1998. 768 p. (In Russ.).
6. Barikhin A.B. Great legal encyclopedia. Moscow, Knizhny mir Publ., 2010. 961 p. (In Russ.).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, A-TEMP Publ., 2010. 952 p. (In Russ.).
8. Korneev S.A. The essence and forms of implementation of criminal liability in accordance with the Russian criminal law. Bulletin of the Russian Law Academy, 2020, no. 4, pp. 102-110. (In Russ.).
9. Hilyuta V.V. Punishment and criminal-legal impact: search for the optimal model of combating crime. Russian Journal of Legal Research, 2019, no. 3, pp. 138-147. (In Russ.).
10. Humanization of modern criminal legislation. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 334 p. (In Russ.).
11. Trakhov A. Unsystematic system of punishments in the Criminal Code of the Russian Federation. Russian justice, 2000, no. 9, pp. 48-49. (In Russ.).
12. Konyahin V.P. General part of criminal law: the search for the best balance of content and form. State and law at the turn of the century. Moscow, 2001. Pp. 51-56. (In Russ.).
13. Merkur'ev V.V., Zvonov A.V. The Concept of development of the penal system in Russia: theses. Criminology: yesterday, today, tomorrow, 2017, no. 2, pp. 38-43. (In Russ.).
14. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Part General. In 2 volumes. Vol. 2. Tula, Autograph Publ., 2001. 688 p. (In Russ.).
15. Babayan S.L. On the issue of post-penitentiary resocialization. Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction, 2016, no. 4, pp. 13-19. (In Russ.).

16. Zavrina E.E., Chernyshov G.N. The problem of resocialization of convicts. *Innovative Economy and Law*, 2017, no. 2, pp. 100-103. (In Russ.).

17. Pisarev V.B. Resocialization of those released from serving their sentences. Execution of punishments and social adaptation of the released. Moscow, 1990. Pp. 3-11. (In Russ.).

18. Yuzhanin V.E. The process of resocialization and its provision in criminal proceedings. Ryazan, 1992. 100 p. (In Russ.).

19. Brovkina A.A., Korneev S.A. Resocialization of convicts as the purpose of criminal punishment. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 97-102. (In Russ.).

ШУМСКИХ Ю.Л., SHUMSKIH Yu.L.,
y.l.shumskih@mail.ru y.l.shumskih@mail.ru
Кафедра юриспруденции; Chair of jurisprudence;
Бузулукский гуманитарно- Buzuluk Humanitarian
технологический and Technological Institute
институт (филиал) (Branch) of Orenburg State University,
Оренбургского государственного Komsomolskaya St. 112,
университета, Buzuluk, 461040,
461040, г. Бузулук, Russian Federation
ул. Комсомольская, 112

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЖЕСТОЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется эффективность ужесточения уголовной ответственности за коррупционные преступления, влияние несовершенства норм действующего уголовного законодательства на систему противодействия коррупции. Констатируется, что предпринимаемые меры, прежде всего связанные с ужесточением уголовного законодательства, ожидаемых результатов не приносят. Изменения и дополнения в уголовный закон должны носить системный характер, отвечать требованиям логической последовательности, обоснованности с точки зрения практики. Аргументируется отсутствие необходимости усиливать санкцию за преступления, предусмотренные статьями 141.1 и 184 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом более четкое определение признаков составов преступлений обеспечит возможность их установления правоприменителями и привлечения к ответственности виновных лиц. По мнению автора, установление запрета на применение условного осуждения к лицам, совершившим коррупционные преступления, позволило бы обеспечить реализацию принципа неотвратимости наказания.

Ключевые слова: коррупционное преступление; взяточничество; уголовная ответственность; неотвратимость наказания; противодействие коррупции.

Для цитирования: Шумских Ю.Л. Об эффективности ужесточения ответственности за коррупционные преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 82-89.

ON THE EFFECTIVENESS OF STRENGTHENING CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION

Annotation. The effectiveness of strengthening criminal liability for corruption, as well as the impact of imperfect norms of the current criminal legislation on the system of combating corruption are analyzed in the article. It is stated that the measures taken, primarily related to tightening criminal legislation, do not bring proper results. Changes and amendments to criminal legislation should be systematic and meet the requirements of logical consistency and validity from the practical point of view. The author of the article proves that there is no need to strengthen the sanctions for the crimes provided by Articles 141.1 and 184 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, more precise definition of the elements of crimes will provide the possibility of establishing the corpus delicti by law enforcement officers and bringing the perpetrators to justice. According to the author's opinion, the ban on applying the suspended sentence to persons who have committed corruption offences would ensure the implementation of the principle of inevitability of punishment.

Keywords: corruption offence; bribery; criminal liability; inevitability of punishment; combating corruption.

For citation: Shumskih Yu.L. On the effectiveness of strengthening criminal liability for corruption // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 82-89.

Коррупция является угрозой для любого государства, независимо от уровня его развития. Необходимость искоренения причин и условий, порождающих всякое коррупционное проявление, не вызывает

сомнений. К сожалению, Российская Федерация уже длительное время занимает высокое положение по уровню коррумпированности в рейтингах зарубежных организаций [1, с. 100]. В Стратегии националь-

ной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683*, отмечается, что коррупция является серьезным препятствием к устойчивому развитию государства и решению приоритетных задач национальной безопасности, представляет собой одну из основных угроз общественной и государственной безопасности нашей страны. В соответствии с настоящим документом, а также национальными планами противодействия коррупции предпринимаются меры по формированию в обществе атмосферы неприемлемости данного явления, повышению уровня ответственности за коррупционные преступления, совершенствованию правоприменительной практики в рассматриваемой области.

Вопросы юридической ответственности за коррупционные правонарушения регулируются как национальными, так и международными нормативными правовыми актами, например Конвенцией ООН против коррупции (принята Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.)**; Конвенцией по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (принята Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 г.)***; Конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию ETS N 173 (принята Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999 г.)**** и др.

Необходимо согласиться с тем, что на современном этапе в Российской Федерации сформирована правовая основа и созданы необходимые информационные, организационные, экономические, политические условия для противодействия коррупции, которые систематически корректируются, обновляются с учетом изменений, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества и государ-

ства. В то же время нельзя оставить без внимания то, что нормативные правовые акты, регулирующие отношения в исследуемой области, отличаются своей сложностью, противоречивостью, непостоянством, неопределенностью содержащихся в них терминов, формулировок и предписаний [2, с. 159-160].

В настоящее время в гуманитарных науках достаточно много внимания уделяется исследованию понятия, признаков и содержания коррупции, коррупционных преступлений, коррупционных правонарушений. К числу проблем, требующих разрешения, относятся вопросы эффективности ужесточения уголовной ответственности за коррупционные преступления, влияния несовершенства норм действующего уголовного законодательства в целом на систему противодействия коррупции.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит большое количество составов преступлений, которые по тем или иным признакам относятся к преступлениям в коррупционной сфере:

а) преступления безусловной коррупционной направленности (например, ст.ст. 141.1, 184, 204, 204.1, 204.2, 200.5, 200.7, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст.ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2);

б) преступления коррупционной направленности в случае наличия умысла на получение выгоды и (или) совершения преступления должностным лицом (например, пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, чч. 3, 4 ст. 159, чч. 3, 4 ст. 160, ст.ст. 170, 174, 174.1, 175, 201, 202, ч. 3 ст. 210, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, чч. 3, 4 ст. 229.1, чч. 3, 4 ст. 183, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ст.ст. 285, 285.1, 285.2, 285.3, чч. 1, 2, п. «в» ч. 3 ст. 286, ст.ст. 292, 294, 295, 296, 302, 305, 307, 309);

в) преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности при наличии условий получения должностным лицом, государственным или муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей или иного имущества (например, ст.ст. 159, 169, 178, 179).

Следует обратить внимание на то, что в Федеральном законе от 25 декабря

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 6. Ст. 622.

**** Бюллетень международных договоров. 2009. N 9.

2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»* (далее – Федеральный закон о противодействии коррупции) понятие коррупции раскрыто через перечисление общественно опасных противоправных деяний, за которые ст.ст. 285, 201, 290, 291, 204 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность. Следовательно, не все коррупционные проявления, за которые уголовным законом предусмотрена ответственность, охватываются понятием коррупции с точки зрения Федерального закона о противодействии коррупции. Отсутствие четкой терминологической основы в изучаемой сфере существенно затрудняет процесс правильной оценки коррупционных явлений, а также формирования и реализации системы эффективных антикоррупционных мер. В связи с этим необходимо провести систематизацию признаков коррупционных преступлений, предусмотренных действующим УК РФ, и отразить их в Федеральном законе о противодействии коррупции.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за коррупционные преступления, постоянно подвергаются изменениям и дополнениям под влиянием развития правовой политики России в сфере противодействия коррупции, а также в связи с рядом международных обязательств, которые Российская Федерация приняла на себя [3, с. 44]. При этом наблюдается тенденция ужесточения уголовной ответственности за коррупционные преступления, что является логичным ввиду серьезности проблемы и важности ее решения. Однако вносимые в УК РФ изменения и дополнения не всегда являются последовательными и обоснованными, что в конечном итоге сказывается на их эффективности.

Рассмотрим отдельные преступления, которые в соответствии с приведенной выше классификацией носят характер безусловной коррупционной направленности. В первоначальной редакции УК РФ содержал несколько статей, предусматривающих ответственность за такие преступления:

а) ст. 184 «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных

состязаний и зрелищных коммерческих конкурсов», которая в 2013 году после внесения соответствующих изменений стала называться «Оказание противоправного влияния на результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса»;

б) ст. 204 «Коммерческий подкуп»; ст. 289 «Незаконное участие в предпринимательской деятельности»;

в) ст. 290 «Получение взятки» и ст. 291 «Дача взятки».

В 2003 году в УК РФ была введена статья 141.1**, которая предусматривает ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума. В последующем статья неоднократно претерпевала изменения и дополнения (в 2005, 2011 и 2012 гг.), в том числе направленные на ужесточение наказания. Целью законодателя было установление дополнительной гарантии свободных, равных, демократических выборов, основанных, в первую очередь, на принципе законности, а ужесточение наказания должно было усилить ее превентивную функцию***. В связи с этим возникает вопрос об эффективности изменений и о том, достигнута ли цель снизить уровень коррупционных проявлений в рассматриваемой сфере через ужесточение уголовной ответственности.

Из анализа ежегодных сводных статистических сведений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации следует, что за преступления, предусмотренные ст. 141.1 УК РФ, с 2013 года не было осуждено ни одного

** О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федер. закон от 4 июля 2003 г. N 94-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 27 (ч. II). Ст. 2708.

*** Законодатели хотят увеличить штрафы за фальсификацию итогов голосования на выборах // Новгород.ру. 2012. 22 марта. URL: <https://news.novgorod.ru>

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 52 (ч. I). Ст. 6228.

лица*. На наш взгляд, это связано не с тем, что подобные преступления не совершаются. В средствах массовой информации периодически появляется информация о возбуждении уголовных дел по ст. 141.1 УК РФ, однако выявить и доказать причастность депутатов и политических партий к незаконному финансированию избирательных кампаний на практике не удавалось [4, с. 115]. Сложно доказать и наличие такого признака, как крупный размер. Хотя незаконное финансирование избирательной кампании и имеет место, однако для суда доказать наличие крупного ущерба практически не представляется возможным. Таким образом, лица, совершившие деяния, предусмотренные ст. 141.1 УК РФ, в лучшем случае привлекаются к административной ответственности, в худшем – остаются безнаказанными [5, с. 433].

Несомненно, уголовно-правовые средства являются неотъемлемым и важным элементом системы противодействия коррупции в избирательной сфере. Однако можно в полной мере согласиться с мнением о том, что при назначении наказания за нарушение избирательных прав граждан приоритет должен отдаваться не ужесточению наказания, а его неотвратимости [6, с. 35]. На наш взгляд, нет необходимости усиливать санкцию нормы, которая никогда не применялась, а предпосылки к тому, что она будет применяться, отсутствуют. Очевидно, что проблема состоит не в мягкости предусмотренного ст. 141.1 УК РФ наказания, а в отсутствии возможности на практике доказать наличие состава преступления.

Аналогичная ситуация складывается и в отношении ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результаты официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Согласно судебной статистике, в отечественной практике пока не было ни одного случая ее применения**. По результатам проведенных научных исследова-

ований, уголовно-правовая квалификация подобных деяний вызывает большие трудности, наличие состава преступления на практике не удается доказать [7, с. 701]. Однако за период действия уголовного закона в данную статью в 2013 и 2016 годах вносились изменения, в том числе направленные на ужесточение наказания.

Значительные изменения в УК РФ, связанные с противодействием коррупции, были внесены Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»***. В частности, были ужесточены меры ответственности за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), получение (ст. 290 УК РФ) и дачу взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ, включенная в уголовный закон в 2011 году), закреплена ответственность за посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1), установлена уголовная ответственность конкретно за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

Казалось бы, в рамках государственной политики по противодействию коррупции и международных обязательств Российской Федерации данные меры должны быть направлены на ужесточение ответственности за коррупционные преступления. Однако анализ санкций названных статей УК РФ позволяет сделать вывод о том, что в некоторых случаях у суда появилась возможность смягчения наказания в отношении лица, совершившего коррупционное преступление. В целом это не соответствует общей логике законодательства относительно усиления ответственности за коррупционные преступления. Формально суд может действовать в рамках правосудия, но при этом позволяет лицу, совершившему преступление, избежать справедливого наказания [8, с. 38]. На наш взгляд, отчасти это может содержать в себе провокацию очередного преступления.

Максимальный срок лишения свободы за мелкое взяточничество, предусмо-

* Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010-2020 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

** Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010-2020 годы.

*** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

тренный ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, равен одному году, а за мелкий коммерческий подкуп в соответствии с ч. 1 ст. 204.2 УК РФ лишение свободы в качестве наказания не предусмотрено. Не предусмотрен и такой вид наказания, как запрет занимать определенные должности. На наш взгляд, санкции ч. 1 ст. 291.2 и ч. 1 ст. 204.2 УК РФ долж-

ны предусматривать тождественные виды и сроки наказания. Установление запрета занимать определенные должности в случае совершения подобных коррупционных преступлений соответствовало бы общей логике законодательства, а также послужило бы эффективным сдерживающим фактором.

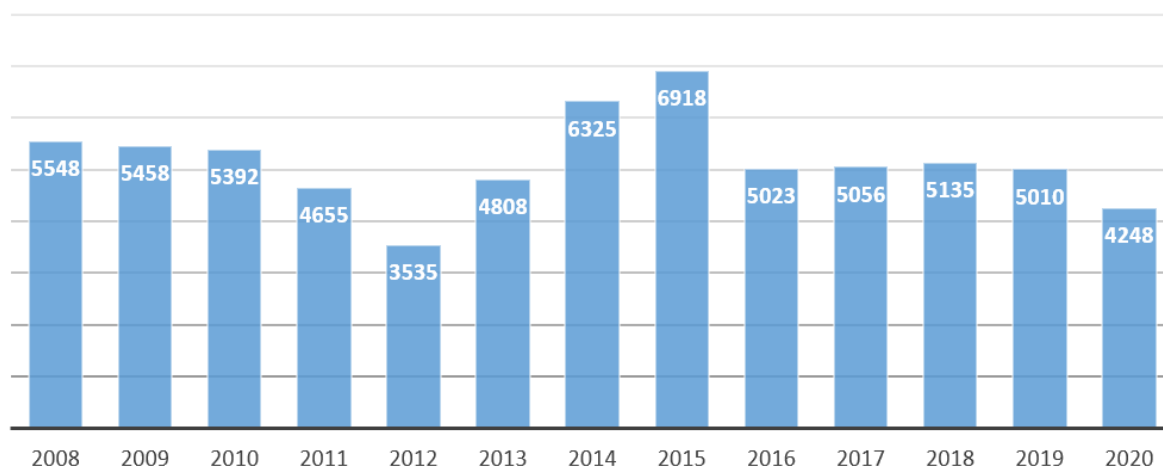

Рис. Число лиц, осужденных в России по статьям 290-291.2 УК РФ, за период с 2008 по 2020 год*

* Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010-2020 годы.

Анализ данных судебной статистики позволяет сделать вывод о том, что на протяжении 13 лет уровень коррупционных преступлений кардинально не менялся (см. рис.). Незначительное уменьшение количества коррупционных преступлений, предусмотренных ст.ст. 290-291.2 УК РФ, наблюдалось в 2020 году. Но при этом количество лиц, условно осужденных к лишению свободы, в 2020 году увеличилось и составило 20 % от общего количества осужденных по указанным статьям. Некоторое снижение уровня коррупционных преступлений в 2020 году можно объяснить устойчивым уменьшением их количества в системе правоохранительных органов. Однако, по данным Следственного комитета Российской Федерации, количество уголовных дел, возбужденных по фактам совершения коррупционных преступлений, увеличилось на 4 % по сравнению с 2019 годом.

Конечно, статистический подход к изучению уровня коррупционных проявлений позволяет выявить определенную

динамику их развития. Однако нет основания с полной уверенностью утверждать, что это объективные показатели, так как нельзя не учитывать и положительные результаты деятельности правоохранительных органов, и высокий уровень латентности коррупционных преступлений.

В связи с этим, на наш взгляд, интересным является исследование динамики развития коррупции с использованием других подходов, например анализа изменения Индекса восприятия коррупции в Российской Федерации за период с 2010 по 2020 год. Индекс восприятия коррупции ежегодно составляется неправительственной международной организацией по борьбе с коррупцией и исследованию ее уровня по всему миру Transparency International на основе опросов различных экспертов и представителей деловых кругов. Индекс восприятия коррупции ранжирует в разные годы 176-180 стран мира по шкале от 0 до 100 баллов, при этом 0 – самый низкий, а 100 – самый высокий индекс.

Таблица

**Индекс восприятия коррупции в Российской Федерации
за период с 2010 по 2020 год**

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Индекс восприятия коррупции	2,1	2,4	28	28	27	29	29	29	28	28	30
Место в ранжированном списке стран мира	154	143	133	127	136	119	131	135	138	137	133

Россия на протяжении многих лет занимает низкие позиции в ранжированном списке стран мира по уровню коррупции, а Индекс восприятия коррупции варьируется в разные годы от 2,1 до 30 баллов*. Таким образом, данные о динамике Индекса восприятия коррупции и о судебной статистике свидетельствуют о том, что предпринимаемые меры по противодействию коррупции, прежде всего связанные с ужесточением уголовного законодательства, должных результатов не приносят.

Н.А. Лопашенко справедливо утверждает, что увеличение максимального наказания за коррупционные преступления вряд ли будет способствовать в полной мере борьбе с коррупцией. «Даже очень большие сроки лишения свободы в качестве наказания за содеянное — не препятствие для влиятельных подсудимых в деле поиска путей выхода на свободу» [9, с. 455].

Среди основных принципов противодействия коррупции названы законность и неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений. Как отмечает Генеральный прокурор Российской Федерации И. Краснов, «...нельзя однозначно назвать эффективным усиление лишь карательных мер уголовно-правовой репрессии в отношении коррупционеров. Опыт показывает, что результативность борьбы с преступностью определяется не столько суровостью наказания, сколько его неотвратимостью» [10]. Учитывая высокий уровень латентности

коррупционных преступлений, а также тот факт, что значительная часть лиц, привлеченных к уголовной ответственности, получает условное осуждение, вряд ли можно говорить о полноценной реализации принципа неотвратимости наказания.

В августе 2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 73 Уголовного кодекса Российской Федерации в части отмены применения условного осуждения к лицам, совершившим коррупционные преступления», который направлен в первую очередь на обеспечение неотвратимости наказания за коррупционные преступления. В проекте закона предлагалось установить непосредственный запрет на назначение условного осуждения за преступления коррупционной направленности, а именно: злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях; совершение коммерческого подкупа; превышение должностных полномочий; незаконное участие в предпринимательской деятельности; получение взятки и т.д. Но по некоторым причинам законопроект был возвращен субъекту, выступившему с законодательной инициативой. На наш взгляд, настоящий проект закона предусматривал действенный способ ужесточения уголовной ответственности, основанный не на ужесточении санкции, а действительно на обеспечении неотвратимости наказания.

Изменения, вносившиеся в УК РФ, как правило, имели неупорядоченный, несколько спонтанный характер. Отсутствуют четко спланированные системные действия

* Индекс восприятия коррупции за период 2010-2020 годы // Transparency International — Россия: сайт. URL: <https://transparency.org.ru>

в данном направлении, которые согласовывались бы с иными мерами противодействия коррупции. Возможно, это позволило бы избежать излишних мер в сфере борьбы с коррупцией, их дублирования и наложения. На это неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая, что нормы УК РФ должны соответствовать критериям определенности, ясности, конкретности и недвусмысленности*. Вносимые в УК РФ изменения должны быть научно обоснованными. Если правовую норму невозможно однозначно толковать, нет возможности ее четкой реализации, то она «обречена» быть невосстановленной правоприменителем.

Следует полностью согласиться с Н.А. Лопашенко в том, что уголовно-правовых мер противодействия коррупции в настоящее время вполне достаточно, и нужно вести речь о повышении качества уголовного законодательства [9, с. 421]. На наш взгляд, наступило время, когда необходимо вести работу не столько в направлении ужесточения законодательства, сколько над качеством правовых норм, реализацией принципа неотвратимости наказания, проведением комплексных мер по противодействию коррупции и достижением их максимальной эффективности, над повышением общего уровня правовой культуры и правового сознания, вовлечением в борьбу с коррупцией всех институтов гражданского общества, формированием нетерпимого отношения к коррупции в целом.

В средствах массовой информации, сети Интернет постоянно появляется информация о фактах коррупции. Активную работу по выявлению коррупционных проявлений ведут общественные организации, журналисты проводят собственные расследования. Однако позиция гражданского общества, гражданский контроль должны находить соответствующую поддержку со стороны органов государственной власти. Выявленные случаи коррупции должны получать адекватную оценку, гласное рас-

следование, лица, совершившие коррупционные преступления, — нести заслуженное наказание. Все это в комплексе будет способствовать решению задачи по снижению уровня коррупции в современной России, повышению доверия общества к государству и органам власти.

Таким образом, следует сформулировать несколько выводов.

Данные о динамике Индекса восприятия коррупции и судебная статистика свидетельствуют о том, что на протяжении длительного периода времени коррупция в Российской Федерации продолжает находиться на высоком уровне. Ужесточение уголовной ответственности, несомненно, является одним из основных и необходимых средств противодействия коррупции. Однако внесение изменений и дополнений в уголовный закон должно носить системный характер, отвечать требованиям логической последовательности, обоснованности с точки зрения практики.

Нормы УК РФ и Федерального закона о противодействии коррупции должны содержать тождественные признаки коррупционных проявлений, что положительно повлияет на процесс правильной оценки коррупционных правонарушений, выработку верных и эффективных средств борьбы с ними.

Отсутствует необходимость усиливать санкции за преступления, предусмотренные ст.ст. 141.1 и 184 УК РФ. Следует усовершенствовать диспозиции этих норм, более четко определить признаки составов преступлений, чтобы обеспечить возможность их установления на практике и привлечения к ответственности виновных лиц.

В рамках общей тенденции усиления ответственности за коррупционные преступления законодательство необоснованно предоставляет возможность смягчения наказания по усмотрению суда в некоторых случаях в отношении виновного лица. Санкции ч. 1 ст. 291.2 и ч. 1 ст. 204.2 УК РФ должны предусматривать тождественные виды и сроки наказания, а также возможность применения к виновному лицу запрета занимать определенные должности.

Установление в ст. 73 УК РФ запрета на применение условного осуждения к лицам, совершившим коррупционные преступления, представляется одним из

* Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 янв. 2004 г. N 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 6. Ст. 450; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2004 г. N 11-П // Там же. N 24. Ст. 2476.

действенных способов ужесточения уголовной ответственности, основанных не на ужесточении санкции, а на обеспечении неотвратимости наказания.

Список литературы

1. Липинский Д.А. К вопросу о понятии коррупционного нарушения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 3. С. 100-108.
2. Козлов Т.Л. Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. 2020. N 5. С. 158-166.
3. Коваль А.В. Дифференциация ответственности за взяточничество в Уголовном кодексе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 3. С. 43-49.
4. Фефилин С.В. Законодательное ограничение нарушений в сфере финансирования избирательных кампаний в России // Ярославский педагогический вестник. 2010. N 3. С. 113-116.
5. Камалов Р. Крупный размер как проблемный вопрос объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 141.1 УК РФ [Электронный ресурс] // Государство и право в изменяющемся мире: материалы науч.-практ. конф., Н. Новгород, 5 марта 2015 г. М., 2016. С. 432-435. URL: <http://elibrary.ru>
6. Турищева Н.Ю. Итоги выборов 2011-2012 гг.: усиление экономической составляющей уголовной и административной репрессии // Современное право. 2012. N 11. С. 34-37.
7. Фоменко Е.В., Станкевич А.М. Оказание влияния в форме подкупа: уголовная ответственность в спорте // Современные проблемы науки и образования. 2015. N 2 (ч. 2). С. 701-702.
8. Джинджолия Р.С., Криеренко А.В. Уголовно-правовая норма как фактор противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. N 3. С. 37-40.
9. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
10. Егоров И. Прививка от коррупции // Рос. газ. 2020. 8 дек.

References

1. Lipinsky D.A. To the question of the concept of corruption offence. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2017, no. 3, pp. 100-108. (In Russ.).
2. Kozlov T.L. Prospects for the development of Russian anti-corruption legislation. Journal of Russian law, 2020, no. 5, pp. 158-166. (In Russ.).
3. Koval' A.V. Differentiation of liability for bribery in the Criminal code of the Russian Federation: problems and prospects. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 3, pp. 43-49. (In Russ.).
4. Fefilin S.V. Legislative limitation of violations in the field of campaign finance in Russia. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 2010, no. 3, pp. 113-116. (In Russ.).
5. Kamalov P. Large size as a problematic issue of the objective side of the corpus delicti under Art. 141.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource]. State and law in a changing world. Moscow, 2016. Pp. 432-435. Available at: <http://elibrary.ru> (In Russ.).
6. Turishcheva N.Yu. Results of the 2011-2012 elections: strengthening the economic component of criminal and administrative repression. Modern Law, 2012, no. 11, pp. 34-37. (In Russ.).
7. Fomenko E.V., Stankevich A.M. Influence in the form of bribery: criminal responsibility in sport. Modern problems of science and education, 2015, no. 2 (part 2), pp. 701-702. (In Russ.).
8. Dzhindzholiya R.S., Krierenko A.V. Criminal law as a factor in combating corruption. Russian investigator, 2017, no. 3, pp. 37-40. (In Russ.).
9. Lopashenko N.A. Criminal policy. Moscow, Walters Kluver Publ., 2009. 608 p. (In Russ.).
10. Egorov I. Vaccination against corruption. Russian newspaper, 2020, 8 December. (In Russ.).

ТЕПЛЕНКО А.Н.,
teplenkouly2014@mail.ru
Следственный отдел;
Межмуниципальный отдел
Министерства внутренних дел
Российской Федерации «Кыштымский»,
456870, г. Кыштым,
ул. Красной Звезды, 97

TEPLENKO A.N.,
teplenkouly2014@mail.ru
Investigation Department;
Kyshtym Intermunicipal Department
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Krasnaya Zvezda St. 97,
Kyshtym, 456870,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на расследование уголовных дел с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Основной исследуемый вопрос – проблемы, связанные с правовым положением иностранных граждан и лиц без гражданства, которые возникают в ходе предварительного следствия с их участием. Высказываются предложения по совершенствованию деятельности органов предварительного следствия и дознания при организации расследования с участием лиц данной категории. Уделяется внимание качеству законодательства, регламентирующего права и законные интересы иностранных граждан и лиц без гражданства, вовлекаемых в уголовный процесс в Российской Федерации. Обосновывается необходимость совершенствования института иностранных граждан и лиц без гражданства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранный гражданин; лицо без гражданства; предварительное расследование; правовое положение иностранных граждан.

Для цитирования: Тепленко А.Н. Особенности правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, влияющие на расследование уголовных дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 90-100.

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS AFFECTING CRIMINAL INVESTIGATION

Annotation. The factors affecting the investigation of criminal cases involving foreign citizens and stateless persons are analyzed in the article. The main issue under study is the problems related to the legal status of foreign citizens and stateless persons that arise during the preliminary investigation involving their participation. The author of the article makes some suggestions to improve the activities of the preliminary investigation bodies when organizing the investigation involving foreign citizens and stateless persons. Attention is paid to the quality of the legislation regulating the rights and legitimate interests of foreign citizens and stateless persons involved in criminal proceedings in the Russian Federation. The need to improve the institution of foreign citizens and stateless persons in criminal procedure of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: foreign citizen; stateless person; preliminary investigation; legal status of foreign citizens.

For citation: Teplenko A.N. Peculiarities of the legal status of foreign citizens and stateless persons affecting criminal investigation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 2 (56). P. 90-100.

Согласно статистическим данным, только в первом в квартале 2021 года на миграционном учете в Российской Федерации находилось 1 983 087 иностранных граждан и лиц без гражданства, в то время как в 2020 году на учет было постав-

лено 9 802 448 лиц указанной категории*. Приведенные данные свидетельствуют о

* См.: Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – март 2021 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>

существенном количестве иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на территории Российской Федерации. При этом они нередко становятся участниками уголовного судопроизводства. По данным МВД России, в 2020 году лицами рассматриваемой категории на территории Российской Федерации совершено 34,4 тыс. преступлений, что на 1,5 % меньше, чем в 2019 году. При этом количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020 году по сравнению с предыдущим годом сократилось на 4,9 % и составило 16 тыс.* Снижение приведенных показателей в 2020 году обусловлено распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), в связи с которой существенно сократились миграционные потоки.

Участие иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном судопроизводстве вносит определенную специфику в процесс расследования, что подтверждается правоприменительной практикой и мнениями некоторых авторов [1, с. 20].

Таким образом, в связи с актуальностью рассматриваемого вопроса, затрагивающего организацию расследования преступлений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, следует обратить внимание на возникающие в процессе расследования проблемы, а также определить пути их разрешения.

Как справедливо отмечает О.И. Александрова, органы дознания и предварительного следствия, расследуя уголовные дела с участием иностранных граждан, сталкиваются с рядом дополнительных трудностей, которые обусловлены правовым статусом иностранцев в Российской Федерации [2, с. 5]. Учеными выделяется три фактора, имеющих значение для планирования и организации расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: правовой статус иностранного гражданина, возможный языковой барьер, определенные психологические факторы [3, с. 961]. В свою очередь, Б.В. Яким-

* См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 г.; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>

чук к таким условиям относит языковой барьер; личностные характеристики иностранца – этнически-национальные, социальные и психологические [4, с. 28].

Следует согласиться с настоящими мнениями, так как перечисленные факторы, без сомнения, влияют на ход расследования, а также на выбор тактики и методики проведения отдельных следственных действий. Важно отметить, что в некоторых случаях возникает необходимость привлечения в ходе расследования дополнительных участников уголовного судопроизводства, к которым надлежит отнести защитников, переводчиков, специалистов, представителей участников уголовного судопроизводства и т.д.

Изучение данной проблемы требует обращения к многочисленным нормативным правовым актам** и нормам международного права***, определяющим правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства. Также следует учитывать наличие дополнительных гарантий соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, таких как обязательное участие защитника в случае, если подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу (п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), либо возможность бесплатно пользоваться помощью переводчика в случае невладения или недостаточного владения языком, на котором ведется уголовное судопроизводство (ч. 2 ст. 18 УПК РФ).

Кроме этого, особенностью процесса расследования уголовных дел данной категории является взаимодействие с такими органами, как МИД России – по вопросам определения объемов и наличия дипломатического иммунитета (ч. 2 ст. 3 УПК РФ), Генеральная прокуратура Российской Федерации – при направлении запроса о правовой помощи (п. 4 ч. 3 ст. 453 УПК РФ), а также с международными государственными органами, в част-

** См., например: О беженцах: федер. закон от 19 февр. 1993 г. N 4528-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 12. Ст. 425.

*** Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г.) // Рос. газ. 1998. 10 дек.

ности с консульскими учреждениями и дипломатическими представительствами иностранных государств и международных организаций — в рамках обмена информацией (ч. 2 ст. 3 УПК РФ), подразделениями Интерпола — при оказании международной правовой помощи (ч. 1 ст. 453 УПК РФ).

Правоохранительная деятельность свидетельствует о том, что в некоторых случаях лицо, осуществляющее расследование уголовных дел с участием иностранных лиц, не в полной мере принимает во внимание специфику субъекта в уголовном процессе. Между тем ее учет является важным элементом расследования уже на первоначальном этапе документирования преступной деятельности. Игнорирование особенностей характеристики иностранного субъекта может привести к процессуальным нарушениям в будущем, как на стадиях досудебного и судебного производства, так и на стадии исполнения приговора.

Примером может быть ситуация, когда дознаватель в ходе допроса в качестве свидетеля лица, которое не владеет русским языком, но дает показания на ином языке, производит следственное действие без участия переводчика. При этом составляется протокол допроса на русском языке без приложения показаний свидетеля на языке, которым он владеет, в связи с чем были нарушены требования ст. 18 УПК РФ. После этого указанный протокол приобщается к материалам соответствующего уголовного дела, а показания свидетеля образуют основу обвинения. В результате в ходе судебного разбирательства по уголовному делу указанные нарушения норм УПК РФ привели к отмене ранее вынесенного приговора суда и направлению уголовного дела на новое рассмотрение*.

С целью повышения эффективности расследования преступлений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства рассмотрим отдельные аспекты, на которые необходимо обратить особое внимание лицам, производящим предварительное расследование, и определить воз-

можные пути решения возникающих в связи с данными обстоятельствами проблем.

К указанным аспектам следует отнести:

1. Установление правового положения и статуса иностранного гражданина или лица без гражданства.

Согласно нормам международного права иностранец — это любое лицо, не являющееся гражданином государства, в котором оно находится**. Указанное определение позволяет широко толковать данный термин и не всегда применимо в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации, так как не содержит различия между понятиями «иностранец» и «лицо без гражданства».

В соответствии с отечественным законодательством иностранец — физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства; лицо без гражданства — физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства***.

Таким образом, следует установить наличие либо отсутствие гражданства у участников уголовного процесса, поскольку данное обстоятельство имеет правовое значение. Например, иностранец в уголовном процессе Российской Федерации имеет некоторые преимущества перед лицом без гражданства. Согласно ч. 3 ст. 96 УПК РФ дознаватель, следователь не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого, являющегося гражданином или подданным другого государства, уведомляет о задержании посольство или консульство этого государства, в то время как в отношении лица без гражданства это не всегда применяется.

** Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята 13 дек. 1985 г. Резолюцией 40/144 на 116-ом пленарном заседании 40-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3032.

* См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 29 июля 2020 г. по делу N 22-1018/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

Кроме этого, следует устанавливать наличие двойного или множественного гражданства как у лиц, являющихся гражданами Российской Федерации (ч. 2 ст. 62 Конституции Российской Федерации), так и у лиц, являющихся гражданами зарубежных стран, что, в свою очередь, также может повлиять на ход расследования преступлений.

В процессе установления государственной принадлежности иностранного гражданина, в первую очередь, необходимо обращать внимание на отношение данного лица к государству, гражданином которого оно является, так как в отдельных случаях это может иметь значение. В частности, если гражданин иностранного государства, имеющий гражданство иного государства (двойное или множественное гражданство)*, пользующийся иммунитетом, например как член персонала международной организации**, привлекается при расследовании в качестве свидетеля, то придать такой статус и получить свидетельские показания от данного лица в качестве свидетеля не всегда возможно ввиду отсутствия согласия на это международной организации, членом персонала которой оно является или являлось (ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

В свою очередь, вид иммунитета и его объем необходимо устанавливать с помощью запросов в МИД России (ч. 2 ст. 18 УПК РФ), и это является еще одним подтверждением наличия некоторых особенностей расследования с участием иностранных граждан. Кроме того, данное обстоятельство влияет на ход расследования и затрагивает процессуальные сроки (ст. 6.1 УПК РФ), требует от следователя и дознавателя соответствующих знаний в области международного сотрудничества в рамках правоохранительной деятельности (глава 53 УПК РФ).

Участие иностранных граждан и лиц без гражданства в уголовном судопроиз-

водстве требует от лиц, проводящих расследование, обращения не только к отечественному законодательству, но и к нормам международного права, например универсальным международным актам и соответствующим международным договорам Российской Федерации.

К универсальным международным актам следует отнести перечень иммунитетов дипломатических представителей иностранных государств, установленных Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.***, либо иммунитет лиц, находящихся на территории Российской Федерации в соответствии с договорами о правовой помощи, определяемый Европейской конвенцией о взаимной помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г.****

Примером двусторонних международных договоров является Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Болгарией, ст.ст. 18 и 19 которой наделяют иммунитетом от уголовной юрисдикции Российской Федерации и личной неприкосновенностью, наравне с консульскими должностными лицами и членами их семей, также консульских служащих и членов их семей, если они проживают вместе с ними и не являются гражданами Российской Федерации*****.

С учетом складывающейся в настоящее время международной обстановки и происходящих на постсоветском пространстве политических изменений при определении правового положения иностранного лица могут возникнуть определенные сложности, что влияет на процесс расследования.

*** См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955-1991 гг.: сб. правовых актов. М.: Спарк, 1997. С. 214-225.

**** Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам ETS N 030 (Страсбург, 20 апр. 1959 г.). Вступила в силу для России 2 марта 2000 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

***** Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Болгарией (София, 7 сент. 1995 г.). Конвенция ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 15 дек. 1996 г. N 153-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 23. Ст. 2665.

* Европейская конвенция о гражданстве (Страсбург, 6 нояб. 1997 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Конвенция ООН о привилегиях и иммунитетах Объединенных наций (Принята резолюцией 22 А Генеральной Ассамблеи ООН от 13 февр. 1946 г.) // Там же.

Таким примером может служить Республика Южная Осетия. Данное государство на протяжении длительного времени (1991-2008 гг.) не признавалось мировым сообществом как суверенное. Лишь 26 августа 2008 г. Российская Федерация признала независимость Южной Осетии*.

Соответственно, должностному лицу, проводящему расследование, в процессе установления государственной принадлежности иностранного гражданина или лица без гражданства требуется дополнительное обращение к нормам международного права, к государственным органам Российской Федерации и зарубежных стран, привлечение к участию в расследовании уголовного дела специалистов в данной области. Для этого необходимы определенные квалификация, знания, подготовка.

Решение указанных проблем возможно путем установления специализации должностных лиц на расследовании преступлений данного вида и привлечения представителей иностранных граждан как участников уголовного судопроизводства (в качестве специалистов, экспертов, переводчиков, свидетелей) из числа дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, расположенных на территории Российской Федерации. Данные лица необходимы для дачи соответствующих разъяснений, предоставления документов, разъяснения прав и обязанностей участникам уголовного судопроизводства, участия в качестве представителей иностранных граждан (представитель свидетеля, представитель потерпевшего, представитель частного обвинителя и т.д.).

2. Установление оснований и законности пребывания на территории Российской Федерации иностранного лица и лица без гражданства.

Согласно Федеральному закону от 15 августа 1996 г. N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»** и Федераль-

ного закона от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»***, а также отдельным международным договорам Российской Федерации и иным нормативным правовым актам, с целью определения законности пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства следует установить основания нахождения данных лиц на территории Российской Федерации.

Уточнение этих аспектов позволяет лицу, производящему расследование, определить законность пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации, что в дальнейшем может иметь существенное значение в ходе расследования. Примером может служить процедура депортации в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, срок проживания или временного пребывания которого в Российской Федерации сокращен, аннулированы разрешение на временное проживание либо вид на жительство****.

Установление законности пребывания на территории Российской Федерации позволит выявить иные правонарушения и преступления, совершенные иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации, отследить маршрут передвижения данных лиц, установить цель пребывания, собрать полный характеризующий материал о личности иностранного гражданина или лица без гражданства, определить органы власти, с которыми ранее взаимодействовали данные лица, с целью направления соответствующих запросов, выяснить более широкий круг общения указанных лиц. Данная информация будет способствовать сбору дополнительных сведений о личности иностранного гражданина или лица без гражданства.

3. Определение сроков пребывания на территории Российской Федерации

* О признании Республики Южная Осетия: указ Президента Российской Федерации от 26 авг. 2008 г. N 1261 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 34. Ст. 4029.

*** Там же. 2006. N 30. Ст. 3285.

**** Порядок депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами: утв. приказом МВД России от 24 апр. 2020 г. N 239. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

иностранного лица или лица без гражданства.

На основании Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» можно выделить несколько видов иностранных граждан в зависимости от срока их нахождения на территории Российской Федерации:

1) временно пребывающие:

– временно пребывающие в визовом порядке – срок нахождения на территории по общему правилу соответствует сроку визы;

– временно пребывающие в безвизовом порядке – сроком до 90 дней, или в сумме в течение каждого периода – 180 суток;

2) временно проживающие – до трех лет нахождения на территории Российской Федерации;

3) постоянно проживающие [5, с. 14].

Установление временных границ, возможности пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации также напрямую может повлиять на ход расследования, поскольку несвоевременное проведение необходимых следственных и процессуальных действий влечет нарушение процессуальных сроков расследования, сказывается на полноте собранных по уголовному делу доказательств (ст. 6.1 УПК РФ).

Примером может быть завершившийся срок пребывания на территории Российской Федерации свидетеля, являющегося иностранным гражданином, в случае необходимости проведения следственных действий с его участием. Отсутствие на территории Российской Федерации данного гражданина ведет к обращению к органам власти зарубежных стран с запросом о правовой помощи (ст. 456 УПК РФ) и влечет нарушение разумных сроков расследования (ст. 6.1 УПК РФ).

А.Н. Васильев не относит кратковременность нахождения иностранного лица, участвующего в процессе расследования, к существенным обстоятельствам, способным повлиять на ход расследования уголовного дела. Он считает данные обстоятельства лишь частью ежедневной деятельности следователя по элементарным логическим последовательным действиям,

правильному их выбору и использованию простых технических средств [6, с. 12-13].

Однако с этим утверждением нельзя согласиться, так как изложенная модель автора не учитывает всех особенностей субъекта уголовного процесса. По нашему мнению, кратковременность пребывания иностранного лица на территории Российской Федерации является существенным фактором, влияющим на процесс расследования, что также отмечают С.А. Хмелев [7, с. 116], А.И. Земскова [8, с. 93], Т.Ю. Филиппова [9, с. 60].

Примером указанных проблем может быть поиск и привлечение к участию в следственных действиях переводчика, владеющего малораспространенным языком или диалектом. Решение только этого вопроса требует от лица, проводящего расследование, значительного времени, сил и средств для организации и проведения следственных действий в связи с отсутствием на сегодняшний день единой базы переводчиков, привлекаемых к участию в уголовном процессе, классификации их по знанию языков, возможности выбора и проверки квалификации переводчика, действующего алгоритма поиска и привлечения переводчиков вне зависимости от того, где находится место производства расследования.

В правоприменительной практике данная проблема широко распространена, особенно на территориях Российской Федерации, являющихся малонаселенными. Поиск и привлечение переводчика в уголовный процесс могут осуществляться длительное время, а срок пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации в этот период истекает и в результате становится невозможным проведение следственных действий с их участием.

Таким образом, процесс установления сроков пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства на территории Российской Федерации оказывает существенное влияние на ход расследования уголовного дела и должен находиться в зоне внимания следователя или дознавателя.

4. Определение степени владения иностранным гражданином или лицом без

гражданства языком, на котором производится уголовное судопроизводство.

Иностранцы и лица без гражданства, участвующие в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации, не всегда в полной мере имеют возможность реализовать свои процессуальные права и обязанности, что может быть обусловлено некоторыми обстоятельствами, а именно:

1). Невладение или недостаточное владение иностранцами или лицами без гражданства языком уголовного судопроизводства приводит к отсутствию у них возможности самостоятельно представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с их участием, и подавать на них замечания, приносить жалобы, знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с его заключением, знакомиться по окончании расследования со всеми материалами уголовного дела, ходатайствовать о применении мер безопасности и т.д.

Невозможность использования иностранцами или лицами без гражданства указанных прав напрямую связана с соблюдением норм УПК РФ по обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Очевидно, что нарушение принципа языка уголовного судопроизводства приводит к недопустимости собранных доказательств по уголовному делу*.

Именно поэтому лицу, проводящему предварительное расследование, уже на начальной стадии необходимо выяснить степень владения иностранцами или лицами без гражданства языком уголовного судопроизводства, а также определить, каким языком и в какой мере владеет участник процесса; необходимость вовлечения в процесс переводчика, владеющего языком, на котором говорит иностранцы и лица без гражданства; степень компетентности переводчика; ознакомить пере-

водчика с обстоятельствами, характеризующими события и личность иностранца или лица без гражданства, а также с процессуальным порядком уголовного судопроизводства как в целом, так и при производстве отдельных следственных и процессуальных действий, и т.д.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует регламентация порядка поиска, привлечения, проверки компетентности и возможности выбора переводчиков в целях вовлечения в уголовное судопроизводство. Данное бремя лежит на лице, производящем расследование, что, по нашему мнению, малоэффективно и не в полной мере соответствует принципам уголовного судопроизводства. В связи с этим представляется необходимым закрепление на законодательном уровне алгоритма привлечения переводчика в уголовный процесс.

2). Лицо, производящее предварительное расследование, не всегда в полной мере разъясняет смысл положений УПК РФ, касающихся процессуальных прав и обязанностей участника уголовного судопроизводства, и это приводит к малой процессуальной осведомленности иностранных граждан и лиц без гражданства.

Исходя из складывающейся правоприменительной практики, с одной стороны, это может облегчить процесс расследования для следователя или дознавателя, так как незнание иностранцами или лицами без гражданства своих процессуальных прав и обязанностей не позволит в полной мере осуществить их реализацию в ходе уголовного судопроизводства, например путем подачи жалобы, заявления, ходатайства, постановки вопросов эксперту и т.д.

С другой стороны, эти обстоятельства могут привести к существенным нарушениям права на защиту участников уголовного судопроизводства. Примером могут служить случаи обжалования проведенных процессуальных и следственных действий по причине нарушений права на защиту и принципа языка уголовного судопроизводства, когда иностранцу гражданину или лицу без гражданства не вручаются копии переводов процессуальных документов на языке, которым владе-

* См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 29 июля 2020 г. по делу N 22-1018/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

ет соответствующий участник уголовного процесса (ст. 18 УПК РФ).

Указанные недостатки должны быть учтены на стадии сбора первоначально материала и процессуальной проверки (ст.ст. 144-145 УПК РФ), что позволит в дальнейшем, при расследовании уже возбужденного уголовного дела и в рамках судебного производства не допустить нарушений норм УПК РФ*.

Нельзя не согласиться с мнением Т.Ю. Филипповой о том, что привлечение к участию по уголовным делам лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь иностранным гражданам, должно осуществляться на всех стадиях уголовного судопроизводства [10, с. 65].

Данную проблему, помимо переводчика, могут решить представители иностранных граждан и лиц без гражданства. Представителями иностранных граждан и лиц без гражданства могут выступать как адвокаты, так и иные лица из числа близких родственников, знакомых, юристов, иностранных граждан, владеющих русским языком и знающих законодательство Российской Федерации. Это существенно увеличит обеспечение защиты прав и законных интересов иностранных граждан и лиц без гражданства.

Указанную точку зрения также поддерживает ряд отечественных ученых, высказываясь в пользу расширения возможностей представительства иностранных граждан, вовлекаемых в уголовный процесс в России. В частности, О.А. Ходукина считает возможным привлечение представителей общественности в качестве представителей в уголовное судопроизводство, что позволит усилить демократическое содержание и общественное начало в УПК РФ [11, с. 47].

В свою очередь, Н.Е. Шинкевич обращает внимание на возможность привлечения в уголовный процесс в качестве представителей юристов правозащитных общественных организаций, студентов-старшекурсников юридических факультетов, квалифицированных юристов, ока-

зывающих бесплатную правовую помощь социально незащищенным гражданам в рамках деятельности юридических клиник [12, с. 57]. Кроме того, не исключена возможность возвращения в действующий УПК РФ положений об общественных защитниках как одной из форм представительства [13, с. 139].

Данные суждения авторов не лишены логики, однако их предложения требуют детального изучения в рамках совершенствования института представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. По нашему мнению, нельзя оставить без внимания и возможность привлечения в уголовный процесс Российской Федерации иностранных адвокатов в качестве представителей иностранных граждан.

Действующий УПК РФ не во всех случаях предусматривает обязательное участие представителей иностранных граждан или лиц без гражданства в уголовном судопроизводстве, поэтому следователь или дознаватель может не уделять данному факту особого внимания, что в итоге способно привести к нарушениям прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, затягиванию процессуальных сроков расследования, жалобам, признанию недопустимости собранных доказательств и т.д.

5. Определение процессуального статуса иностранного гражданина и лица без гражданства как участника уголовного судопроизводства.

Иностранные граждане и лица без гражданства, вовлеченные в процесс расследования уголовных дел, могут выступать в нем лишь в качестве некоторых участников уголовного судопроизводства, таких как потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, свидетель, подозреваемый, обвиняемый, законный представитель и т.д.

Исходя из процессуального статуса иностранного гражданина или лица без гражданства, следователь или дознаватель обязан предпринять необходимые меры по соблюдению требований уголовно-процессуального закона относительно участия данной категории лиц в уголовном судопроизводстве, а также предусмотреть дополнительные гарантии их процессуальных

* См.: Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 20 авг. 2020 г. N 22-1852/2020 по делу N 4/1-95/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

прав, привлекать необходимых участников уголовного судопроизводства, учитывать специфику тактики и методики проведения как отдельных следственных действий, так и всего процесса расследования.

Примером может служить вызов свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, находящихся за пределами территории Российской Федерации (ст. 456 УПК РФ).

Кроме того, необходимо помнить, что в нормах международного права также могут содержаться положения, регламентирующие статус иностранного гражданина, вовлекаемого в уголовное судопроизводство в Российской Федерации, которые необходимо учитывать в процессе расследования.

Например, Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. устанавливает некоторые особенности вовлечения в уголовный процесс иностранных граждан в зависимости от их процессуального статуса (статус свидетеля, потерпевшего или эксперта).

Таким образом, следует констатировать, что правовой статус иностранного гражданина или лица без гражданства, являющегося участником уголовного судопроизводства, оказывает влияние и на его уголовно-процессуальный статус в рамках расследования.

б. Установление психологических особенностей иностранного гражданина и лица без гражданства.

Как справедливо отмечает Т.Ю. Филиппова, изучение психологических свойств личности иностранного гражданина или лица без гражданства на стадии предварительного следствия должно быть подчинено решению вопросов, возникающих в процессе расследования конкретного преступления [9, с. 57].

По мнению А.З. Сороки, на процесс подготовки и проведения следственных действий с участием иностранных граждан влияют такие личностные особенности, как этнически-национальные, социальные, психологические [14, с. 113].

В свою очередь, Н.В. Софийчук считает, что на поведение участников уголовного процесса оказывает влияние принадлежность человека к той или иной национальности или вероисповеданию [15, с. 40].

Вышеизложенное подтверждается также юридической практикой. Незнание иностранным гражданином или лицом без гражданства российского уголовно-процессуального законодательства, обычаев, традиций, норм поведения, вероисповедания, невладение языком уголовного судопроизводства может привести к негативным последствиям при попытке установления психологического контакта с иностранным гражданином или лицом без гражданства, враждебности и закрытости в процессе общения, нежеланию давать показания, отказу от участия в следственных действиях или умышленному искажению произошедших событий и, как следствие, к существенным проблемам при производстве следственных действий с их участием.

В качестве примера можно привести ситуацию с проведением судебной экспертизы или освидетельствования в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, для которых обнажение тела недопустимо по религиозным принципам. В связи с этим привлечение для разъяснения положений ст. 179 УПК РФ представителей этих лиц поможет правильно понять и убедить иностранного гражданина или лица без гражданства в необходимости и правомерности таких действий.

По нашему мнению, при возникновении негативных явлений в ходе производства по уголовным делам в некоторых случаях необходимо привлекать в качестве специалистов психологов, переводчиков, а также в качестве представителей иностранных граждан и лиц без гражданства привлекать сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений, близких родственников, лиц одной национальности, тех, кто пользуется авторитетом в кругах иностранцев (например, это могут быть религиозные деятели, работники правозащитной организации, главы семей или диаспор и т.д.).

Резюмируя сказанное, следует отметить, что лицу, проводящему расследование уголовных дел с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, необходимо устанавливать рассмотренные особенности правового положения иностранного гражданина или лица без гражданства. Установление данных обстоятельств в ходе расследования позволит:

– дополнительно гарантировать обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;

– существенно облегчить установление психологического контакта с иностранными гражданами и лицами без гражданства;

– получить достоверные сведения о личности иностранного гражданина, о правовом положении и статусе, о законности и сроках пребывания на территории Российской Федерации;

– осуществить должное взаимодействие с представителями иных государств, международных служб и организаций в рамках международного сотрудничества;

– качественно изучить личность иностранного гражданина и лица без гражданства;

– получить квалифицированное разъяснение норм международного права и межгосударственных соглашений в области уголовного судопроизводства.

Очевидно, что действующий УПК РФ не отражает в полной мере указанные особенности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, положения об участии в уголовном судопроизводстве иностранных граждан и лиц без гражданства, содержащиеся в уголовно-процессуальном законе, носят разрозненный характер. Исходя из этого предлагаем объединить в отдельную главу УПК РФ положения, касающиеся участия иностранных граждан и лиц без гражданства в уголовном судопроизводстве. Результатом этого станет более качественное применение уголовно-процессуального закона, учитывающее приведенную специфику.

Список литературы

1. Сизов А.А. Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
2. Александрова О.И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 202 с.
3. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРА М), 2000. 990 с.
4. Якимчук Б.В. Особенности проведения следственных действий с участием иностранных граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. N 1. С. 26-29.
5. Ванюшин Я.Л. Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 103 с.
6. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. 64 с.
7. Хмелев С.А. Особенности расследования преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 187 с.
8. Земскова А.И. К вопросу об особенностях участия иностранных граждан в уголовном процессе Российской Федерации в качестве свидетелей и потерпевших // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. N 3. С. 90-95.
9. Филиппова Т.Ю. Учет психологических особенностей личности иностранных граждан при производстве по уголовным делам // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. N 3. С. 57-60.
10. Филиппова Т.Ю. Представительство иностранных граждан в российском уголовном судопроизводстве // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: сб. науч. тр. Омск: Омская акад. МВД России, 2013. Вып. 20. С. 64-68.
11. Ходукина О.А. Участие представителей общественности в уголовном судопроизводстве // Законность. 2001. N 4. С. 46-47.
12. Шинкевич Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии: дис. ... канд. юрид. наук. Смоленск, 2004. 237 с.
13. Алексеев Н.А., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерки развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 251 с.
14. Сорока А.З. Об определении факторов, влияющих на подготовку и проведение следственных действий с участием иностранных граждан // Актуальные проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы: материалы междунар. науч.- практ. конф. Мн., 2011. С. 112-113.
15. Софийчук Н.В. Производство следственных действий с участием иностранных граждан стран СНГ (по материалам Иркутской области и Республики Бурятия): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 189 с.

References

1. Sizov A.A. Features of pre-trial proceedings in cases of crimes committed by foreign citizens. Autoabstract Cand. Diss. Voronezh, 2006. 23 p. (In Russ.).
2. Aleksandrova O.I. Criminal procedural and forensic features of initiating and investigating criminal cases involving foreign citizens. Cand. Diss. Moscow, 2001. 202 p. (In Russ.).
3. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Koruhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics. Moscow, NORMA (NORMA-INFRA M) Publ., 2000. 990 p. (In Russ.).
4. Yakimchuk B.V. Features of conducting investigative actions with the participation of foreign citizens. Psychopedagogy in law enforcement agencies, 2013, no. 1, pp. 26-29. (In Russ.).
5. Vanyushin Ya.L. Legal status of foreign citizens in the Russian Federation. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2015. 103 p. (In Russ.).
6. Vasil'ev A.N. Problems of the methodology for investigating certain types of crimes. Moscow, 1978. 64 p. (In Russ.).
7. Hmelev S.A. Features of the investigation of crimes committed against foreign citizens. Cand. Diss. Volgograd, 2000. 187 p. (In Russ.).
8. Zemskova A.I. To the question of the peculiarities of the participation of foreign citizens in the criminal process of the Russian Federation as witnesses and victims. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 3, pp. 90-95. (In Russ.).
9. Filippova T.Yu. Taking into account the psychological characteristics of the personality of foreign citizens in criminal proceedings. Psychopedagogy in law enforcement agencies, 2013, no. 3, pp. 57-60. (In Russ.).
10. Filippova T.Yu. Representation of foreign citizens in Russian criminal proceedings. Approaches to solving problems of legislation and law enforcement. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. Issue 20. Pp. 64-68. (In Russ.).
11. Hodukina O.A. Public participation in criminal proceedings. Legality, 2001, no. 4, pp. 46-47. (In Russ.).
12. Shinkevich N.E. Topical problems of forensic victimology. Cand. Diss. Smolensk, 2004. 237 p. (In Russ.).
13. Alekseev N.A., Daev V.G., Kokorev L.D. Essays on the development of the science of the Soviet criminal process. Voronezh, 1980. 251 p. (In Russ.).
14. Soroka A.Z. On determining the factors affecting the preparation and conduct of investigative actions with the participation of foreign citizens. Topical problems of modern forensic science and forensic expertise. Minsk, 2011. Pp. 112-113. (In Russ.).
15. Sofychuk N.V. Investigative actions involving foreign citizens of the CIS countries (based on materials from the Irkutsk region and the Republic of Buryatia). Cand. Diss. Irkutsk, 2005. 189 p. (In Russ.).

Раздел 7. Спецтема: Противодействие преступности в новых геополитических реалиях

СВИНОВ Д.В., svinovdm@icloud.com	SVINOV D.V., svinovdm@icloud.com
Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области, 640626, г. Курган, ул. Куйбышева, 81	Department of the Ministry of the Interior of the Russian Federation for the Kurgan region, Kuybyshev St. 81, Kurgan, 640626, Russian Federation

О ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье обосновывается, что руководителем территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности выступает должностное лицо, назначаемое на должность и освобождаемое от нее в установленном нормативными правовыми актами порядке, осуществляющее руководство территориальным органом на основе единоначалия, являющееся организатором оперативно-розыскного процесса и несущее персональную ответственность за выполнение возложенных на территориальный орган задач. Изучив массив основных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы организации оперативно-розыскной деятельности, автор делает вывод о том, что правовая основа деятельности руководителя территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности представляет собой многоуровневую систему нормативных правовых актов, различных по юридической силе, назначению, содержанию и характеру, обеспечивающих эффективное регулирование вопросов организации оперативно-розыскного процесса в данном органе и реализацию его должностных полномочий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие; органы внутренних дел; субъект оперативно-розыскной деятельности.

Для цитирования: Свинов Д.В. О правовой основе деятельности руководителя территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 101-107.

ON THE LEGAL BASIS OF THE ACTIVITIES OF THE HEAD OF THE TERRITORIAL BODY OF INTERNAL AFFAIRS AS A SUBJECT OF CRIME DETECTION ACTIVITIES

Annotation. The author of the article proves that the head of the territorial body of internal affairs as a subject of crime detection activity is an official who is appointed to the position and dismissed from it in accordance with the procedure established by regulatory legal acts, who manages the territorial body on the basis of a single command, who is the organizer of the crime detection process and who is personally responsible for performing the tasks assigned to the territorial body. Having studied and analyzed the basic normative legal acts regulating the issues concerning the organization of crime detection activities, the author concludes that the legal basis of the activities of the head of the territorial body of internal affairs as a subject of crime detection activities is a multi-level system of normative legal acts, that are different in legal force, purpose, content and nature, ensuring effective regulation of the issues of organizing the crime detection process in this body and the implementation of his official powers.

Keywords: crime detection activity; crime detection action; internal affairs bodies; subject of crime detection activity.

For citation: Svinov D.V. On the legal basis of the activities of the head of the territorial body of internal affairs as a subject of crime detection activities // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No 2 (56). P. 101-107.

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что в современных условиях функционирования органов внутренних дел с учетом ограниченности ре-

сурсного обеспечения (в первую очередь, кадровой составляющей) и повышенной потребности общества и государства во внутренней безопасности существенно возрастает роль руководителя органа внутренних дел как организатора и координатора процесса противодействия преступности. В связи с наличием множества законодательных и иных актов, определяющих содержание оперативно-розыскной деятельности, в работе руководителя территориального органа внутренних дел существует ряд проблем. Вследствие этого возникает необходимость в упорядочении нормативных правовых источников применительно к практической деятельности руководителя территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности.

Вопрос о статусе руководителя территориального органа внутренних дел в теории оперативно-розыскной деятельности продолжает оставаться дискуссионным. Это связано с существующей в оперативно-розыскной науке полемикой о том, кем является руководитель территориального органа внутренних дел — субъектом либо участником оперативно-розыскной деятельности.

Не вдаваясь в детали данной полемики, следует согласиться с позицией ряда известных ученых (например, К.К. Горяинова, В.Ф. Луговика, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова), которая заключается в том, что руководитель территориального органа внутренних дел с учетом наличия у него специфических оперативно-розыскных функций и полномочий на санкционирование ряда оперативно-розыскных мероприятий является полноценным участником оперативно-розыскной деятельности.

При этом в данном случае под руководителем территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности необходимо понимать должностное лицо, назначаемое на должность и освобождаемое от нее в порядке, установленном нормативными правовыми актами и являющееся организатором оперативно-розыскного процесса.

Кроме того, в соответствии с пп. 15, 16 Типового положения о территориальном органе МВД России по субъекту Российской Федерации, утвержденного Ука-

зом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. N 699* руководитель территориального органа осуществляет руководство на основе единоначалия и несет персональную ответственность за выполнение возложенных задач.

Как известно, реальная и эффективная деятельность по правоприменению возможна лишь при условии ее качественной правовой основы [1, с. 67], под которой, по мнению ряда исследователей, понимается система нормативных правовых актов, регламентирующих определенную область общественных отношений и правового механизма реализации юридических норм [2, с. 84; 3, с. 14; 4, с. 8; 5, с. 120; 6, с. 71].

В литературе по юриспруденции понятие «правовая основа» употребляется наряду с термином «правовое регулирование» и интерпретируется как форма регулирования общественных отношений, посредством которой поведение их участников приводится в соответствие с требованиями, содержащимися в нормах права, а механизм правового регулирования включает в себя правовые нормы, правовые отношения, правовую ответственность, правовое сознание и т.д. [3, с. 47; 4, с. 12; 5, с. 147; 6, с. 97].

На основании отмеченного полагаем, что правовая основа деятельности руководителя территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности представляет собой совокупность (систему) нормативных правовых актов, обеспечивающих эффективное регулирование вопросов организации оперативно-розыскного процесса в данном органе и реализацию его должностных полномочий.

Как справедливо отмечает В.А. Гусев, большая часть норм оперативно-розыскного права носит ярко выраженный процессуальный и процедурный характер. В частности, это нормы, закрепляющие

* См.: Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 дек. 2016 г. N 699: ред. от 19 февр. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 52 (ч. V). Ст. 7614; 2021. N 8 (ч. I). Ст. 1315.

виды, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ведение дел оперативного учета, использование результатов оперативно-розыскной деятельности и т.п. [7, с. 42].

Примечательно, что еще задолго до принятия Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»* в юридической литературе было высказано мнение о том, что нормы, регулирующие оперативно-розыскную деятельность, по своей природе являются процессуальными и предназначены, наравне с нормами уголовно-процессуального права, для реализации норм уголовного права [8, с. 72].

Необходимо отметить, что в настоящее время совокупность норм, регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий, не обладает четкой структурой и стройностью системы. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, влияет на то, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий допускаются организационные и тактические ошибки, которые в последующем значительно затрудняют либо делают невозможным использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Правовая основа определенных видов и направлений деятельности, как принято в юриспруденции, представляет собой сложную структуру в виде многоуровневой системы нормативных правовых источников, включающих в себя различные по силе, назначению, содержанию и характеру акты [9, с. 138; 10, с. 87; 11, с. 17; 12, с. 41; 13, с. 48; 14, с. 101]. Исследуя правовую основу деятельности руководителя территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности, необходимо отметить, что подобная основа необходима для своевременного, полного и эффективного принятия мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, розыску скрывшихся преступников и лиц, пропавших без вести, решения иных задач оперативно-розыскной деятельности, рационального и эффективного расходования финансовых средств, выделяемых на

оперативно-розыскную деятельность, обеспечения соблюдения прав и законных интересов граждан, правомерного проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Применительно к изучаемой сфере, на наш взгляд, можно отметить, что такая система источников состоит из нескольких уровней.

Первый уровень — это Конституция Российской Федерации, которая, обладая высшей юридической силой, устанавливает основные принципы взаимоотношений правоохранительной системы государства и общества в области борьбы с преступностью. Это провозглашение прав и свобод человека высшей ценностью, равенство граждан перед законом, соблюдение общепризнанных норм международного права в сфере обеспечения прав и свобод человека, гарантии их судебной защиты, неприкосновенность жилища, частной жизни, личной и семейной тайны, установление законом порядка ограничения прав и свобод человека для достижения общественно значимых целей и ряд других (ст.ст. 2, 17, 19, 23, 25, 46, 49, 55).

Конституция Российской Федерации также регламентирует деятельность государственных органов в сфере противодействия преступности (в том числе МВД России) путем закрепления полномочий органов государственной власти и их должностных лиц в части возможности принятия нормативных правовых актов, регламентирующих различные сферы их деятельности (ст.ст. 76, 90, 104, 105, 115), включая оперативно-розыскную деятельность. При этом ряд положений Конституции Российской Федерации имеет непосредственное отношение к сфере регулирования оперативно-розыскной деятельности. Например, обязательность получения судебного решения в случае необходимости ограничения прав граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений регламентирована ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции Российской Федерации.

Соответственно, руководитель территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности при ее организации руководствуется конституционными принципами.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349.

Второй уровень рассматриваемой системы источников образуют общепризнанные принципы и нормы международного законодательства, которые в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации провозглашены составной частью правовой системы Российского государства: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Среди множества источников международного права, имеющих отношение к организаторской деятельности руководителя территориального органа внутренних дел, в том числе по управлению оперативно-розыскным процессом, можно выделить Всеобщую декларацию прав человека (принята на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.)*, Международный пакт о гражданских и политических правах (принят на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 2200 А (XXI) («Международный пакт о правах человека») от 16 декабря 1966 г.)**, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.)***, Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в г. Минске 26 мая 1995 г.)****, Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS N 126 (заключена в г. Страсбурге 26 ноября 1987 г.)*****, Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Ре-

золюцией 55/25)*****, Конвенцию ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 58/4)***** и другие.

Третий уровень, на наш взгляд, включает систему федеральных законов, в том числе федеральных конституционных законов, прямо или косвенно регулирующих как вопросы организации оперативно-розыскной деятельности, так и деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих ее, а также отношения, возникающие в процессе реализации оперативно-розыскной деятельности.

Центральное место в данной системе занимает Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», который раскрывает сущность и содержание оперативно-розыскной деятельности, а также устанавливает гарантии соблюдения законности при ее осуществлении. При этом ст.ст. 13 и 22 настоящего федерального закона органы внутренних дел определены в качестве одного из субъектов оперативно-розыскной деятельности и установлено, что «руководители органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий».

В состав данной системы также следует включить Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ, федеральные законы: от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*****, от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»*****, от

* Рос. газ. 1998. 10 дек.

** Действующее международное право: в 3 т. Т. 2. М.: МНИМП, 1996.

*** Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. N 3; 2018. N 12.

**** Там же. 1999. N 6.

***** Там же. 1998. N 12.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 40. Ст. 3882.

***** Там же. 2006. N 26. Ст. 2780.

***** О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 5 апр. 2021 г. // Там же. 2011. N 7. Ст. 900; 2021. N 15 (ч. I). Ст. 2447.

***** О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ: ред. от 5 апр. 2021 г. // Там же. 1995. N 29. Ст. 2759; 2021. N 15 (ч. I). Ст. 2445.

21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне»*, от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»** и ряд других. В целом данная система образована более чем двадцатью законодательными актами, как определяющими базисные основы осуществления оперативно-розыскной деятельности, так и регулируемыми отношения в сфере оперативно-розыскной деятельности, а также функционирование отдельных ее составляющих (в том числе должностных лиц).

Четвертый уровень представлен указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, в большей степени касающимися регулирования отдельных вопросов, в том числе процедурных и организационных задач. В качестве примера следует привести Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. N 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». Типовое положение о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, устанавливая полномочия территориального органа внутренних дел и его руководителя в целом, в ч. 7 п. 13 определяет, что территориальный орган МВД России «организует и осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность».

К данному уровню следует отнести и иные акты Президента Российской Федерации, касающиеся вопросов организации оперативно-розыскной деятельности, которыми руководствуется руководитель территориального органа внутренних дел.

* О государственной тайне: федер. закон от 21 июля 1993 г. N 5485-1: ред. от 9 марта 2021 г. // Рос. газ. 1993. 21 сент.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 11. Ст. 1704.

** Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ: ред. от 9 марта 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3448; 2021. N 11. Ст. 1708.

Например, указы Президента Российской Федерации: от 1 сентября 1995 г. N 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств»***, от 9 января 1996 г. N 21 «О мерах по упорядочению разработки, производства, реализации, приобретения в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы, а также использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»****, от 30 ноября 1995 г. N 1203 «Об утверждении сведений, отнесенных к государственной тайне»*****, от 6 марта 1997 г. N 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера»*****, от 1 марта 2011 г. N 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации»*****, от 21 сентября 2009 г. N 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»***** и др.

Пятый уровень включает постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, имеющие значение для деятельности руководителя территориального органа внутренних дел в ходе реализации оперативно-розыскного процесса. Например, постановления Правительства Российской Федерации: от 1 июля 1996 г. N 770 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предна-

*** Там же. 1999. N 24. Ст. 2954.

**** Там же. 1996. N 3. Ст. 153.

***** Там же. 1995. N 49. Ст. 4775.

***** Там же. 1997. N 10. Ст. 1127.

***** Там же. 2011. N 10. Ст. 1334.

***** Там же. 2009. N 39. Ст. 4588.

значенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности»*, от 27 августа 2005 г. N 538 «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность»**, от 6 февраля 2010 г. N 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне»*** и др.

К шестому и седьмому уровням следует отнести акты соответственно ведомственной и межведомственной компетенции федерального уровня (в первую очередь, акты МВД России) и уровня субъекта Российской Федерации (по аналогии, в первую очередь, акты территориального органа внутренних дел), регламентирующие и различные вопросы организации оперативно-розыскной деятельности в целом, и проведение непосредственно оперативно-розыскных мероприятий, а также устанавливающие полномочия, задачи, права, обязанности оперативных органов, подразделений и их должностных лиц.

Примерами ведомственных и межведомственных актов, носящих открытый характер, являются приказ МВД России от 19 июня 2012 г. N 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России»**** и приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов опе-

ративно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»*****.

Кроме того, значительная часть ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы оперативно-розыскной деятельности, — это приказы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну.

В отдельную группу также необходимо отнести акты официального толкования Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе изданные в форме определений, существенно влияющие как на содержание правовой основы оперативно-розыскной деятельности, так и на сущность организации деятельности в данной сфере. В качестве примера следует привести определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 14 июля 1998 г. N 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И.Г. Черновой», от 22 апреля 2014 г. N 843-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилкова Геннадия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”», от 22 апреля 2014 г. N 844-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидоренкова Григория Николаевича на нарушение его конституционных прав частями седьмой и восьмой статьи 8 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, частью первой статьи 144 и пунктом 3 части первой статьи 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 22 апреля 2014 г. N 845-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крюкова Виктора Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности”, статьями 30, 158 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации»*****.

Таким образом, рассмотрев вопрос о правовой основе деятельности руководи-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 28. Ст. 3382.

** Там же. 2005. N 36. Ст. 3704.

*** Там же. 2010. N 7. Ст. 762.

**** Рос. газ. 2012. 3 авг.

***** Там же. 2013. 13 дек.

***** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

теля территориального органа внутренних дел как субъекта оперативно-розыскной деятельности, следует заключить, что она представляет собой многоуровневую систему различных по юридической силе, назначению, содержанию и характеру нормативного предписания актов, обеспечивающих эффективное регулирование вопросов организации оперативно-розыскного процесса в конкретном органе и реализацию должностных полномочий указанного руководителя.

Список литературы

1. Мурсалимов К.Р. Влияние качества нормативной правовой базы на эффективность правоприменения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. N 4. С. 67-70.
2. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Омега-Л, 2004. 525 с.
3. Теоретические основы предупреждения преступности / В.В. Клочков [и др.]; отв. ред.: В.К. Звирбуль, В.В. Клочков, Г.М. Миньковский. М., 1977. 255 с.
4. Алексеев А.И. Правовые основы профилактики преступлений органами внутренних дел: лекция. М., 1980. 30 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. 359 с.
6. Ясков Е.Ф. Теория организации: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 270 с.
7. Гусев В.А. Система процедурно-процессуальных норм оперативно-розыскного законодательства и ведомственного регулирования: монография. Хабаровск, 2012. 347 с.
8. Сидоренко Н.И. Процессуальное содержание норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел // Проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Киев, 1978. С. 137-139.
9. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М., 2005. 759 с.
10. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. II. М., 1982. 359 с.
11. Иванов С.А. Нормативные правовые акты Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2004. 49 с.
12. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 54 с.
13. Основы права: учебник / под ред. В.Б. Исакова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 480 с.
14. Иванова С.И., Микайлов С.М. Деятельность органов внутренних дел (полиции) в сфере обеспечения национальной безопасности России: монография. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017. 110 с.

References

1. Mursalimov K.R. The influence of the quality of the regulatory legal framework on the effectiveness of law enforcement. Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008, no. 4, pp. 67-70. (In Russ.).
2. Atamanchuk G.V. Theory of public administration. Moscow, Omega-L Publ., 2004. 525 p. (In Russ.).
3. Klochkov V.V. [i dr.]. Theoretical foundations of crime prevention. Moscow, 1977. 255 p. (In Russ.).
4. Alekseev A.I. Legal bases of crime prevention by the internal affairs bodies. Moscow, 1980. 30 p. (In Russ.).
5. Alekseev S.S. General theory of law. In 2 volumes. Vol. I. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 359 p. (In Russ.).
6. Yas'kov E.F. Organization theory. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2010. 270 p. (In Russ.).
7. Gusev V.A. The system of procedural and procedural norms of operational-search legislation and departmental regulation. Khabarovsk, 2012. 347 p. (In Russ.).
8. Sidorenko N.I. Procedural content of the norms governing the operational-search activity of the internal affairs bodies. Problems of improving the operational-search activity of the internal affairs bodies. Kiev, 1978. Pp. 137-139. (In Russ.).
9. Marchenko M.N. Sources of law. Moscow, 2005. 759 p. (In Russ.).
10. Alekseev S.S. General theory of law. In 2 volumes. Vol. II. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 359 p. (In Russ.).
11. Ivanov S.A. Regulatory legal acts of the Russian Federation. Moscow, 2004. 49 p. (In Russ.).
12. Tolstik V.A. The hierarchy of sources of Russian law. Autoabstract Doct. Diss. Nizhny Novgorod, 2002. 54 p. (In Russ.).
13. Law basics. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017. 480 p. (In Russ.).
14. Ivanova S.I., Mikailov S.M. The activities of the internal affairs bodies (police) in the field of ensuring the national security of Russia. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2017. 110 p. (In Russ.).

ДЛЯ ЗАМЕТОК